

АПРЕЛЬ | 2024

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ДЕТИ ВОЙНЫ

Один день на мечты о будущем

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

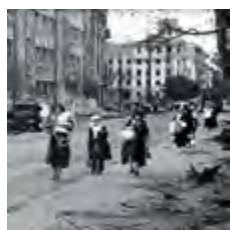
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

04 Забвению
не подлежит

ИСТОРИЯ

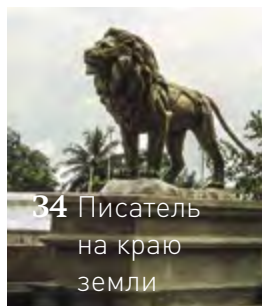
14 Хроники
Древней
Руси

22 Геркулес
флота
Российского

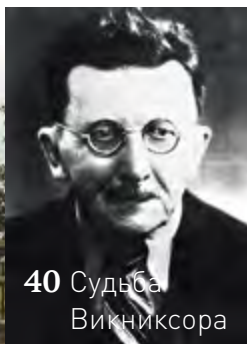

28 Корсиканская тень
Наполеона

НАСЛЕДИЕ

34 Писатель
на краю
земли

40 Судьба
Викниксора

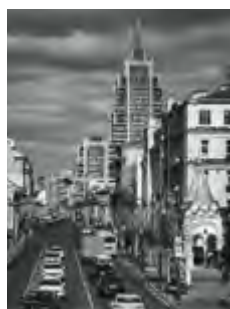

46 Винтовка
+ Варвара

КУЛЬТУРА

62 Да будет
жизнь
окрест

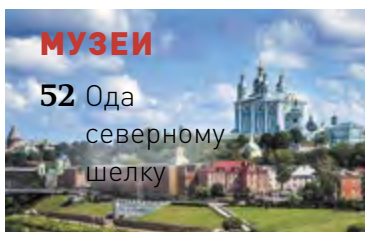

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

84 Самая малая
Дмитровка

МУЗЕИ

52 Ода
северному
шелку

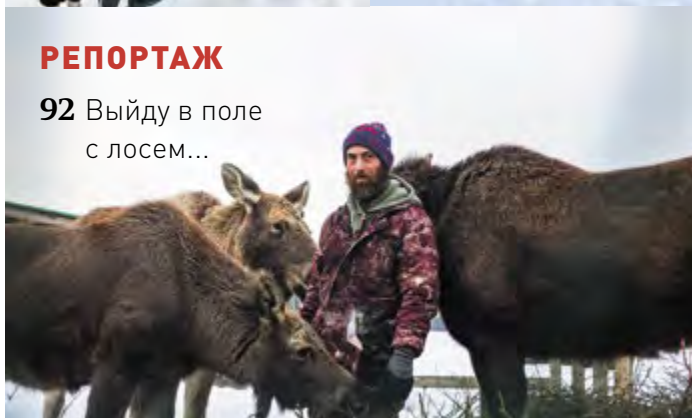
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

68 Маленькие
моржи

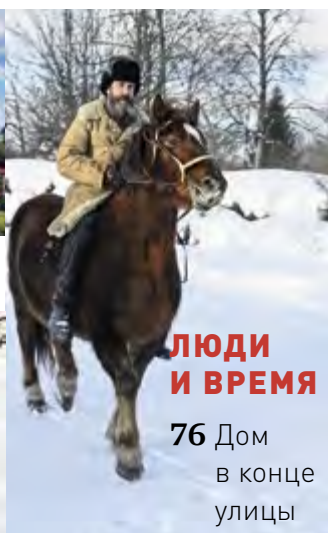
РЕПОРТАЖ

92 Выйду в поле
с лосем...

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Дом
в конце
улицы

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Александр АЛИМОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Николай АНДРЕЕВ
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Виктор ГАВРИКОВ
Анастасия ЗАБРОДИНА
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Ирина ИВИНА
Алексей КАРПОВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИКТОРОВИЧ**
Министр
иностранн
дел РФ
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения РФ
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры РФ

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования РФ

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многостороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям МИД РФ
(председатель
правления фонда)

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
и связей
с общественностью
Минпросвещения
РФ

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки РФ

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
музеев
и внешних связей
Минкультуры РФ

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ТОЛСТОЙ
ВЛАДИМИР
ИЛЬИЧ**
Советник
президента РФ
(председатель
наблюдательного
совета фонда)

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностраных дел РФ
(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)

ВЛАДИМИР ГЕРДЮ / РИА НОВОСТИ

**ГРИБОВ
ДЕНИС
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
просвещения РФ

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры РФ

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по межрегиональ-
ным и культурным
связям с зарубеж-
ными странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования РФ

**НЕВЕРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества
Независимых
Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по между-
народному
гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по приграничному
сотрудничеству

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций РФ

**ТОРКУНОВ
АНАТОЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

АВТОР

АНАСТАСИЯ ЗАБРОДИНА

Я НЕ ЗНАЮ, КАК ПИСАТЬ ЭТОТ ТЕКСТ. НЕ ЗНАЮ, КАК ДРУГИМ ПОТОМ ЕГО ЧИТАТЬ. ВОЗМОЖНО, ТАК, КАК НЫРЯЮТ В ЛЕДЯНУЮ ВОДУ – ЗАДЕРЖАВ ДЫХАНИЕ, ЧТОБЫ НИЧЕГО НЕ ЧУВСТВОВАТЬ. ПОТОМУ ЧТО ОН – О ДЕТЯХ ВОЙНЫ. РАССТРЕЛЯННЫХ, ЗАБИТЫХ ДО СМЕРТИ, СОЖЖЕННЫХ, ЗАМУЧЕННЫХ ПЫТКАМИ, ЗАМОРЕННЫХ ГОЛОДОМ. УБИТЫХ ПООДИНОЧКЕ И ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ, БРАТЬЯМИ И СЕСТРАМИ. О КРОШЕЧНЫХ ГРУДНИЧКАХ И ПОДРОСТКАХ. О СЛУЧАЙНЫХ ЖЕРТВАХ И МУЖЕСТВЕННЫХ ГЕРОЯХ. О ТЕХ, КОГО ЛИШИЛИ ПРАВА НА ЖИЗНЬ. ЭТОТ ТЕКСТ – ДАНЬ ИХ ПАМЯТИ.

ОН РОДИЛСЯ КАК продолжение разговоров с воронежским историком Виктором Бахтиным, часть которого была опубликована в прошлом номере (см.: «Русский мир.ру» №3 за 2024 год, статья «Души больные»). Виктор Викторович – составитель и автор предисловия «воронежского» тома многотомного издания «Без срока давности», свидетельствующего о зверствах нацистов во время оккупации ряда территорий России. Значительное количество актов и протоколов по этим преступлениям, которые хранятся в архивах, все еще носят гриф секретности – срок, который бы позволил предать

их огласке, пока не вышел. Нам еще предстоит ужасаться тому, что творили с нашей землей и нашими людьми европейские оккупанты.

Однако всем ясно, какой кровавой ценой была выкуплена жизнь каждого из нас. То, что мы сегодня читаем эти строки – настоящее чудо. Ведь миллионы наших не родившихся сограждан никогда не смогут этого сделать. Они так и не стали нашими соседями, любимыми, друзьями, коллегами, наставниками. Потому что их предки остались лежать в воронежском черноземе, так и не успев вырасти.

Архивные документы, использованные в сборнике, датируют-

ся в основном 1942–1943 годами. Красная армия постепенно освобождала Воронежскую область, и по горячим следам собирались свидетельства о преступлениях нацистов – немецких, итальянских, венгерских, финских, украинских. Восемьдесят лет люди бьются над вопросом: «Как такое было возможно?» Но ответа так и не нашли.

ТОТАЛЬНОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ

«На территории села 1-я Белая Горка Радченского района немецкие оккупанты зверски сожгли семьи красноармейцев. У Тимофея Савельева – сына Сашу, 6 лет, и дочку Валу, 3 лет. У красноармейца Ивана Шмелева – жену Татьяну, 22 лет,

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

с сыном Ваней, 10 месяцев. У красноармейца Тимофея Горбунова – жену Марию, 30 лет, и сына Ивана, 4 лет. Просим нашу доблестную Красную Армию отомстить немецким фашистским варварам за зверское издевательство над мирными гражданами». С Виктором Бахтиным мы листаем материалы дел, которые легли в основу книги, и я задаю ему те же вопросы, которыми, очевидно, задавались члены Государственной чрезвычайной комиссии, расследовавшие злодеяния фашистов: «Что происходило в головах тех, кто это делал? Какой должна быть картина мира, допускающая убийства детей?» Нужно понять, как

развивалась эта чума, чтобы никогда больше не пустить ее на русскую землю. «Два извращенных логических хода в системе взглядов нацистов оправдывали расправы, – говорит Виктор Бахтин. – Первый касался уничтожения детей в составе так называемых «целевых групп». Целевыми группами нацисты считали тех, кто, согласно их доктрине, подлежал тотальному истреблению. С 1941 года на всей оккупированной территории СССР они уничтожались на месте и, по возможности, полностью. Целевыми группами, обреченными на полное истребление, были семьи офицеров Красной армии и партизан – именно

о расправе над такими семьями рассказывают документы». По расовому признаку в такую же целевую группу входили евреи и цыгане. Трагедия борьбы за «чистоту расы» описана многократно. Не обошла она и Воронеж. «3 марта 1943 года при обследовании дома №37 по улице 9-го Января в его дворе были обнаружены сложенные в двух местах 7 трупов. Из коих – 3 женского пола, 2 мужского пола и двое детей возраста примерно 5 лет и 13 лет, одетые в ветхие рваные пальто. У двоих трупов оказались проломленные черепа, а у одного трупа оказалась отрублена голова. Все вышеперечисленные трупы принадлежали к числу еврейской национальности и затем были похоронены на Предтеченском кладбище», – составят акт управдом Ворошиловского райисполкома г. Воронежа Дмитрий Митрофанович Петров и зав. райжилсоюза Ворошиловского райисполкома Тихон Антонович Шульгин. Извращенная логика евгеники, оправдывающая «очищение от вырождения человеческого генофонда», на которую опиралось мировоззрение нацистов, не оставляла шансов на жизнь никому, кого оккупанты могли заподозрить в душевных болезнях. Возраст также не являлся спасением. Историю убийства одного из воспитанников интерната для детей с ментальными особенностями описывает очередной документ, на который обращает внимание мой собеседник. «Из акта комиссии колхоза «Красный свекловод» Широковского сельсовета Нижнедевицкого района 14 июля 1943 г. Из опроса свидетелей установлено: немцы расстреляли одного больного (фамилию колхозники не знают, т.к. он не из этого сельсовета). Этот больной был беспризорный. Колхозники дали ему 5 яиц. Немецкий офицер, увидев яйца, подошел к мальчику и хотел их у него отнять. Мальчик укусил офицера за палец. Офицер вынул наган и застрелил его».

Еще одна целевая группа, обреченная на полное истребление, но уже по признаку идеологии – коммунисты и советские работники. «30 марта 1943 г. районной комиссией Голосновского района Воронежской области по учету злодеяний, совершенных гитлеровскими бандитами за время оккупации составлен акт. Фашисты схватили и после долгих пыток расстреляли председателя колхоза, коммуниста Бориса Михайловича Прокопова, рождения с 1893 года. Также расстреляли его дочь, комсомолку Марию Борисовну Прокопову, 1922 года рождения, сына Николая Борисовича Прокопова, 17 лет, слепого от рождения, жену Анисью Ивановну Прокопову и двух малолетних детей, Дмитрия и Сергея».

РАНЕНЫЕ БОЙЦЫ И ДЕВОЧКА ИРА

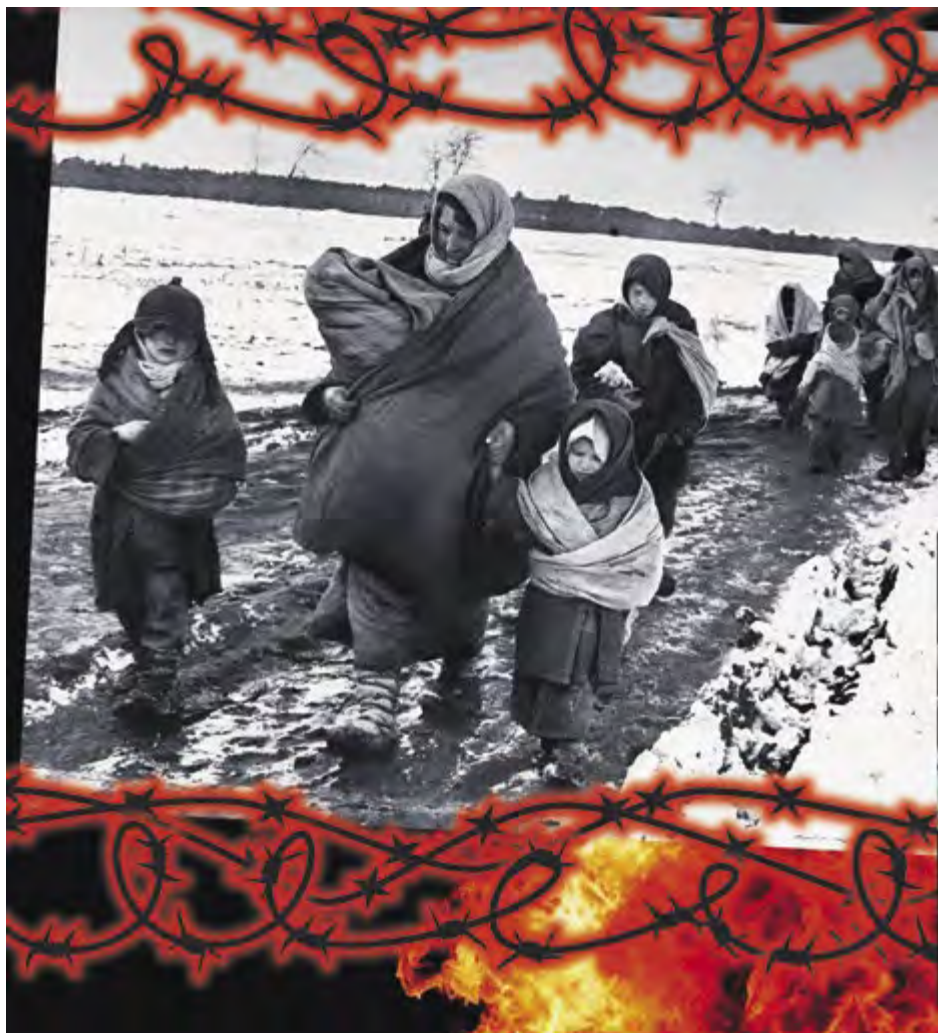
Уничтожению подвергалась также и вся семья, если кого-то в ней заподозрили в помощи партизанам. «15 июня 1942 года во II-м Перлевском сельсовете подверглась истязаниям семья коммуниста Сергея Ивановича Минакова. Жена, Минакова Александра Игнатьевна, 1889 г. рождения и ее дети, Антонина Сергеевна, 1925 года рождения, сын Игнат Сергеевич, 1927 г. рождения, и сын Василий Сергеевич, 1931 года рождения. Всех их избивали прикладами и плетками, после чего мать стала ненормальная. Сына Минакова, Василия, 11 лет, пытали – подвешивали на виселицу, в таком состоянии держали несколько минут, потом сбрасывали на землю, и у него шла кровь носом и горлом. Причиной пыток и издевательств над семьей Минакова послужило заявление сообщника фашистов Проскурякова о том, что в доме Минаковых скрываются партизаны-коммунисты».

«Полное уничтожение семей врагов нарушало все предыдущие нормы ведения войн. Жен и детей врагов обращали в рабство, но не уничтожали. Поче-

му же фашисты отменили этот закон? Здесь можно ответить фразой, которую палач города Воронежа Вольдемар фон Радецкий сказал советской разведчице Еве Никитиной, которая работала у него переводчицей. «Молодежь наиболее особо проникнута духом большевизма, наиболее полно впитала в себя идеи марксизма и не подлежит перевоспитанию». Если стариков, заставших царское время, еще можно было склонить к сотрудничеству, то с юношеством это было невозможно», – объясняет Виктор Бахтин.

Остаться человеком, сохранить способность сочувствовать и помогать – уже значило совершить выбор, за который при-

дется платить жизнью. «29 января 1943 года в колхоз им. 18-го Партсъезда во время боя ворвались бойцы Красной Армии. Часть из них была ранена. Раненых поместили в хату колхозницы Анны Григорьевны Косиновой, где в это время находилась девочка Ирина Кузнецова, 12 лет, дочь колхозницы Анны Кузнецовой, – повествует очередной документ. – Анна Кузнецова находилась в это время с грудным ребенком в другом месте. Она собиралась идти домой и забрать свою дочь Ирину, но не успела. Немцы окружили наших красноармейцев и вернулись обратно в хату, где находились раненые бойцы и вместе с ними девоч-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

ка Ира Кузнецова. Когда мать Ирины вошла в хату, там уже были немцы. На дворе же лежали расстрелянные красноармейцы и мертвая девочка с пулевой раной на голове».

МАТЬ И ШАШКА

«Семьи целевых групп уничтожались полностью. Не имело значения, сколько ребенку – 3 месяца или 10 лет. Но дело в том, что с такой же легкостью уничтожались не только дети красноармейцев, партийных и советских работников. Массовое уничтожение детей – это уничтожение будущего, подрыв основы существования народа. Нацисты ставили перед собой задачу не только полностью уничто-

жить опасные для них целевые категории, но и резко сократить население европейской части России. Им надо было освободить для себя «жизненное пространство» от коренных жителей. Славянское население в целом рассматривалось Гитлером как расово неполноценное, и угрызений совести от убийства русского ребенка у «истинных арийцев» не было. Именно убийство детей, в том числе и из нецелевых групп, показывает геноцидный характер политики, проводимой нацистами на оккупированных территориях», – убежден Виктор Бахтин. Сухие строки документов подтверждают его страшную правоту.

«Март 1943 года. На ул. Никитинская, дом №16, на первом этаже был обнаружен труп ребенка, порубленный на несколько частей. Труп на вид имеет возраст 2 лет. Гражданка А.И. Иванникова дала следующие показания в Воронежскую государственную комиссию по расследованию немецко-фашистских зверств. В конце июля 1942 года, когда фашисты предложили жителям немедленно оставить г. Воронеж, граждане Воронежа шли из города по ул. Никитинская. В это время впереди Иванниковой шла женщина, на вид лет 28–30. Худощавая, бледная, по всей вероятности, больная. Она несла с собой ребенка – девочку 2–3 лет. Ребенок все время плакал и просил у матери кушать. Последняя также плакала и начала понемногу отставать от остальных граждан, которых гнали немцы. Среди немцев было четыре всадника и один офицер. Когда женщина с больным ребенком начала отставать от остальных, офицер вырвал из рук матери ребенка и бросил его на землю. Он взял у всадника шашку и тут же изрубил ребенка. Потом он заставил одну из женщин убрать труп ребенка, который отнесли в дом 16 по ул. Никитинская. «Мать этого ребенка также повели во двор и тоже, видимо, расстреляли, так как я ее больше не видела, а выстрелы в этом доме были», – показала Иванникова».

ПРО ВИШНЮ И КОЖАНЫЙ РЕМЕШОК

«Обратите внимание на легкость, с какой совершаются убийства. Никаких сомнений. Никаких формальных судебных следственных процедур. Никаких расследований», – подчеркивает воронежский историк и обращает внимание еще на несколько документов.

«27 февраля 1943 года граждане Верхне-Никольского сельсовета Хохольского района, его председатель Тихон Степанович Прохоров и депутаты составили настоящий акт. При временной оккупации сельсовета немецко-фашистской армией были зверски избиты дети за то, что они нашли на улице ремешок: Иван Тихонович Русин, 9 лет, Николай Иванович Попов, 11 лет, и Михаил Сергеевич Князев, 7 лет. Немецко-фашистские солдаты увидели, что эти ребята играют ремешками на улице. Немцы посчитали их ворами и начали водить по населенному пункту, избивать их плетями и палками и поперебили им ноги и руки. 28 июля 1942 года они взяли Ивана Тихоновича Русина, расстреляли его и бросили посредине населенного пункта в овраг и никому не велели прибирать труп. Русин Иван Тихонович, 9 лет, лежал неприбранный посреди населенного пункта шесть дней».

«28 июля 1942 года немецким солдатом Рудольфом была убита ученица 4 класса 12-летняя девочка Прасковья Яковлевна Мартыненко. Двенадцатилетняя Паша сидела на вишне и объедала плоды. Немецкий солдат выстрелил из автомата и убил ее. В чем и составлен настоящий акт».

«Заявление жительницы хутора Веселого Коротоякского района Е.И. Петрашевой в Воронежскую областную комиссию ГЧК: 19 августа 1942 года немецко-фашистскими захватчиками была расстреляна моя дочь возраста шести месяцев, Петрашова Татьяна Максимовна. При сильной бомбардировке в ночной поре я хотела уйти из дома

в бомбоубежище. Открыла дверь. Около двери стояли три венгерских солдата. Они наставили на меня оружие, и один из них сделал выстрел, пробил дверь и попал прямо в грудь маленькой девочки. Она умерла на моих руках».

«Как известно, идеологи нацизма делили расы на категории. Евреи и цыгане были в самом низу расовой пирамиды. А следом шли славяне. Уничтожение евреев и цыган было апробацией уничтожения других «расово неполноценных» народов. И в случае победы нацистов истребление русских было бы поставлено на поток. Их многочисленность представлялась серьезной проблемой для построения Третьего рейха», – продолжает Виктор Бахтин.

Вот молодая женщина хочет спрятаться от бомб в погребе или в поле, открывает дверь, натывается на венгерских солдат, пугается, закрывает дверь и сразу же получает сквозь нее автоматную очередь. Никаких сдерживающих начал у оккупантов нет. Нет юридических или моральных запретов применять насилие к гражданскому населению. Абсолютная безнаказанность развязывает им руки.

ПРО ГРУШУ И АУСВАЙС

«Осенью комсомолец Иван Лазырев вышел в лес за грушами. Там его встретили мадьяры и живым зарыли в землю». «В ноябре 1942 года немцы расстреляли эвакуированную женщину, идущую с восьмимесячным ребенком, за то, что она шла без пропуска из села Троицкое в село Березово».

«За что убили эту женщину с грудным ребенком? За то, что она шла без документов. Но сделали это так легко, потому что она – русская. Оккупантам было все равно, с ребенком женщиной или без. Им было важно, что она шла без пропуска. Все местное население Воронежской области было поставлено на учет. В отдельных селах жители даже были обязаны ходить с нашивками или повязками. А здесь –

ноябрь 1942 года, скорее всего, это беженка из Воронежа, откуда было полностью изгнано население. Она нигде не может прибиться, нигде не зарегистрирована. Несмотря на то, что она с ребенком, ее превентивно убивают как партизанку. Также, на всякий случай, был убит и отправившийся за дикими грушами юноша», – поясняет мой собеседник. И следующий следственный акт подтверждает его правоту.

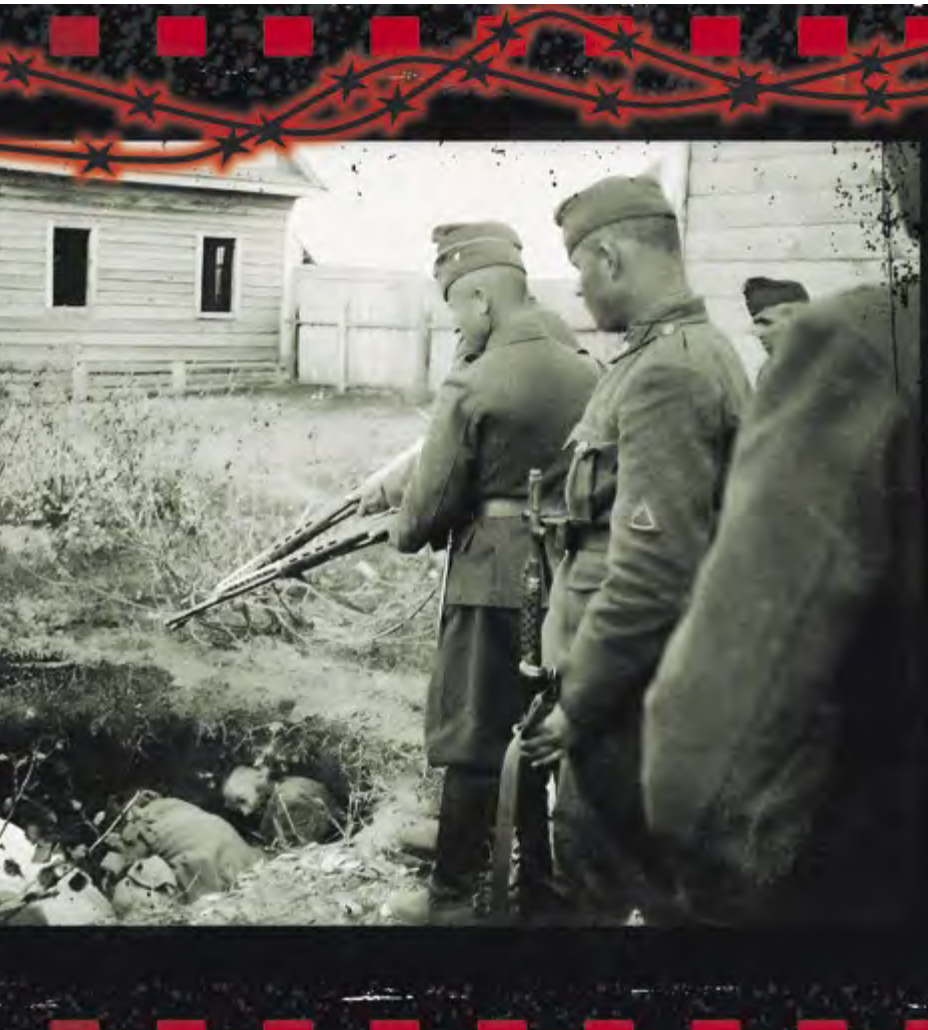
«28 сентября 1942 года в Курской области были расстреляны уроженцы села Малышево. В том числе Иван Васильевич Плотников, 1927 года рождения, учащийся. Злодеяние совершено при следующих обстоятельствах. По прибытию вышепоименованных граждан в Курскую область в ночь на 28 сентября 1942 года село Боровка было атаковано немецко-фашистским карательным отрядом. Он прибыл со станции Касторное, чтобы найти партизан. Партизан им найти не удалось. Тогда утром 28 сентября 1942 года немецкий карательный отряд собрал мужчин села Боровка. Их стали допрашивать о партизанах, но мужчины молчали. Немцы стали выяснять, кто является уроженцем данного села, а кто прибыл с других областей. О прибывших гражданах Воронежской области Малышевского сельсовета старшина Боровского сельсовета не мог ничего сказать. Немцы их тут же отвели в сторону и расстреляли как партизан».

ПРО ЖАР И ХОЛОД

Убит мог быть любой, кто создавал оккупационным властям не только угрозу, но и просто малейшие затруднения. Избегающий угона на работы в Германию или в немецкий тыл. Отказавший покинуть собственный дом, если тот приглянулся немецким солдатам. Не отдавший продукты или домашнюю скотину, сопротивляющийся грабежу или (если это девушка или молодая женщина) домогательствам – всего этого

было достаточно, чтобы уничтожить жителя оккупированных территорий. Могли убить за ложное обвинение в воровстве, подозрительный шорох в кустах или погребе, прямой взгляд, смелое слово. Наконец, убить могли и без причины. Просто потому, что «истинный ариец» не в духе или захотел пошутить. Дела Государственной чрезвычайной комиссии забиты под завязку подобными примерами. «Протокол допроса свидетеля Михаила Егоровича Колесникова, 1927 года, жителя села Пасюковка Кантемировского района, о гибели всей его семьи от рук немецко-фашистских оккупантов. В селе в период оккупации была расположена немец-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

кая воинская часть СС. Когда Красная армия приближалась к селу, немцы приказали населению уходить в тыл, а большинство населения хотели отправиться на работу в Германию. Население узнало об этом и начало скрываться в погреба, ямы и другие места.

Моя мать, Наталья Елизаровна Колесникова, с дочерьми и дедушкой 65 лет, Иваном Яковлевичем, скрывались в яме. Немецкий солдат заметил, что наша семья скрывается в яме, подошел к яме и расстрелял из винтовки мою мать, дедушку и сестренку. Те же немцы убили в яме Варвару Андреевну Пасюкову с девочкой 12 лет. Теперь живу один без матери и отца».

«В августе 1942 года немецкие части, отступая под напором Красной армии из города Коротояка и села Архангельское, зажгли дома по улице Октябрьский переулок. Группа немецких солдат, зажигая дом, заглянула в погреб, находящийся недалеко от дома. Обнаружив укрывающуюся там семью Ветрова, немцы бросили туда какую-то зажигательную смесь. В пламени сгорели живо: Ветров Стефан Антипович, 44 лет, Ветрова Мария Стефановна, 16 лет, Ветрова Татьяна Стефановна, 14 лет, Ветров Василий Стефанович, 12 лет.

После освобождения села Архангельского Красной армией при осмотре погреба в июне месяце 1943 года нашли трупы

Ветровых со следами обгорелости. Ноги, руки и черепа обуглились. У Марии Петровны сохранилась на голове часть волос. Ольга Стефановна Ветрова видела, как гитлеровцы бросили зажигательную смесь в погреб, где укрывался ее отец с братом и сестрами. Испугавшись, она, чтобы и ее не заметили немцы, укрывалась в соседнем дворе в погребе. Ольга вышла из погреба на третий день. Когда она подошла к своему дому, дом был сожжен, а укрытие, в котором спасался ее отец с детьми, было обрушено».

«Войска вермахта в прифронтовой зоне Воронежской области летом 1942 года осуществили полное отселение жителей сел и деревень, – объясняет Виктор Бахтин. – В 1942 году Германия уже испытывает недостаток рабочей силы. Это заставляет рассматривать молодое население оккупированных земель как источник бесплатной рабочей силы. Как и военнопленных, их стали использовать в промышленности, на строительстве дорог. Тех, кто не мог работать, убивали. При отступлении германской армии на Воронежской земле была впервые использована тактика «выжженной земли», когда сжигались деревни, уничтожалась полностью инфраструктура и угонялось работоспособное население. В декабре 1942-го в Воронежской области проводилась наступательная операция «Малый Сатурн», замыкающая с севера сталинградский «котел». «В селе Большая Верейка Землянского района 11 июля 1942 г. была заживо сожжена Евдокия Васильевна Долматова, 30 лет с детьми Иваном Сиверьяновичем Долматовым, 3,5 лет и Владимиром Сиверьяновичем Долматовым, 1,5 лет. Когда немецко-фашистские захватчики заняли село Большую Верейку, жителей села под силой оружия и избиения немецкое командование стало уводить в Германию. Евдокия Долматова была тяжело ранена осколками немецкой бомбы и не могла дви-

гаться вместе с жителями. Поэтому Долматова вместе с двумя детьми осталась в доме Александры Степановны Долматовой. Александра Долматова и Марина Сомова оставили пищу для Евдокии Долматовой и ее детей, а сами силой оружия были выгнаны захватчиками с другими жителями Большой Верейки вглубь оккупированной территории. Немецко-фашистские захватчики стали поджигать дома. В числе подожженных был дом, в котором находилась раненая Евдокия Васильевна с детьми. Дом загорелся, а оказать помощь Долматовой было некому. Тяжело раненная Долматова не могла выйти из горящей хаты и была заживо сожжена вместе с детьми, Владимиром и Иваном. Когда через семь месяцев территория Больше-Вереysкого сельсовета была освобождена, Александра Степановна Долматова и Марина Ивановна Сомова 15 февраля 1943 г. пришли в дом, где они 11 июля 1942 г. оставили Евдокию. От дома остались каменные стены и печка. Войдя в сгоревший дом, они увидели следующую картину. Под печкой сгоревшего дома лежала Евдокия Долматова. На ее руке, прижатый к груди, лежал ее сын Владимир, 1,5 лет, а в ногах Долматовой лежал ее второй сын Иван, 3,5 лет. Указанное злодеяние совершено по приказу командования немецко-фашистских захватчиков 375-й дивизии».

Трагедия разыгрывается и на хуторе Кравцовка на юге области, где в это время идут жестокие бои. Райцентр Ольховатка освобожден 16 января, а 23 января 1943 года немецкий отряд заходит в Кравцовку и не щадит никого. «Немецко-фашистские захватчики зверски издевались над жителями хутора Кравцовка Ольховатского района, – читаем в архивном документе. – Ивану Васильевичу Жуку, 18 лет, отрезали нос, уши, губы, выкололи глаза, после чего расстреляли. Гражданина Кондрата Терентьевича Хмыза, 66 лет, и его сына Хмыза Ивана Кондратьевича, 17 лет вывели на улицу из квартиры, от-

резали им носы, языки, издевательски над ними глумились и насмехались, любясь обезображенными жертвами, после всех издевательств расстреляли. Немецко-фашистские изверги ворвались в хату гражданки Евгении Ивановны Хмыз, застрелили ее сына Василия Филипповича Хмыза, 1925 года рождения, ранили Евгению Ивановну Хмыз, 1904 года рождения, и ее дочь, Зою Филипповну Хмыз, 14 лет. Ворвавшись в квартиру гражданки Матрены Алексеевны Хмыз, немецко-фашистские оккупанты забрали двух ее сыновей Андрея Кондратьевича Хмыза, 18 лет, и Ивана Кондратьевича, 15 лет, вывели из дома и расстреляли на глазах у матери».

Жителей оккупированных территорий не только угоняли на работы в Германию, но и заставляли работать на оккупантов на собственной земле. «Линия фронта проходила через всю Воронежскую область, – объясняет Виктор Бахтин. – С прифронтовых территорий население выгоняли полностью, а чуть дальше от линии фронта все работали – строили железные дороги, чистили снег, убирали хлеб. И детей, подростков активно использовали в качестве рабочей силы, потому что они в основном и оставались в селах». «28-го января 1943 года был подвергнут издевательствам, отчего и умер, товарищ Дорохов Михаил Владимирович, 11 лет, уро-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

женец села Избище. Немецкий комендант согнал всех жителей Избища: мужчин и женщин, стариков и подростков, и заставил их ночью расчищать снег на дороге. От непосильной работы и пребывания в течение ночи на холоде мальчика Дорохова Михаила Владимировича нашли замерзшим. Фамилию военного коменданта установить не удалось». «24 октября 1942 года главным переводчиком гестапо Николаем Болондиным в д. Терны был избит 16-летний мальчик за то, что неправильно стал в строю рабочих. Была осенняя сырая, холодная погода. У мальчика Ивана Трунова замерзли руки, и он опустил их в карманы пиджака. Разъяренный пере-

водчик Болондин быстро подошел к нему и одной рукой ударил его по щеке, а другой, в которой был наган, ручкой нагана – по верхней челюсти, и выбил два зуба. Несмотря на сильное кровотечение, избитого мальчика погнали на работу».

ПРО ЗАЖИГАЛКУ, ПРЯНИКИ И ХЛЕБ

«Были убийства абсолютно не мотивированные. Убийцы проявляли спонтанную жестокость, выходящую за рамки военных целей. Это были убийства ради убийства, ради потехи, ради потакания низменным инстинктам», – продолжает Виктор Викторович.

«В начале августа 1942 года за подозрение в краже зажигалки у немецкого офицера по его приказанию были схвачены дети, проживавшие на территории Воронежской областной опытной станции: Виктор Андреевич Бабанов, 8 лет, и Николай Романович Колтаков, 12 лет... Им нанесены истязания, выразившиеся в усиленной порке плетью по всему телу. От указанных побоев и в настоящее время видны рубцы».

«В декабре 1942 года был расстрелян гражданин II-го Перлевского сельсовета ученик 10-го класса средней школы Александр Тихонович Коптев, 18 лет. Злодеяние было совершено при следующих обстоятельствах: Александр Коптев работал на немецком складе грузчиком. Там же было расположено почтовое отделение с посылками. Посылки с продуктами расхищались самими немцами. Однажды Коптеву немец дал два пряника, а потом взял Коптева и повел в комендатуру, обвиняя его в расхищении посылок. Коптев был подвергнут пыткам и избиениям, а затем по приказу коменданта расстрелян тремя немецкими солдатами из трех винтовок».

«В июле 1942 года в первые дни оккупации села Новосильское, немецкими солдатами был задержан 13–14-летний мальчик, собиравший хлеб для прокормления себя и своих родителей,

эвакуированных в село Новосильское. Фамилия, имя и отчество этого мальчика и его родителей не установлены. Задержав его, немцы вывернули ему руки и ноги, а потом стали бить и топтать ногами. Первое время мальчик кричал, но потом, потеряв сознание, не стал кричать. После таких нечеловеческих пыток и истязаний один немецкий солдат убил его ударом приклада по голове, а потом сняв с себя ремень и, завязав вокруг шеи мальчика, потащил его в кусты. Очевидцы – жители села Новосильское»...

Одним из способов сокращения населения на оккупированных территориях гитлеровская доктрина утверждала голод. Хотя акты ГЧК не делали на этом акцента, при их чтении становится понятно: в зонах оккупации маленькие дети массово погибали от недоедания. Нацисты отбирали у людей хлеб и продукты. Притом что 1942 год выдался очень урожайным, исследователи говорят о десятках тысяч умерших от голода. Погибали в первую очередь самые слабые – дети. А те, кто пытался спастись от голода, рисковали жизнью. «Выдержка из акта Комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Острогжском районе 3 мая 1943 года. Известен факт убийства трех подростков, которых голод довел до необходимости украсть кусок хлеба. Три подростка 16–17 лет: Иван Алексеенко, 1925 г.р., Александр Генс, 1926 г.р. и Василий Колесников, 1926 г.р., работали на немецком продовольственном складе в качестве подручных. Однажды, когда голод стал невыносим, они решили украсть несколько банок консервов и пачку галет. Немцы это заметили, стали стрелять по ребятам и ранили Ваню Алексеенку. Всех их поймали, привели в жандармерию и сильно избили. Затем заперли в подвал, где продержали около трех недель, подвергая каждые три дня новым пыткам. От них требовали рассказать, кто еще участвовал в воровстве. В конце

декабря два автоматчика вывели их за город, заставили выкопать себе могилу и застрелили». В городе Острогожске остался детский дом, который не успели эвакуировать. Детям пришлось искать возможности прокормиться. «В период оккупации Богучарского района в молочно-мясном совхозе №397 оставалось много сирот. Среди них – Петр Николаевич Резников, 1928 г. рождения, Николай Петрович Кирпичев, 1927 года рождения, и Николай Александрович Иванов, 1927 года рождения. В это время на территории совхоза находилась итальянская воинская часть, которая стала распоряжаться всем хозяйством. Ребята, не имея крова, не получали продуктов питания. В конце ноября 1942 года собралась группа ребят в количестве 15-ти человек. Они подошли к машине, где находились итальянские солдаты, и просили у них хлеба. Итальянские солдаты, пьяные, вместо хлеба окружили всех ребят и начали избивать. Николай Иванова сбили с ног, наносили удары по лицу плетями и палками так, что Иванов, истекая кровью, лежал без сознания. Николая Кирпичева итальянцы окружили и били ногами и палками по лицу, голове и спине. Затем один офицер вытащил пистолет и со всего размаху ударил Кирпичева в ухо, отчего он упал и 3 часа лежал без памяти. Петра Резникова избили кулаками так, что он залился кровью. Тогда итальянцы решили Резникова повесить. Но после, что-то пробормотав между собою, подошли к Резникову, написали на бумаге по-русски: «я вор, остерегайтесь воров, повесьте меня или расстреляйте», приколотили ему к груди и водили по всему совхозу».

Тех, кто пытался защитить свое право не умереть с голоду, карали за смелость. «В селе Платава Репьевского района фашисты расстреляли 14-летнего чабана колхоза им. Калинина Ельшина Дмитрия Васильевича только за то, что не давал немцам овец из колхозного стада».

ПРО ЯМУ И КОЛЫБЕЛЬ

Еще одна страшная страница в истории нацистских преступлений была долгое время скрыта от публичного обсуждения. Речь о насилии над женщинами. Малолетние дети становились невольным препятствием для тех, кто пытался настичь их матерей, и их безжалостно убивали с пути.

«К Наталии Алексеевне П. в декабре 1942 г. ночью в хату ворвался пьяный немец. Он держал в руках оружие и, угрожая застрелить П., требовал, чтобы она легла с ним спать. П. вынуждена была оставить малолетних детей и квартиру, убежав к соседям. Неизвестный немец открыл стрельбу. После бандитского нападения дети остались в болезненном состоянии».

«В октябре 1942 года в селе Вязноватовка немецкие солдаты заняли квартиру колхозницы Никулиной Екатерины Ивановны, у которой было 6 человек детей, из которых две – взрослые девушки. Немцы стали преследовать девушек. Никулина была вынуждена уйти из своего дома на квартиру. Немцы рассердились на то, что девушки от них скрылись. Они стали придирались к ихнему брату 12 лет, мальчику Никулину Василию Михайловичу. Обвинив его в краже одной сигареты, немцы привели сына и мать в комендатуру. Комендант приказал мальчика пороть. Мальчику дали 75 плеток, а мать заставили держать своего сына во время порки».

«11 декабря 1942 года в деревне Терны Чисто-Полянского сельсовета немецкий переводчик Людгар зашел в дом Наталии Болдаревой, взял из колыбели за ноги спящую девочку Тамару полутора лет и стал всячески избивать ребенка по голове, лицу и другим частям тела. Мать ребенка, Евдокия Максимовна Болдарева, пыталась вырвать ребенка из рук немца, но последний ударил ее ногой так сильно, что она лежа-

ла без сознания два часа. После совершенного издевательства ребенок истекал кровью. Он проболел шесть месяцев, а потом у него обнаружился туберкулез позвоночника. Мать же, Болдарева Евдокия Максимовна, от испуга страдает теперь пороком сердца».

Под Воронежем стояли также венгерские и румынские части, отдельная испанская рота, на разных работах были задействованы финны. «Во время оккупации слободы Титаревка Писаревского района была зверски убита Татьяна Тимофеевна Анищенко, 12 лет. 11 августа 1942 года мать Татьяны Анищенко пошла на мельницу молотить муку. В это время в хату

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

«На этой войне на оккупированных территориях были нарушены все нормы международного права, – подчеркивает Виктор Бахтин. – Группы населения, которые должны находиться под особой защитой – раненые, дети, старики, нетрудоспособные, напротив, становились первыми объектами убийств, насилия, издевательств. Это была война не с врагом, а с мирным населением, война на истребление и уничтожение. Еще до Женевской конвенции Российской империей был подписан ряд международных документов. Конвенции 1864, 1906 и 1929 годов защищали от насилия мирных людей и раненых солдат. В Гаагской конвенции 1899 года, также подписанной Россией, был отдельный раздел о правах гражданского населения. Правила ведения войны потом будут уточняться и дополняться. Но нигде и никогда мирное население не будет выведено из-под защиты. То, что происходило на оккупированных территориях Советского Союза – грубейшее нарушение международного гуманитарного права. Это военное преступление. Поэтому сегодня дела 80-летней давности вновь передаются в суд, ведь речь идет о действиях, запрещенных международными законами».

Современные зарубежные историки считают, что все доступные документы, связанные с преступлениями холокоста, уже изучены, поэтому надо обратить внимание и на преступления против других категорий населения – военнопленных, лиц с инвалидностью, политработников. Объективно историки уже дополняют этот список поляками и русскими, уточняет Виктор Бахтин. Но понятия «преступления против мирного населения на оккупированных территориях» в зарубежной историографии нет. И только российские ученые настаивают на признании очевидного: наших соотечественников с легкостью убивали только за то, что они – русские. Без скидок на возраст. ❧

Анищенко вошел финн, работавший на немецком аэродроме, расположенном вблизи от сл. Титаревка. В хате была одна Татьяна. Финн набросился на Татьяну, вытащил ее из хаты на огород и в кустах ее изнасиловал, после чего ударил ее в лоб кинжалом. Удар был такой силы, что была пробита черепная коробка и левый глаз вышел из орбиты. Пришедшая домой мать обнаружила Таню, лежащую в кустах всю в крови и кричащую от боли. Мать взяла девочку на руки и принесла в хату. После 3 дней мучений Таня умерла».

«В селе Белая Горка Радченского района в землянке, которую занимали семьи Татьяны

Петровны Шмелевой, Ефросинии Петровны Савельевой и Марии Ивановны Горбуновой два итальянских солдата разлили и подожгли бензин. В результате пожара сгорели Акулина Ананьевна Горбунова, 60 лет, и трое детей: Александр Тимофеевич Савельев, 6 лет, Валентина Тимофеевна Савельева, 3 лет и Иван Иванович Шмелев, 10 месяцев. А Татьяна Шмелева, 22 лет и Мария Горбунова, 30 лет получили сильные ожоги лица, рук и ног». В этом эпизоде Виктор Бахтин обратил внимание на молодой возраст женщин, который и мог спровоцировать преступление: убийцы пытались «выкурить» жертв из укрытия...

Князь Игорь берет дань с дrevлян.
Миниатюра из Радзивилловской
летописи. XV век

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

ГОД 913/922-Й (?)

Из «Повести временных лет»: «В лето 6421 (913). Начал княжить Игорь после Олега... И дrevляне затворились от Игоря после Олеговой смерти.

В лето 6422 (914). Пошел Игорь на дrevлян, и победил их, и возложил на них дань больше Олеговой...»

Этими известиями открывается в летописи княжение Игоря.

Удивительно, однако, насколько события его княжения, отчасти дублируя друг друга, разбросаны хронологически. Обратимся к тому, как они изображены в Новгородской Первой летописи младшего извода.

«В лето 6430 (922)...

...Игорь же сидел в Киеве, княжа и воюя с дrevлянами и с уличами. И был у него воевода, именем Свенельд. И примучил [Игорь] уличей, возложив на них дань, и отдал [ее] Свенельду. И не сдался один город, по имени Пересечен, и осаждал его три года, и едва взял. И сидели уличи [прежде] по Днепру, в низовье, а затем переселились в междуречье Буга и Днестра и расселились там.

И передал [Игорь] дrevлянскую дань Свенельду, и взымали с [дrevлян] по черной куне от дыма. И сказала дружина Игорю: «Много одному мужу дал». Позже скажем об этом, под следующими годами».

О войне Игоря с уличами «Повесть временных лет» не знает. Не знает ее автор и об осаде

Пересечена, одного из городов (а может быть, и главного города) Уличской земли. Его осада, по прямому свидетельству новгородского летописца, продолжалась три года – исключительный срок по меркам Древней Руси. Но удивительнее всего то, что о взятии Пересечена та же Новгородская летопись сообщает... под 940 годом, повторяя заодно и то, о чем было сказано раньше:

«В лето 6448 (940). В это лето дались уличи на дань Игорю, и Пересечен взят был. В то же лето передал дань на них [Игорь] Свенельду».

Предшествующие 17 летописных статей, между 922-м и 940-м, остались пустыми: проставлены лишь даты, без какого-либо текста. После этого следует еще одна пустая статья (под 941 годом), а под 942-м повторено известие о передаче «древлянской дани» Свенельду («Въдасть дань деревьскую Свенделду тому же»). И как надлежит распределить все эти повторяющиеся события по датам? Когда был взят Пересечен? На третий год после 922 года или в 940 году? Когда Игорь возложил дань на древлян «больше Олеговой»? В 914-м, 922-м или вообще в 942-м? О том, что древлянская дань была передана Игорем Свенельду, «Повесть временных лет» также не сообщает. Но ведь без этого нельзя будет понять ни последующее возмущение Игоревой дружины тем, что «отроки Свенельдовы изоделись оружием и порты», ни возмущение самих древлян тем, что Игорь во второй раз (после Свенельда?) явился к ним за данью – а это центральный эпизод знаменитого рассказа о гибели Игоря в Древлянской земле, одинаково присутствующий и в «Повести временных лет», и в Новгородской летописи. И что делать с 20 пустыми статьями в Новгородской летописи и 24 (!) в «Повести временных лет»? Возвращаясь к началу киевского княжения Игоря, как оно описа-

Меч руса
X века.
Найден
во время
раскопок
в Гнёздове
в 2018 году

но в «Повести временных лет», приведем известия еще двух летописных статей – возможно, связанных друг с другом, но разделенных четырьмя годами:

«В лето 6423 (915). Пришли печенеги в первый раз на Русскую землю, и заключили мир с Игорем, и пришли к Дунаю...»

Следующие три статьи оставлены пустыми, а под 920 годом, после краткого известия о воцарении «в Греках» Романа (Романа I Лакапина, 920–944):

«...А Игорь воевал с печенегами».

И это все о русских делах до 941 года! Из 20 последующих статей 18 оставлены пустыми (проставлены только даты), а две заняты краткими заметками о событиях в Византии, извлеченными из греческого Хронографа (как, собственно, и известие о воцарении Романа)! Подобные пропуски еще будут встречаться в летописи. Но столь навязчивое дублирование одних и тех же известий под разными, причем значительно удаленными друг от друга годами – нет.

Если прежде мы говорили о том, что в течение 33 лет княжения Олега Игорь оставался «детеск» и находился «при Олеге», то теперь получается, что на протяжении последующих 24 лет он пребывал почти что в полном бездействии. Или, может быть, правильное будет сказать, что события его княжения – войны с древлянами и уличами, мир и война с печенегами – искусственно растянуты на столь большом летописном пространстве? А в действительности относятся к гораздо более узкому временному отрезку – концу 930-х – началу 940-х годов? В общем, загадок по-прежнему остается намного больше, чем разгадок.

Так или иначе, но приходится констатировать: по-настоящему непротиворечивой биография Игоря становится лишь с начала 940-х годов.

ГОД 941-Й

Самый неудачный, закончившийся катастрофой поход Руси на Царьград, напротив, нашел отражение в разнообразных источниках – не только русских, но и греческих, латинских, арабских, еврейских. Что касается греческих, то здесь все понятно: писать о своих победах куда приятнее, нежели о своих поражениях.

Начинался же этот поход примерно так же, как поход князя Олега тридцатью с лишним годами ранее.

По свидетельству византийских источников (повторенному затем и русским летописцем), флотилия во главе с князем Игорем насчитывала 10 тысяч «скедий», то есть ладей. Однако эти сведения представляются явно завышенными. По-видимому, ближе к истине другой хронист – итальянский (лангобардский) писатель и дипломат Лиутпранд, епископ Кремонский, по словам которого флот Игоря, «короля» русов (или, как он их называет, «нордманнов», «людей с севера»), насчитывал более тысячи судов. Но и эта цифра выглядит весьма внушительной. Если считать, что на каждой ладье русов находилось до 40 воинов (столько их было во время предыдущего похода на Царьград князя Олега), то получается, что Игорь вел с собой не менее 40 тысяч человек. Громадная рать!

Войско выступило в поход в мае, с открытием судоходства по Днепру. Момент, казалось, был выбран удачно: весной основные силы византийского флота, как всегда, покинули Константинополь и ушли в Эгейское море для защиты островов от арабов; сухопутные силы также находились вдали от столицы – на северной границе, во Фракии, и на восточной – в Сирии. Однако подойти незамеченным к Босфору русскому флоту не удалось. Разведка у византийцев была налажена хорошо – суда херсонитов постоянно дежурили близ устья Днепра и следили за любыми перемеще-

Поход князя
Игоря на Кон-
стантинополь.
Миниатюра
из Радзивиллов-
ской летописи.
XV век

Сфероконические шлемы из курганов Черная могила и Гульбище (Чернигов) и умбон и оковки щита (Гнёздово). X век. ГИМ

ниями вражеских кораблей. Столь внушительная эскадра русских, конечно же, не могла их миновать. Еще раньше о приближении русского флота императора уведомили болгары, бывшие в то время союзниками византийцев. К тому времени, когда русские суда приблизились к Константинополю, василевс успел принять необходимые меры. Ему повезло: главный противник византийцев на востоке, эмир Сейф ад-Даула из династии Хамданидов, в тот год был отвлечен смутами в Арабском халифате, и это позволило domestiку схол (командующему военными силами Византийской империи на востоке) Иоанну Куркуасу во главе армии двинуться на выручку столице. Войска с западных границ империи также могли быть стянуты к Константинополю – правда, не сразу. Был вызван флот и из Эгейского моря. Выступи Игорь годом-другим ранее – у него было бы больше шансов на успех. А так удача оказалась не на его стороне. Да и вообще, почти все в этом походе складывалось против него.

Хотя поначалу русское войско добилось некоторого успеха. Прежде чем привести цитату из «Повести временных лет», отмечу, что ее рассказ о походе Игоря почти полностью восходит к греческим источникам. Отсюда и оценки зверств русов – закоренелых язычников и жестокосердых варваров в глазах греков.

Из «Повести временных лет»: «Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русы на Царьград, 10 тысяч скедий. И пришли, и приплыли, и начали воевать Вифинскую страну¹, и воевали по Понту (Черному морю. – Прим. авт.) до Ираклии² и до Пафлагонии³; и всю страну Никомидийскую попленили⁴, и Суд весь сожгли⁵. Тех же, кого хватали, – одних распинали, других перед собой ставили и стреляли в них; пленным руки сзади связывали и гвозди железные в головы вбивали. Много же святых церквей огню предали, монастыри и сёла пожгли и имущества немало по обеим сторонам (Босфора? – Прим. авт.) забрали...»

Использование «греческого огня». Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы. XIII век. Национальная библиотека Испании. Мадрид

Что ж, войны того времени отличались крайней жестокостью. Не являли исключения ни сами греки, ни тем более язычники-русы. Хотя рассказ о зверствах русов («тавроскифов», как именовали их в Византии) слишком уж похож на рассказы античных писателей о легендарных зверствах древних обитателей Тавра...

Между тем император Роман успел собрать силы для отражения вражеского нашествия. Не ограничиваясь посылкой в войска, он повелел привести в боевую готовность имевшиеся в столице военные корабли; это было поручено патрикию Феофану, человеку решительному и опытному.

Некоторые весьма яркие подробности приводит Лиутпранд Кремонский, знавший о том, что происходило в те дни в Константинополе, от своего отчима, бывшего послом итальянского короля Гуго Арльского к императору Роману (позднее Лиутпранд и сам неоднократно исполнял посольские поручения в Константинополе, подолгу жил здесь, хорошо знал греческий язык и много общался с греками.) По словам Лиутпранда, император велел подготовить для отражения врага несколько «списанных за ветхостью» хеландий (или, по-другому, дромонов – византийских тяжелых военных судов, вмещавших от 100 до 500 человек) и установить на них устройства для метания так называемого «греческого огня» – горючей смеси на основе нефти с использованием смолы, серы и селитры. «Греческий огонь» – сами византийцы называли его «жидким» или «мидийским», а в иных случаях «светлым» – выбрасывался с помощью специальных бронзовых сифонов, раструбов, обычно в виде пасти льва, из больших, разогретых до нужной температуры и находящихся под давлением котлов; эти устройства приводили в действие специально обученные мастера – «сифонарии», которые должны были обладать большим опытом, чтобы не взорвать себя и свои корабли.

¹ Область на крайнем северо-западе Малой Азии, примыкающая к Босфору.

² Гераклея Понтийской – города на малоазийском побережье Черного моря.

³ Район на севере Малой Азии, граничащий с Вифинией.

⁴ Никомидия – город на одноименном заливе Мраморного моря.

⁵ В греческой «Хронике» Георгия Амартола: «...предали огню побережье Стена (Стенона, западного, европейского берега Босфора. – Прим. авт.). Русский переводчик «Хроники» заменил греческое «Стенон» русским «узмен» – «узкое место, залив», добавив для ясности: «глаголемый Суд», а составитель «Повести временных лет» ограничился тем, что указал: «...и Суд весь пожгоша», что не вполне верно, ибо словом «Суд» называли не весь Босфорский пролив, а константинопольский залив Золотой Рог, куда русские так и не смогли прорваться.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Секрет изготовления «жидкого огня» греки хранили как зеницу ока. Страшная сила этого оружия заключалась в том, что огонь нельзя было погасить ничем (кроме уксуса, как уточняет всеведущий Лиутпранд); он горел даже на воде, и это вселяло в тех, кто подвергался его воздействию, панический ужас. Воинам Игоря первым из русских предстояло испытать на себе силу «жидкого огня» – «небесной молнии» греков.

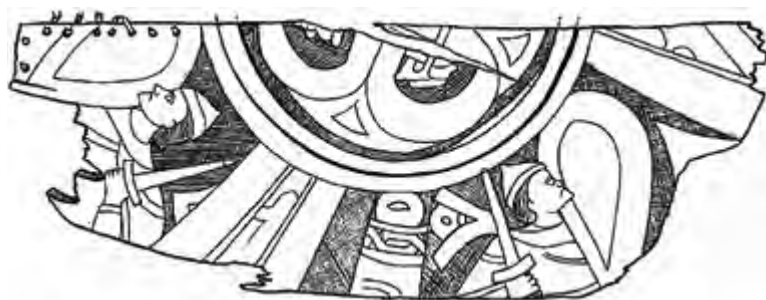
Судя по сообщению Лиутпранда, император осознанно шел на риск. На византийских хеландиях обычно устанавливали по три сифона, причем все они располагались на носу судна. В экстремальных же условиях нападения русов решено было установить сифоны еще и на корме, и по обоим бортам. Это сильно осложняло работу «сифонариев». Но только их опыт и мастерство могли принести успех. Говоря о нескольких «полуразрушенных хеландиях», Лиутпранд сильно сгущал краски. В столице Византии должны были находиться вполне боеспособные

Остатки
крепостных стен
Константино-
поля. Стамбул

корабли и опытные мастера «огненного боя», а главное, значительные запасы «греческого огня». Дело в том, что император Роман как раз к этому времени договорился об отправке таких оснащенных «греческим огнем» судов в помощь итальянскому королю Гуго для совместных действий против арабов (отчим Лиутпранда за тем и прибыл в Константинополь). И, по свиде-

тельству лангобардского хрониста, хеландии с «греческим огнем» стояли наготове, ожидая приказа к выступлению. И когда в начале июня 941 года русские ладьи вошли в Босфорский пролив, им противостоял хотя и наскоро сформированный, но вполне боеспособный византийский флот.

Первое и во многом решающее морское сражение между рус-

Изображение
дружинников.
Фрагмент чаши.
Великий Новгород.
Вторая половина
XIII века

скими и византийцами произошло 11 июня у маяка Фарос – вероятно, близ южного выхода из Босфора в Пропонтиду (Мраморное море). О том, что случилось дальше, рассказывают различные источники – как русские, так и иноязычные.

Из «Хроники» Продолжателя Феофана:

«Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы... Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий [Феофан]. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу... патрикий, расположившийся у входа в Евксинский Понт... неожиданно напал на них на Иероне... Первым вышедший на своем дромоне, патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу... И послан был тогда по суше им наперехват из стратиггов патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами.

Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы запастись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска умнейший доместик схол Иоанн Куркуас, который, появясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливались больше покидать свои суда и совершать вылазки... Однако надвигалась зима, у росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска доместика схол

Византийцы отбивают нападение росов. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы. XIII век. Национальная библиотека Испании. Мадрид

Икона «Святые Василий Новый и Алексий, Человек Божий». Первая половина XVII века. Новгородская школа (?). Музей Вармии и Мазур. Польша

Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не сумели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение, и множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена. (Перевод Я.Н. Любарского)

Из Жития Василия Нового¹: «...В последовавшей стычке, орудя и пользуясь так называемым светлым огнем, или снарядам, наши жгли их. Было страшное зрелище, ибо, боясь огня, проклятые по своей воле кидались в глубь моря, предпочитая утопиться в воде, чем быть сожженными огнем, но уничтожаемые там и здесь погибли по пророчеству святого: одни сторели, другие бросились по собственному изволению в морскую пучину, иные, будучи схвачены, стали рабами. Так кончилось их предприятие; спасшиеся из рук нашего флота перемерли по дороге от страшного расслабления желудка; немногие ушли восвояси, чтобы рассказать там, что с ними было и что они претерпели по мановению Божию». (Перевод А.Н. Веселовского)

¹ Этот византийский святой был современником нашествия росов и, согласно Житию, предсказал и само нашествие, и его исход.

Из книги «Антаподосис», или «Воздаяние», Лиутпранда, епископа Кремонского: «...Итак, заняв позицию в середине русского войска, они начали бросать огонь во все стороны. Русы, увидев это, сразу стали бросаться с судов в море, предпочитая лучше утонуть в волнах, нежели сгореть в огне. Одни, отягощенные кольчугами и шлемами, сразу пошли на дно морское, и их более не видели, а другие, поплыв, даже в море продолжали гореть; никто не спасся в тот день, если не сумел бежать к берегу. Ведь корабли русов из-за своего малого размера плавают и на мелководье, чего не могут греческие хеландии из-за своей глубокой осадки. Чуть позже Игорь с большим позором вернулся на родину. Греки же, одержав победу и уведя с собой множество пленных, радостные вернулись в Константинополь. Роман приказал казнить всех пленных в присутствии посла короля Гуго, то есть моего отчима».

(Перевод И.В. Дьяконова)

Из «Повести временных лет»: «...Посоветовавшись, русь вышла с оружием на греков, и была брань между ними злая, и едва одолели греки. Русь же к вечеру возвратилась к дружине своей; к ночи же сели в ладьи и побежали. Феофан же встретил их в хеландиях с огнем и начал пускать огонь из труб на ладьи русские. И было видно страшное чудо: русские же, видя пламя, бросались в воду морскую, чтобы уберечься; и так оставшиеся возвратились восвояси. Те же, кто пришел в землю свою, поведали своим о случившемся и об огне корабельном: «Словно молнию, – говорили, – небесную имеют греки у себя и, пуская ее, жгли нас, того ради не одолели их». Игорь же, придя, начал собирать воинов многих и послал за варягами за многими за море, призывая их на греков, хотя снова пойти на них».

Орел, сражающийся со змеей. Мозаика Большого дворца византийских императоров. VI век. Стамбул. Музей мозаик Большого дворца

Так, полным разгромом, завершился столь тщательно подготовленный поход русского князя. Но хуже того: поражение Игоря было воспринято и на Руси, и за ее пределами не просто как военная неудача, но как позор. Слова о «большом позоре», о «постыдном» и «жалком» возвращении русского князя наличествуют и в сочинении Лиутпранда Кремонского, и в греческом Житии Василия Нового, и у византийского хрониста X века Льва Диякона, вспоминавшего о поражении Игоря в рассказе о войне с греками его сына Святослава, и в письме неизвестного хазарского еврея (если считать, что он все же имел в виду войну с греками Игоря, а не Олега). И только новый победоносный поход мог смыть с киевского князя позор неудачи и постыдно-го бегства. Он и состоялся три года спустя.

ГОД 944-Й

Из «Повести временных лет»: «Игорь же, собрав воинов многих – варягов, русь, и полян, [и] словен, и кривичей, и тиверцев, – и печенегов наняв и заложников у них взяв, пошел на греков в ладьях и на конях, желая мстить за себя. Услышав об этом, корсуняне послали к Роману с такими словами: «Вот идет русь, без числа кораблей, покрыли корабли море!» Также и болгары прислали весть: «Идет русь, и наняли себе печенегов». Услышав то, царь послал к Игорю лучших бояр с мольбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег; дам и еще к той дани!» Также и печенегам послал паволоки и злато. Игорь же, дойдя до Дуная, собрал дружину и начал думать с ней, и поведал ей речь царя. Сказала же дружина Игорева: – Да если так говорит царь, то чего еще хотим? Не бившись, возьмем золото, и серебро, и паволоки! Разве знает кто, кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто заодно? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: общая смерть всем! Послушался их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам взял у греков золото и паволоки на всех воинов и возвратился обратно. И пришел к Киеву, восвояси».

Ларец. Византия. Конец X – начало XI века. Новгородский музей-заповедник

Солид
с изображением
Романа I
Лакапина
и его сына
Христофора

Как видно, относительный успех принесло Игорю создание коалиции более мощной, нежели три года назад: привлечение наемников-скандинавов, давно уже снискавших себе славу бесстрашных и грозных воителей, наводивших ужас на христианскую Европу, а также союз с печенегами – теми самыми, с которыми он несколькими годами ранее заключил мир.

Конные орды печенегов уже не раз разоряли византийские области и успели внушить страх грекам. Союз с ними был для Руси жизненно необходим. Как напи-

шет спустя несколько лет император-писатель Константин Багрянородный в наставлении своему сыну и соправителю императору Роману II, «если росы не находятся в мире с пачинакитами (печенегами. – Прим. авт.)», то они не могут появляться у Царственно-го града ромеев, тем более «ради войны». Вероятно, император-писатель основывался в своих выводах на опыте двух походов на Царьград русского князя.

Но успех этот и в самом деле был очень и очень относительным. Игорь со своим огромным войском дошел только до Дуная

и повернул обратно. Сыграли свою роль и посулы византийских «бояр», и подкуп печенегов (с которыми греки тоже умели ладить), а главное, воспоминания о страшном «оляднем» (от греческого «хеландии») огне греков.

В приведенных летописью словах Игоревых воинов, если прочитать их глазами людей раннего Средневековья, нельзя не увидеть очевидной робости, даже трусости, явного нежелания вступить в сражение с заранее неясным исходом. Прислушавшись к советам своей дружины, Игорь, несомненно, поступал разумно как политик и государственный деятель. Но как вождь той же дружины он, столь же несомненно, проигрывал в глазах своих современников. Его сын Святослав, оказавшись он на месте отца, наверняка нашел бы другие слова, чтобы увлечь за собой дружину (вспомним его знаменитое: «Мертвые сраму не имут!»). А ведь князь был в равной мере правителем государства и дружинным вождем, и вторая из его ипостасей всецело определяла первую. Правда, войско получило дары от византийского императора. Но, как выяснилось очень скоро, они не смогли компенсировать отсутствие добытых в войне трофеев. Об этом мы можем говорить с уверенностью. Собственная дружина Игоря по возвращении из похода будет жаловаться на свое обнищание и «наготу», то есть на отсутствие богатых одежд и вооружения, которые обычно приобретались в результате удачного набега. Таков будет итог двух походов на греков – походов, которые не принесли ни славы, ни трофеев ни Игорю, ни тем, кто был главной и единственной опорой его власти. Надо полагать, упомянутая летописцем «дань» греческого царя досталась другим участникам похода в качестве оговоренной князем платы. Сам же Игорь и его дружина остались, по существу, ни с чем. Да и мирный договор, заключенный в результате этих двух походов, оказался значительно менее выгодным для Руси, нежели тот, что был заключен при Олеге...

Диптих
с изображениями
орла и собаки (?).
Кость. Византия.
IX–XI века. Музей-
заповедник
«Херсонес
Таврический»

ГЕРКУЛЕС ФЛОТА РОССИЙСКОГО

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

СЛЕДУЕТ ПРИЗНАТЬ, ЧТО АНГЛИЧАНЕ УМЕЮТ СОЗДАВАТЬ КУЛЬТУРНЫЕ БРЕНДЫ. ПРИМЕРОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ГОРДОСТИ НЕИЗМЕННО ВЫСТУПАЮТ ЗАТЕРТЫЕ ДО ДЫР «МАРКИ» БРИТАНСКОГО СТИЛЯ: ПАБЫ, «АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР», ВИКТОРИАНСКАЯ МОДА, «ПРЕВОСХОДСТВО БРИТАНСКОГО ФЛОТА», РОК-МУЗЫКА И ДАЖЕ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. И, НАДО ПРИЗНАТЬ, ПОДОБНАЯ РЕКЛАМА ПРИНОСИТ ОЩУТИМЫЕ ДИВИДЕНДЫ ВЫСОКОМЕРНОМУ ТУМАННОМУ АЛЬБИОНУ, СВИДЕТЕЛЬСТВОМ ЧЕГО ЯВЛЯЕТСЯ, НАПРИМЕР, УСПЕХ В ПРОПАГАНДЕ БРИТАНСКОГО СПОРТА. РЕЧЬ, РАЗУМЕЕТСЯ, О ТАКИХ «СОКРОВИЩАХ», КАК ФУТБОЛ, ТЕННИС, РЕГБИ, КРИКЕТ И, КОНЕЧНО, БОКС.

С ПРАВЕДЛИВОСТИ РАДИ признаем, что далеко не все виды английских спортивных развлечений прижились на мировой арене. Можно только вздохнуть с облегчением, осознав, что не получили распространения такие омерзительные и жестокие развлечения, как «забеги с быком», когда толпы людей травили несчастных животных пиками, камнями, ножами и кольями, загоняли на мост и заставляли спрыгнуть в воду. Пользовались широкой популярностью и нелепые «танцы вокруг яйца»: в подражание наседке взрослые и вполне, казалось бы, степенные люди, в коротких подштанниках скакали на одной ноге вокруг нескольких

яиц. А чего стоили «поедания на скорость» голыми руками горячего пудинга или живодерские расправы, именуемые «охотой на лис» и «крысиными боями»? Но у флегматичных жителей Британии есть все основания гордиться некоторыми своими спортивными обычаями. Иногда, впрочем, вся эта одобренная местечковым патриотизмом бравада начинала попахивать высокомерием. Особенно если речь заходила о боксе – любимом детище британцев. Бойцовые страсти заставляли биться в унисон сердца высокомерных лордов, портовых докеров, проституток, карманников, лавочников. Страсть незаметно перерастала в подлинную гордыню. Еще бы –

ведь владение «секретами мастерства» неизменно обеспечивало силовое и техническое преимущество перед наивными и простодушными дилетантами и неофитами. И всплески национального боксерского превосходства проявлялись по-разному: наглой ухмылкой, покровительственным похлопыванием по плечу, презрительным взглядом на чужестранца, не знавшего правил игры. Свидетельством тому – рассказ Артура Конан-Дойла о боксерских «одиссеях» полковника Конфланского гусарского полка Этьена Жерара. Сначала соперником забияки-полковника, бежавшего из Дартмурской тюрьмы, выступил чемпион-легковес Бастлер из Бристоля. На глазах изумленного гусара маленький крепыш занимался странной гимнастикой, прыгая через скакалку, а его компаньон «сосредоточенно следил за ним». Обескураженный Жерар никак не мог взять в толк, чем заняты эти чудачи с бульдожьими физиономиями, и «в конце концов решил, что один – врач, а другой – его пациент, подвергавшийся какому-то странному способу лечения. Так я лежал и дивился, глядя на них, а тем временем старший принес длинное плотное пальто и подал его младшему. Тот надел и застегнул его до самого подбородка. День был теплый, и потому это показалось мне еще более удивительным...». Последовавшая за этим попытка Жерара реквизировать у Бастлера пальто закончилась провалом: «...он сбросил свое теплое пальто и, глядя на меня с непонятной улыбкой, стал в странную позу: одну руку выбросил вперед, другую положил на грудь. Я и понятия не имел о способах кулачного боя, который так любят эти люди; вот на лошади или пеший, но с клинком в руках я всегда могу постоять за себя. Но вы понимаете, солдату иной раз не приходится выбирать способ боя; как говорится, с волками жить – по-волчьи выть, и в этом

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

БОКСЕРЫ ПРОТИВ КУЛАЧНИКОВ

Подобная сценка в начале XIX века происходила во всех приморских городах мира: «Если английские матросы побывали на берегу и не боксировали, то значит, они недостаточно повеселились, – вспоминал один русский морской офицер. – Это правило верно соблюдается в Ярмуте; на каждом углу улицы можно увидеть партию бокса. Надо держаться очень осторожно, чтобы не быть приглашенным на бокс». Да и не только в Ярмуте морякам следовало держаться настороже. И в Одессу, и в Архангельск, и в Петербург, и в Ревель заходили британские корабли, русские же бросали якоря в Плимуте, Бристоле, Портсмуте, Лондоне. А значит, уличные «разборки» по поводу и без были неизбежны. И уже Владимир Даль в своем «Толковом словаре» подчеркивал, что просторечный глагол «бóксать» связан с повседневным флотским бытом и означает «слово, перенятое в наших гаванях, говоря о драке и задоре заморских матросов».

Надо, впрочем, отдать справедливость царю Петру I, который, по-видимому, оказался в числе первых гостей, приехавших из России и ставших свидетелями успешного русского дебюта в боксе. Дело происходило во время визита царя в Англию в апреле 1698 года. Предоставим слово современнику: «Во время пребывания Государева в Лондоне случилось видеть ему на площади аглинских бойцов, сражающихся друг с другом лбами, из которых один побивал всех. Возвратясь к себе в дом, рассказывал о таком сражении прочим россиянам и спрашивал, нет ли охотника из Преображенских гранодеров, находящихся при свите его, побиться с аглинским силачем. Вызвался один гранодер, мочной, плотной, бывалый в Москве часто на кулачных боях и на себя надевавшийся, но просил Государя, чтоб приказано было сперва ему посмотреть битвы аглин-

случае так оно и было. Я кинулся на него с воинственным криком и пнул его ногой. В ту же секунду обе мои ноги взлетели вверх, в глазах замелькали вспышки, как в бою под Аустерлицем, и я ударился затылком о камень. Больше я ничего не помню».

Во втором поединке соперником Жерара оказался толстяк Болдок, кичившийся своими боксерскими талантами. «Его насмешки над французами, которые, мол, ничего не смыслят в спорте, и заставили меня вызвать его на бокс, в котором он был так силен». Готовясь к поединку в перчатках, полковник уже вынул было из кармана свои лайковые, но «нам тут же принесли четыре большие кожаные подушки, похожие на фехтовальные рукавицы, только побольше. Мы сняли сюртуки и жилеты, после чего нам надели эти самые рукавицы». «Признаюсь вам, друзья мои, – рассказывал Жерар, – что в этот миг я почувствовал вдруг такую дрожь, какой не испытывал ни на одной дуэли, а дрался я несчетное количество раз. <...> На мне была только пара тонких вечерних туфель, и все же при тучности противника несколько удачных пинков

могли бы обеспечить мне победу. Но тут существует определенный этикет, так же, как и в дуэли на саблях, и я воздержался от пинков. Я посмотрел на этого англичанина и подумал, как лучше его атаковать. У него были большие оттопыренные уши. Я мог бы ухватиться за них и повалить его на землю. Я бросился на него, но меня подвели толстые перчатки, и его уши дважды выскользнули из моих рук. Он ударил меня, но что мне его удары – я снова схватил его за ухо. Он упал, а я навалился сверху и стукнул его головой об пол».

Бой Жерара с Бастлером напомнил мне давний футбольный матч не помню уж каких английских и испанских команд. Приземистый испанский форвард, вконец замученный совсем не джентльменским прессингом, набросился на долговогозого обидчика. И тут же в растерянности застыл: британец принял боксерскую стойку. Так эта мизансцена у меня в памяти и отпечаталась: проливной дождь, ухмыляющийся англичанин и обескураженный испанец, не знающий, с какого бока подбратиться к сопернику.

ской, что ему было и позволено. Гранодер, заметив все их ухватки, уверял Государя, что он первого и славного их бойца сразит одним разом так, что с рускими гранодерами вперед биться не захочет. Его величество, улыбнувшись, ему сказал: «Полно, так ли? Я хочу держать заклад. Не постыди нас». – «Изволь, Государь, держать смело и надеяться. Я не только удалца, да и всех его товарищей вместе одним кулаком размежу. Вить я, отец, за Сухоревою башнею против кулашной стены хаживал. Я челюсти, зубы и ребры высажу». Вскоре царь поприятельски беседовал со своим английским другом маркизом Кармартеном и заявил, что его гренадер «первого их витязя победит». Англичане тотчас заключили пари на 500 гиней, однако царь оговорил, что его солдат придерживается не английской, а русской манеры ведения боя, и предупредил лордов: «Но ведайте, господа, что мой боец лбом не бьется, а кулаками обороняется».

Сражение состоялось в саду Кармартена. Публика собралась многочисленная: британские вельможи, царская свита и 70 гвардейцев, сопровождавших царя в путешествии. В сад проникло и немало зевак, желавших стать свидетелями триумфа над русским бойцом. И казалось, так и будет. Петровский гренадер сильно уступал верзиле-шотландцу, но был хладнокровен. Однако бой оказался коротким. Британец двинулся на русского, попытавшись сбить его с ног коронным ударом в грудь. Но был остановлен убийственным встречным ударом в шею. Гигант рухнул как подкошенный и долго лежал на земле, не приходя в сознание. А расчувствовавшийся Петр I провозгласил: «Русский кулак стоит английско-го лба!» После чего щедро ода-рил и победителя, и побежденного, дав им по 20 гиней, а также оплатил лечение шотландца. «Потом, – писал соратник Петра Андрей Нартов, – государь приказал тут же всем своим грена-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

дерам прежде бороться, а после между собой сделать кулачный бой, чтобы показать лордам проворство, силу и ухватки русских богатырей, чему все собрание весьма удивилось, ибо все находившиеся при Петре Великом в путешествии гренадеры выбранны были люди видные, рослые, сильные и прямо похожи были на древних богатырей». Постепенно правила бокса вошли в более или менее устоявшиеся рамки, оформившись в 1743 году в «правила Джека Бротона». Они сильно отличались от современных норм. Ставка делалась на длительность поединка: они могли длиться несколько часов, пока один из соперников не падал на ринг. Шлифовалось и мастерство боксеров, практиковавших прямые удары, свинги, нырки, апперкоты и клинч. Бойцы выходили на ринг без перчаток и бились, применяя борцовские броски и проводя захваты выше пояса. Наносить удары в спину и ниже пояса, хватать за волосы и бить лежащего противника запрещалось.

В России же технология поединков выглядела совершенно иначе. Британский путешественник Вильям Кокс, ставший свидетелем «стеношного боя» в московском манеже, записал: «На руки бойцы надевали рукавицы из такой жесткой кожи, что с трудом могли сжимать кулак, а многие били прямо открытой ладонью. Бойцы выдвигали вперед левую сторону тела и размахивали правой рукой, которую держали несколько наотлет, левой отбиваясь от противника. Удары наносили кругообразно, а прямо не били. Целили только в голову и лицо. Если бойцу удавалось свалить противника на землю, его немедленно признавали победителем». И добавил: «Мы посмотрели десятка два подобных схваток. Некоторые бойцы были очень сильны, но не могли причинить своим соперникам серьезного вреда из-за самого способа драки, при котором невозможно нанести тех переломов и ушибов, коими часто сопровождаются бои у нас в Англии».

ЛЮБИТЕЛИ БОКСА

«Эпоха голых кулаков» подарила Альбиону настоящих героев. Особой известностью пользовался черноволосый бристольский красавчик Джем Бэлчер, чемпион 1800 года, вспыльчивый, с пронзительным взглядом, готовый устроить потасовку по любому поводу. Отлично сложенный, подвижный и пластичный, он походил на французского императора, за что заслужил почетное прозвище «Наполеон ринга». Карьера его закончилась после несчастного случая во время крикета: случайный мяч лишил его глаза. Настоящим кумиром британцев стал победитель Бэлчера – грузчик из лондонских доков Томас Крибб. В бойне на пустоши в Суррее 18 декабря 1810 года на глазах 10 тысяч зрителей он одержал верх над бывшим чернокожим рабом Томом Молино, потерявшим сознание в 35-м раунде. В матче-реванше в сентябре 1811 года Крибб вновь победил, сломав Молино челюсть в пятом раунде. Побывал Крибб и в Петербурге, где выступил перед императором Александром I, нокаутировав выставленных против него силачей. Интерес к боксу в Петербурге был не случаен – в России внимательно следили за всеми новейшими западноевропейскими тенденциями. Тем более что русские военно-морские офицеры, среди которых было немало англофилов, нередко отправлялись в Великобританию на стажировку и, разумеется, правила боксерского боя знали и тонкостями его владели не хуже самих законодателей моды. Вспомним, например, героя Чесменской битвы графа Алексея Орлова, большого любителя кулачных поединков, помешанного на боксе и никогда не уклонявшегося от возможности «постукаться» один на один.

Правда, не только русские моряки прославились боксерскими навыками. Еще будучи поручиком, граф Федор Ростопчин брал в Лондоне уроки у одного

известного боксера и признавался, что «битва на кулаках такая же наука, как и бой на рапирах». Вернувшись в Москву, Ростопчин продолжил свои занятия боксом, став одним из самых опасных московских кулачных бойцов. Да что говорить, сам Александр Сергеевич Пушкин вспоминал, как боксировал с немцами на окраинах Петербурга и всегда отстаивал право защищать честь любыми способами. В неоконченной статье «Разговор о критике» он писал: «Посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухонных пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость». Неплохой технарь, Пушкин даже взялся тренировать сына поэта Петра Вяземского. Павел Петрович потом вспоминал, как в возрасте 7 лет встречался с Пушкиным: «В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и желающих боксировать, последних вызывал даже действием во время самих танцев».

ГОСПОДИН ЛЬЮКИН В АНглиИ

Наивно думать, что, приобретая опыт жестоких кулачных боев в Морском корпусе, Дмитрий Александрович Лукин был не в ладах с боксом. Знакомы ему были и приемы из арсенала «стенок»: подножки, оплеухи, подсечки, броски с подхватом, удары ногами, пинки, круговые удары сбоку по ногам, «поджилки», удары коленями, по ногам и «топки» – добивающие удары. А уж по части «силушки богатырской» он мог дать приличную фору любому англичанину. Уверенный в том, что сильнее его нет ни на одном флоте, Лукин поддерживал свою грозную репутацию. Если до него доходил слух, что где-то появился сильный матрос, канонир или солдат, то он не знал покоя,

«пока не померяется с ним силами в поднятии [тяжестей], при перетягивании каната, армрестлинге и т.д.».

Да что там, поднятие тяжестей – рутина, дело техники. Как и пропущенные один за другим стаканы спиртного: как истинный богатырь, Лукин всех превосходил и в бражном деле и никогда не бывал пьян. «На одном английском корабле его уговаривали выпить, но у него не было охоты. Его продолжали уговаривать, тогда он взял бутылку франц[узского] бренди, стоявшую на столе, и осушил ее залпом за здоровье присутствующих. Если Лукин слышал, что кто-нибудь обладает крепкой головой, то он не успокаивался до тех пор, пока тот пьяным не падал под стол. В споре однажды ему пришла в голову мысль напоить весь русский флот (то есть всех офицеров), а самому остаться трезвым. Утром он поехал на первый корабль и за завтраком оставил всех упившимися. В обед он поехал на другой, после обеда – на третий, к чаю – на четвертый, вечером – на пятый и ночью вернулся. На другой день он продолжал свои визиты. Он не был пьян, в смысле его не качало, но выглядел он достаточно хмельным. И в этом тоже натура этого удивительно-го человека».

В тонкостях боевой натуры Лукина англичане убедились очень быстро. Первое «знакомство» случилось в Ширнессе, где «клиентом» русского моряка оказался некий «мавр, похожий на могучее дерево», зарабатывавший «фокусами-покусами»: он подставлял щеку для удара каждому желающему и, если после этого оставался стоять не шелохнувшись, получал солидный куш. В случае проигрыша «мавр» должен был три часа гавкать по собачьему под столом в ближайшем кабаке. Ни один английский кулак не мог его сбить, пока за дело не взялся Лукин. После первого же удара бедняга отлетел на 5 метров, а затем сорвал голос, забавляя лаем публику. Англичане, по достоинству

оценившие таланты русского богатыря, с громким «ура!» подхватили «господина Льюкина» и носили его по городу на руках. Продолжение последовало в одном из портовых кабаков Чате-ма, куда Лукин зашел пообедать. После трапезы он направился в бильярдную. Взял стакан пунша, отпил и поставил его на подоконник. Понаблюдая за игрой и вернувшись за стаканом, который оказался пустым. Потребовал повторить. И опять та же история. Вновь затребовал стакан, решив выяснить, кто такую игру с ним затеял. Не прошло и нескольких минут, как к стакану подошел какой-то субъект и без всякого стеснения его опустошил. Как оказалось, обидчик знал, кто такой Лукин, и решил, что все рассказы о нем – пустые сказки. Тогда Дмитрий Александрович, как всегда хладнокровный и невозмутимый, приказал слуге принести полоскательную чашу с пуншем, приправленным горчицей, солью и перцем. А затем обратился к джентльмену: «Вы, кажется, большой любитель пунша? Не угодно ли будет испробовать такой напиток. Покорнейше прошу». Когда же британец отказался, Лукин насутился: «Вы выпили два моих пунша; русские не скупы на угощение; если не выпьете теперь этой миски, то я вылью ее вам на голову». «При этих словах слышался недружелюбный говор, а любитель чужого пунша ответил ему дерзко и запальчиво. Тогда Лукин, недолго думая, приподнимает чан и окатывает джентльмена пуншем с головы до ног. Вся бильярдная разразилась бранью, и все бывшие тут англичане с киями и кулаками подступили к Лукину. А наш силач подошел к окну и приготовился к обороне. Вдруг из окружавшей его толпы выходит верзила огромного роста, плечистый, с сжатыми кулаками, готовый дать хороший бокс, но Лукин моментально предупреждает боксера; схватывает его поперек туловища, в воздухе только мелькают ноги – и боксер уже за окном. К счастью, оно не

было высоко. Спровадив боксера, Лукин проворно схватывает одной рукой за ножку стоявший близ него увесистый деревянный табурет и с этим оружием становится в оборону. Англичане, озадаченные такими подвигами, невольно отступили от Лукина и вступили с ним в переговоры. Когда же дело объяснилось, то русский единогласно был объявлен правым. На другой день все лондонские газеты рассказывали про богатырскую силу Лукина».

Но это пока были легкие шалости. В феврале 1799 года события приняли крутой оборот. «На берегу дня не проходило без драк между русскими и английскими матросами. Обычно это происходит вот почему: английский матрос хочет боксировать с русским. Последний ставит ему подножку, сбивает его с ног и пинает ногой по ребрам. Но это против боксерских правил. Зрители нападают на русского; тому приходится на помощь его товарищи, и все кончается общей дракой. Адмирал Дункан попросил вице-адмирала Ханыкова прекратить это. Бедные русские, и правые, и виноватые, были наказаны на кораблях, если они дрались на берегу. Поэтому многие получали пощечины или удары по ребрам без возможности отомстить за себя. Это озлобило всех. Лукин вознамерился отомстить. Подошли 3 транспортных судна с якорными канатами. Русские матросы в 3 дня должны были их разгрузить. Лукин с 80 людьми взял на себя это дело и разгрузил все 3 корабля за один день. В 5 часов он объявил об окончании работы и отпустил своих людей по кабакам с приказом всюду, где только можно, затевать ссоры, а когда он засвистит, то начинать драку. Когда русские работали, англичане смотрели с восхищением; а когда началась драка, многие были немало напуганы. Во всем городе были заперты магазины, закрыты окна и двери. Мэр и комиссары вышли и попросили Лукина положить конец [шуму].

Лукин согласился и приказал своим людям прекратить [драку]. Тут-то на них накинудись англичане; все крики и просьбы комиссаров ничему не помогали. Тогда Лукин снова приказал драться, и масса взорвалась и разлетелась подобно пыли. Лукин в полном порядке отступил к своим лодкам и поехал на корабль. Около 8 англичан сильно пострадали, и многие из них свалились в доки. История эта не имела никаких последствий, кроме того, что Лукину пришлось быть осторожнее. 8 дней спустя он хотел один ехать с берега на корабль, и его сопровождал град камней. Он захватил английского лейтенанта и использовал его вместо щита, пока не сел в лодку».

О единоборствах Лукина с англичанами слагались настоящие легенды. Вот одна из них. Как гласит предание, англичане, переживавшие свои неудачи, наконец подыскали силача, способного сразить русского богатыря. Отправились к Лукину на корабль. «Господа, ваше предложение несерьезно», – ответил Лукин. «Русский офицер отказывается сойтись в поединке с английским джентльменом? – ехидно поинтересовались переговорщики. – Тогда пусть он напишет письменный отказ». «Ваше предложение несерьезно, – повторил Лукин. – Я буду биться с четырьмя английскими джентльменами, по порядку». Первый поединок с непобедимым «кулачником» прошел стремительно. Британский гигант попытался провести кросс с шагом, но Лукин резко пригнулся, вошел в клинч, обхватил боксера и, закинув себе на плечи, с грохотом швырнул на настил. Бой был окончен. Следующие бои прошли по схожему сценарию: все противники попадали под стальную хватку и оказывались на траве.

Подобных историй с Лукиным в Англии случалось немало. Павел Свиный позже написал в «Воспоминаниях на флоте»: «Имя его известно и прославляемо во всех английских при-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ ВУШЕВОЙ

морских городах. Английские моряки весьма любят гимнастические экзерциции, а потому сила мускулов в большом у них уважении». Павел Петрович описал нападение большой толпы английских матросов с целью показать Лукину «английский бокс», но русский богатырь «разогнал буйную толпу и благополучно возвратился на свой корабль. На другой день на него было подано несколько десятков просьб об увечье, и подвиг сей приумножил к нему почтение английских моряков». «В следующий раз будь с англичанами повежливей! – потечески пожурил Лукина вице-адмирал Ханьков. – А то, не ровен час, всех переколотишь!» Молва делала свое дело, и Лукин начал пользоваться успехом и у мальчишек-мичманов, и у искушенных морских волков, и у простых читателей, восхищавшихся этим симпатичным, добродушным и скромным человеком. Спокойный как скала, бравый и удалой командир, он никогда ни перед кем не отступал, словно бы символизируя мощь русского человека.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Знаменитое Афонское морское сражение вблизи греческого Афона произошло 19 июня 1807 года. Русская эскадра под командованием вице-адмирала Дмитрия Сеньявина состояла из 10 кораблей. С турецкой стороны в сражении участвовало 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 шлюпа и 2 брига. Несмотря на значительный перевес турок в кораблях и пушках, в половине девятого утра три группы русских кораблей пошли в атаку. Картечь в щепы разносила обшивку, в дыму сражения рушились размочаленные мачты. Корвет «Сильный» и 80-пушечный «Рафаил», которым командовал Дмитрий Лукин, направились в лоб на турецкий 120-пушечный корабль «Мессудие» под флагом капудан-паши Сеид-Али. Шквальный огонь с «Рафаила» вынудил «Мессудие» выйти из турецкой линии кораблей, но два других турецких корабля двинулись на помощь, готовясь к абсордажной схватке и обрушив на «Рафаил» каскады ядер. Схватка – это понашему! «Абсордажных наверх!» – отдал команду Лукин и двинул

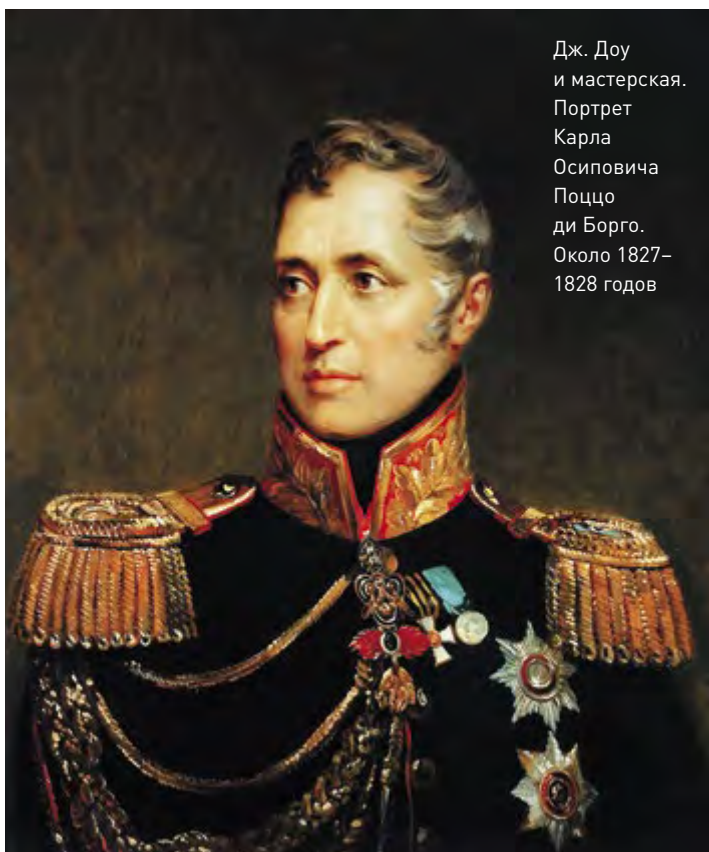
корабль навстречу туркам. Заметив, что сбит кормовой флаг, Дмитрий Александрович приказал: «Мичман Панафидин, сейчас же поднять флаг...»

Это были его последние слова. «Исполнив приказание, я шел отдать ему отчет, – вспоминал Панафидин, – но он уже лежал распростертым на левой стороне шканец: в мое отсутствие ядро разорвало его пополам и кровью облило брата и барабанщика (брат не был ранен), кортик, переломленный пополам, лежал подле его; я взял оружие, принадлежавшее храбрейшему офицеру, и сохранил как залог моего к нему уважения. Тело его перенесли в собственную его каюту».

А бой продолжался. И вот уже под натиском русских пушек турецкие корабли отступили, победа осталась за Андреевским флагом. И, как писал очевидец сражения Павел Свиныин, «сколь ни славна победа наша, но она куплена огромными потерями: 80 человек убито и до 170 ранено. Но главную нашу потерю составляет капитан первого ранга Лукин, убитый в самом пылу сражения ядром в грудь. Отечество лишилось искусного морского офицера, мужеством и храбростью приобретшего повсюду отличное уважение. Он умер на поприще славы смертью, завидной для воина».

Не мог прийти в себя от горя и Панафидин, проводивший Лукина в последний путь в далеком южном море: «Тяжести в ногах было мало, и тело Лукина не тонуло. Вся команда в один голос кричала: «Батюшка Дмитрий Александрович и мертвый не хочет нас оставить!» Мы все плакали. Мир тебе, почтенный и храбрый начальник. Я всем моим знанием обязан тебе и с самого выхода из корпуса 5 лет служил вместе! Я знал твое доброе благородное сердце и во все время службы моей не был обижен несправедливостью. Тебе много приписывали неправды, твой откровенный характер был для тебя вреден, и твоя богатырская сила ужасала тех, которые тебя не знали». ❀

КОРСИКАНСКАЯ ТЕНЬ НАПОЛЕОНА

Дж. Доу и мастерская.
Портрет
Карла
Осиповича
Поццо
ди Борго.
Около 1827–
1828 годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

КНЯЗЬ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ КАК-ТО СООБЩАЛ О ТАКОМ КУРЬЕЗЕ: «НУЖНО ЛИ МНЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ К ПОЦЦО-ДИ-БОРГУ, – СПРАШИВАЛ В БЕРЛИНЕ КАКОЙ-ТО ОГАРЕВ. – ДА ОН В ПАРИЖЕ, ОТВЕЧАЮТ ЕМУ. – НЕТ, Я ГОВОРЮ О ЗДЕШНЕМ ПОЦЦЕ-ДИ-БОРГЕ – ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ОН ПОЛАГАЛ, ЧТО ВСЕ НАШИ ПОСЛЫ И ПОСЛАННИКИ ИМЕНУЮТСЯ ПОЦЦО-ДИ-БОРГО».

МЕЖДУ ТЕМ ПОЦЦО ди Борго – это фамилия корсиканского дипломата, друга юности, а потом кровного врага Наполеона Бонапарта, которого жестокая корсиканская вендетта привела на русскую службу. В первой половине XIX столетия

его имя было настолько весомым в дипломатическом мире, что его по праву можно считать патриархом европейской дипломатии. Некоторые наши соотечественники в то время были уверены, будто Поццо ди Борго – это и есть наименование профессии дипломатии.

КОРСИКАНСКАЯ ВЕНДЕТТА

«Мы все глядим в Наполеоны» – эти слова и сегодня отражают отношение многих людей, проживающих в разных уголках земного шара, к самому известному на свете корсиканцу. Но если весь мир знает Наполеона, то имя его соотечественника, друга юности, а затем кровного врага и соперника Шарля-Андре Поццо ди Борго (1764–1842) знакомо, пожалуй, только узкому кругу специалистов. Наполеон пришел в Россию с огнем и мечом, а Поццо ди Борго 35 лет своей жизни посвятил службе Российской империи. Четверть века он возглавлял российское посольство во Франции, а потом еще четыре года – в Великобритании.

«Наполеон – главная тема моей жизни», – утверждал Поццо ди Борго. А Бонапарт признавал, что именно Поццо ди Борго убедил императора Александра I идти на Париж, определив тем самым судьбы Европы.

Но каким же образом гордый корсиканский аристократ оказался на русской службе? Современник Поццо ди Борго, известный французский дипломат князь Шарль-Морис Талейран утверждал, будто основополагающим мотивом его действий была «корсиканская ненависть». Возможно, именно вражда – кор-

Аяччо, Корсика.
Французская
гравюра
середины
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Жозеф
Буонапарте

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

сиканская вендетта – и сформировала этого человека, эту корсиканскую тень Бонапарта, ставшего Наполеоном. Но только это была не обычная тень. Она не следовала за своим «хозяином», она его преследовала, даже находясь за тысячи километров от него, в том числе в далекой России.

ДВА КЛАНА НА МАЛЕНЬКОМ ОСТРОВЕ

Итак, для начала отправимся на Корсику, в деревню Алатта, что находится в нескольких километрах от главного города острова – Аяччо. Именно здесь 8 марта 1764 года родился Карло Андреа, которого мы будем называть на французский манер Шарль-Андре. Это было сложное для жителей острова время: корсиканцы во главе с Паскалем Паоли боролись за независимость от Генуи, которой тогда принадлежала Корсика.

В 1768 году генуэзцы уступили, а точнее, продали остров Франции. Паскаль Паоли был вынужден бежать, однако корсиканцы своих надежд на обретение независимости не оставили, хотя среди местной элиты были и те, кто симпатизировал французам. К таковым относилась и семья Буонапарте.

Кланы Поццо ди Борго и Буонапарте на протяжении веков связывали отношения союзничества и соперничества, их соединяли родственные и деловые контакты; представители семьи Поццо ди Борго часто выступали адвокатами семьи Буонапарте. «Бедные, но благородные землевладельцы гор» – так отзывался о них Наполеон на острове Святой Елены. А Поццо ди Борго всю жизнь утверждал, что его род был древнее, чем род Бонапартов, переселившийся в Аяччо только в 1511 году. По мнению известного французско-

Дом, в котором
родился
Наполеон
Бонапарт.
Гравюра
XIX века

го исследователя корсиканского происхождения Мишеля Верже-Франчески, блестящего знатока корсиканской истории, именно вопрос о том, чей род древнее и влиятельнее на Корсике, и определял их противостояние. Им было слишком тесно на маленькой Корсике. Поццо ди Борго не мог простить Наполеону слов о том, что он является выходцем из семьи «скромных землевладельцев Алатты», а Наполеон на переговорах в Эрфурте в 1808 году спрашивал императора Александра I, правда ли, будто Поццо ди Борго рассказывал всюду, что его род древнее, чем род Бонапарта.

Шарль-Андре был вторым ребенком в семье, у него было еще два брата. Его отец скоропостижно скончался в 1781 году, когда нашему герою было всего 16 лет. Поэтому большое влияние на Шарля-Андре оказал его дед.

Что мы знаем об образовании Шарля-Андре? Сначала он учился в монастыре Вико, где изучал философию и риторику, затем – в иезуитском коллеже в Аяччо. В одном классе с ним учился дядя Наполеона, будущий кардинал Феш, а в другом – Жозеф Бонапарт, старший брат будущего императора Франции и сам будущий король Испании. Во время учебы Шарль-Андре жил в родном доме Наполеона, этажом выше семьи Буонапарте, и это тоже было не редкостью: члены фамилии Поццо ди Борго часто жили в Casa Buonaparte.

Гробница семьи
Поццо ди Борго.
1860-е годы

Согласно воспоминаниям Шарля-Андре, дальнейшее образование он продолжил в Университете Пизы, где обучался с 1783 по 1787 год и получил степень доктора права. Однако, кроме слов Шарля-Андре, других подтверждений этого факта нет. Более того, по мнению Мишеля Верже-Франчески, многочисленные документы говорят о том, что в эти годы Шарль-Андре проживал в доме Бонапартов, а его «философское» и «юридическое» образование под руководством великого герцога Леопольда длилось от нескольких недель до нескольких месяцев.

ЮНОШЕСКАЯ ДРУЖБА С БУДУЩИМ ИМПЕРАТОРОМ

Как бы то ни было, занятие юриспруденцией было для рода Поццо ди Борго семейной традицией, и Шарль-Андре стал адвокатом семьи Буонапарте. К этому времени относится и начало его дружбы с будущим императором французам. Их отношения складывались причудливо. Они были знакомы с детства, и впоследствии их дружба только окрепла. С 1779 по 1786 год Наполеон получал классическое и военное образование во Франции, а с сентября 1786-го по июнь 1788-го находился на Корсике. Шарль-Андре так писал о братьях Бонапартах: «Жозеф был мягок и приятен в обществе; Наполеон имел больше живости и горячности в поступках и манерах. Но с ним надо было вступать в соглашение, когда дело шло о местных практических вопросах...» Поццо ди Борго вспоминал об этом времени так: «Наполеон и я, мы толковали о том, что совершалось и что могло произойти. Наши головы кружились, и я могу сказать, что за ним оставалось превосходство в этом отношении. Мы вместе читали Монтескье и другие книги по политике и законодательству. Он схватывал все великие идеи с невероятным нетерпением». Впрочем, уже тогда Шарль-Андре скептически относился к «излишней живости и горячности» Наполеона, его республи-

Наполеон I
Бонапарт
в юности

канским симпатиям и почтению к идеям Руссо и Мабли. Сам он увлекался идеями Данте и Маккиавелли, считая общественным идеалом устройство Римской империи и французской монархии. Он так говорил о своих предпочтениях своему другу, будущему министру просвещения Российской империи Сергею Семеновичу Уварову, начинавшему свою карьеру на дипломатическом поприще: «В истории есть два рода правительств, стоящих изучения: Римская империя и монархия французская... Конституция английская основывается на случайности ее аристократии; пусть ей удивляются, но стараться ей подражать – безумие».

А.-Э. Фрагонар.
Мирабо перед
Дре-Брезе.
1830 год.
«Скажите вашему
господину, что
мы здесь по воле
нации и уступим
только силе
штыков» – ответ
Мирабо обер-це-
ремониймейстеру
Людовика XVI
Анри Дре-Брезе
23 июня 1789 года

РЕВОЛЮЦИЯ

Между тем Франция стояла на пороге революции. Развитие событий, казалось, способствовало осуществлению замыслов честолюбивого корсиканца. Шарль-Андре был одним из девяти Поццо ди Борго, подписавших призыв к королю Людовику XVI с требованием реформ. Тогда, конечно, ни он, ни кто иной не мог предположить, чем обернется это благородное стремление к переменам. Все видели только праздничную, гляцевую сторону революции, не думая пока о ее мрачной «изнанке».

Революция позволила вернуться на родину Паскалю Паоли. Он рассчитывал, что теперь появился шанс добиться автономии Корсики под французским протекторатом. Навстречу Паоли была выслана делегация в составе Поццо ди Борго и Жозефа Буонапарте. Возвращение престарелого Паоли давало Шарлю-Андре отличный шанс сделать карьеру. При его прямой поддержке он был избран депутатом Национального собрания Франции – это стало его первым шагом в большую политику. 31 октября 1790 года Шарль-Андре прибыл в Париж и на удивление быстро для провинциала адаптировался к столичной жизни. Красивый, элегантный, умный, жизнерадостный, стремящийся получать от жизни удовольствия, он стал всегдашним модных салонов,

был окружен красивыми и умными женщинами. Но прежде всего его влекла политика. В столице он сблизился с графом Оноре Габриелем Рикети де Мирабо, который еще до революции снискал славу авантюрными похождениями. Став депутатом Генеральных штатов, бывший узник знаменитого замка Иф благодаря своей решительности и ярчайшему ораторскому дару занял ведущее место среди лидеров оппозиции. Шарль-Андре считал его своим политическим учителем. Именно Мирабо ввел молодого корсиканца в парижское общество, познакомил с влиятельными политиками. Как и Мирабо, Поццо ди Борго не принимал слишком смелые перемены, являясь сторонником умеренных реформ, совместимых с монархией. К несчастью для Шарля-Андре и всей Франции, 2 апреля 1791 года в возрасте 42 лет Мирабо скоропостижно скончался.

3 сентября 1791 года Национальное собрание приняло конституцию, по которой власть короля ограничивалась однопалатным парламентом – Законодательным собранием. Поццо ди Борго, как и разработчики конституции – конституционные роялисты-фейяны, – полагал, что с принятием конституции Франция должна остановиться на достигнутом, а не заниматься ниспровержением всего и вся. Слушая революционные речи в Якобинском клубе, он опасался сползания революции к тирании, а заметное усиление якобинцев считал знаком грядущей анархии. В Париже Поццо ди Борго пробыл десять месяцев и вернулся на родной остров, чтобы принять участие в выборах в Законодательное собрание. При иных обстоятельствах это возвращение выглядело бы бесславленным, но на исходе 1792 года оказалось очень своевременным. Паоли тогда уже шел на разрыв отношений с Францией, и Поццо ди Борго со своими парижскими впечатлениями при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

был весьма кстати. Вскоре он уже был секретарем и ближайшим соратником Паоли. Шарль-Андре был избран депутатом в Законодательное собрание от Корсики, вновь оказался в Париже, стал членом Дипломатического комитета, высказываясь за проведение умеренной политики. Однако революция развивалась по своей логике. После восстания 10 августа 1792 года к власти пришли жирондисты, сначала являвшиеся сторонниками конституционной монархии, потом эволюционировавшие в сторону республики. Поццо ди Борго так отзывался об этих событиях: «День 10 августа явился концом самой древней монархии в мире и началом новых времен, возбужденных и нестабильных, которые потрясут спокойствие рода человеческого». 21 сентября 1792 года во Франции была провозглашена первая республика.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Три сословия (духовенство, дворянство и третье сословие) создают конституцию 1791 года.

Шарж

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Оноре Габриель Рикети, граф де Мирабо (1749–1791), деятель Великой французской революции, один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции

«ПИСТОЛЕТ, НАЦЕЛЕННЫЙ В СЕРДЦЕ ФРАНЦИИ»

Поццо ди Борго покинул Париж и вернулся на Корсику, где Паоли назначил его на главный административный пост – «генерального прокурора-синдика». Его жизнь развивалась как в приключенческом романе или фильме про Джеймса Бонда. Именно в это время дружба с Наполеоном уступила место охлаждению: Бонапарты открыто примкнули к якобинцам и стали выступать против Поццо ди Борго и Паоли, обвиняя их в неприязни к республике. Наполеон все более откровенно выражал свое несогласие с деятельностью Паоли, быстро восстанавливая влияние своей семьи в Аяччо. Началась жесткая и открытая борьба. Из Парижа на Корсику были присланы комиссары Конвента, пытавшиеся сместить Паоли и Поццо, однако они встретили отпор. Когда же республиканский клуб Тулона обвинил Паоли в предательстве и вызвал его с Поццо ди Борго на судебное заседание, стало ясно, что дорога к примирению закрыта. Паоли обратился за поддержкой к старинному общественному собранию острова – консульте, где председательствовал Поццо ди Борго. Две семьи – Буонапарте из Аяччо и Арена из Изола Росса – были

Паскаль Паоли, корсиканский генерал, в военной одежде своей нации. Французская гравюра 1760-х годов

объявлены изменниками. Паоли даже назначил цену за головы мужчин из рода Буонапарте. Началась охота, политическая борьба окрасилась цветом вендетты. Мать Наполеона, Летиция, бежала из города с детьми и нашла приют у горных пастухов. Сам же Наполеон был арестован людьми Поццо ди Борго, едва не погиб, но сумел бежать.

Логика противостояния вела корсиканских вождей к решению, которое еще несколько лет назад повергло бы их в ужас. Спасаясь от французского возмездия, они поспешили передать свое маленькое государство под протекторат Великобритании. Губернатором, или вице-королем, Корсики стал Гилберт Эллиот, который в молодости жил в Париже и был знаком с Мирабо. Поццо ди Борго получил должность государственного советника Корсиканского королевства. Паоли, не став губернатором, ушел с официальных постов.

С 1794 по 1796 год Корсика играла важную роль в средиземноморской политике, являясь в руках Великобритании «пистолетом, нацеленным в сердце Франции». Это владение позволяло Англии оказывать давление на итальянские государства и объединить с Австрийской империей усилия в борьбе с Францией. Кроме того, это обеспечивало превосходство английского флота в западном Средиземноморье. Казалось, Поццо ди Борго, сыгравший решающую роль в подготовке этого неожиданного маневра, рассчитал ситуацию блестяще. Вместе с Эллиотом он принимал непосредственное участие в разработке конституции для Корсики по английскому образцу, которая была утверждена парламентом в ходе двух сессий в 1795 году. На Корсике была установлена новая политическая, финансовая и административная система. Вводился режим конституционной монархии, территория разделялась на 9 дистриктов, каждый из которых отправлял двух представителей в парламент.

Гилберт Эллиот, 1-й граф Минто (1751–1814), шотландский аристократ, управлявший Индией от имени Британской Ост-Индской компании во время Наполеоновских войн

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Однако надежда на британское могущество оказалась иллюзорной. Спустя два года небольшая экспедиция французского генерала Джентили за несколько дней захватила остров. Великобритания не стала разжигать еще один конфликт, хотя и дала приют корсиканским изгнанникам. Среди них был и Поццо ди Борго.

ЖИЗНЬ ИЗГНАННИКА И БРОДЯЧЕГО ДИПЛОМАТА

Поццо ди Борго и Эллиот бежали сначала на Эльбу, а в начале 1797 года отплыли в Великобританию. Шарль-Андре был назван в числе лиц, на которых

И.-Б. Лампи Младший. Портрет графа А.К. Разумовского. 1810 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

не распространялась амнистия. Для него началась жизнь политического изгнанника и вольного дипломата.

Эллиот ввел Шарля-Андре в лондонское общество, представил ему свою карету и ложу в Опере. В июле того же года Поццо ди Борго была пожалована ежегодная пенсия от английского правительства в размере 400 ливров.

Обаятельный, изящный человек, блистающий остроумием и одновременно сохраняющий «аристократическую отстраненность», быстро стал заметной фигурой в лондонском высшем свете. Он был аристократом в душе, салонным политиком по призванию, остроумным и разговорчивым в обществе; его тянуло в сферу придворного блеска и влияния, хотя его материальные средства не соответствовали его утонченным вкусам.

Однако за внешним лоском скрывался прежний пылкий и деятельный корсиканец, до глубины души уязвленный своим поражением. Годы, проведенные в Великобритании, научили Поццо ди Борго видеть врага, лишившего его родины, не во Франции, а в Революции, которую к тому времени олицетворял, по сути, один человек — Наполеон Бонапарт.

В то же время дипломат по темпераменту и профессии, Поццо ди Борго не питал к Наполеону личного раздражения и даже не допускал в своем присутствии пренебрежительных отзывов о нем. Как отмечал граф Уваров, «ненависть его к Наполеону не ведала пределов, однако ж облекалась умеренностью... Никогда не унижал он необыкновенных качеств человека, которого почитал бичом мира и не терпел как личного врага. Еще более: он не позволял, чтобы толковали слегка о его исполинском противнике. «Смотрите, присовокуплял он, карлики нагло верстаются с великаном! Безрассудные!»

Поццо ди Борго считал, что наиболее подходящим поприщем

для применения его «способностей к общим делам» будет дипломатия. Сделать первый шаг ему помог Эллиот, к тому времени 1-й граф Минто, ставший в 1799 году английским посланником в Вене. Он пригласил Поццо ди Борго в австрийскую столицу и дал ему необходимые рекомендации. Ненависть к Наполеону, гибкий и логический ум, кипучая энергия, политическое чутье Шарля-Андре сделали остальное. Поццо ди Борго быстро завоевал популярность среди венской аристократии и в правительственных кругах. Он обращал на себя внимание политических деятелей своими вескими суждениями о текущих событиях, составлял подробные записки о положении дел в Европе и предлагал программу действий против революционной Франции. У него появились новые знакомые, в том числе молодой князь Клеменс фон Меттерних и граф Андрей Кириллович Разумовский, российский посол в Вене. Этот узкий круг собирался по воскресеньям в неформальной обстановке для обсуждения последних политических событий.

После заключения 9 февраля 1801 года Люневильского мира между Францией и Австрийской империей Поццо ди Борго, вследствие настойчивых требований французского правительства, был вынужден покинуть Вену и вместе с графом Минто вернуться в Великобританию, где у него завязались отношения с младшим братом казенного короля Людовика XVI, графом д'Артуа, проживавшим тогда в Эдинбурге.

Чрезвычайно быстро Поццо ди Борго стал одной из самых заметных фигур так называемой «бродячей дипломатии», посланцы которой сновали по европейским столицам в качестве специальных курьеров и эмиссаров, поддерживая стойкость правительств и разжигая неприязнь к французскому императору. И все же подобная деятельность его не удовлетворяла.

Адам Адамович Чарторыйский (Чарторыйский; 1770–1861), князь, польский и российский государственный деятель, меценат

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

НАЧАЛО РУССКОЙ СЛУЖБЫ

Шарль-Андре Поццо ди Борго, с внешностью английского аристократа и репутацией утонченного француза, стал искать другие пути в политике. Во время его второго пребывания в Вене, в 1804 году, граф Андрей Разумовский стал склонять Поццо ди Борго поступить на русскую службу. Шарль-Андре, потрясенный убийством императора Павла I, поначалу сомневался в правильности такого выбора, однако Разумовский сумел убедить его и отправил рекомендацию князю Адаму Чарторыйскому, возглавлявшему тогда Министерство иностранных дел. В результате после многих разочарований и неудавшихся попыток применить свои способности на практике Шарль-Андре обратил свои взоры на Россию, на ее молодого и энергичного императора Александра I и его сановников.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ж.-П. Лоранс. Казнь герцога Энгиенского

«Оторванный неодолимыми причинами от сферы моих обязанностей, я часто бросал свой взгляд на карту земного шара, отыскивая страну и монарха, которым я желал бы иметь возможность служить, – писал Поццо ди Борго Адаму Чарторыйскому, – и признаюсь, что ни одна страна не привлекала меня так, как Россия». Вот как он обосновывал свой выбор в пользу службы Российской империи: «Из всех правительств, из всех государств, которым я желал посвятить себя, я предпочел бы Россию, по уважению огромного масштаба, которым измеряются заслуги в столь обширной империи и еще более вследствие тех поощрений, которых по справедливости можно ожидать от добродетелей и высоких качеств Его Величества Императора ныне царствующего...»

Князь Чарторыйский ответил не сразу; он постарался подготовить почву для положительного и вполне определенного ответа, который и был дан летом 1804 года, когда скандальное убийство герцога Энгиенского (герцог Энгиенский, французский принц крови, единственный сын последнего принца Конде, одной из младших ветвей дома Бурбонов, был расстрелян по приказу Наполеона во рву Венсенского замка 21 марта 1804 года по обвинению в участии в заговоре. – Прим. авт.) до предела обострило отношения Франции и России. Поццо ди Борго получил приглашение немедленно приехать в Санкт-Петербург. Личного противника Бонапарта ожидал радушный прием. Поццо ди Борго совсем не знал русского языка, но не считал это серьезным препятствием. В записке графу Разумовскому он писал: «Русского языка я вовсе не знаю, но так как труд мой тогда только может быть полезен, когда он будет приложен к общим делам, то мне кажется, что это препятствие нельзя считать неодолимым». В России Шарля-Андре на русский манер стали называть Карлом Осиповичем. ■

Окончание следует.

ПИСАТЕЛЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА [ФОТО АВТОРА]

«ОТ ЭТИХ ДЖУНГЛЕЙ, ЭТИХ БЕРЕГОВ – ДО ПОЛЮСА ОТКРЫТО МОРЕ», – ОТМЕЧАЛ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН В СТИХОТВОРЕНИИ «ЦЕЙЛОН», ВСПОМИНАЯ О СВОЕЙ ПОЕЗДКЕ НА РАЙСКИЙ ОСТРОВ. И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ЕСЛИ ОТ ШРИ-ЛАНКИ ПЛЫТЬ ПО ОКЕАНУ НА ЮГ, ДО САМОЙ АНТАРКТИДЫ НЕ ВСТРЕТИШЬ НИ ОДНОГО МАЛО-МАЛЬСКИ ЗНАЧИМОГО КЛОЧКА СУШИ. АЙ ДА ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ! И КАК ВЫ ТОЛЬКО ОКАЗАЛИСЬ НА ЭТОМ КРАЮ ЗЕМЛИ?

МЕЧТУ ОТПРАВИТЬСЯ на далекий остров Бунин вынашивал долго. О трех днях в раю ему в красках рассказывал Чехов, побывавший на Цейлоне в 1890 году во время своего возвращения из сахалинской командировки (см.: «Русский мир.ru» №1 за 2024 год, статья «Остров не-Сахалин»). Писатель-доктор полагал, что такое путешествие могло бы быть полезно как для творческого поиска, так и с медицинской точки зрения: он считал, что тропический кли-

мат и морской воздух способны поправить здоровье. К Чехову Бунин прислушивался: удивительно, но Антон Павлович был тем редким литератором, в отношении которого острый на язык Иван Алексеевич не опустил колких комментариев. Совету старшего товарища Бунину удалось последовать лишь после смерти Чехова. И вот в марте 1911-го писатель вместе со своей на тот момент гражданской женой Верой Николаевной Муромцевой наконец оказались на Цейлоне.

ОДНИ НА КОРАБЛЕ

Задумав грандиозный восточный вояж, Бунин в конце 1910 года заручается рекомендательными письмами от Комитета Добровольного флота к его агентам в портах Сингапура, Китая и Японии. Также писатель дает интервью газете «Одесские новости», в котором намечает основные места, где планирует побывать: Порт-Саид, Луксор, Асуан, Нубия (возможно), Цейлон, Индия, Сингапур, Нагасаки. Но, как и у Чехова, планам путешествия которого помешала эпидемия холеры, реальный маршрут Бунина оказался далек от предполагаемого. В Египте выяснилось, что ближайший пароход Доброфлота будет еще нескоро. Вместо этого Бунину и его спутнице выпал настоящий джекпот: появилась возможность в виде исключения плыть на Цейлон на французском грузовом корабле «Юнан», стартовавшем из Порт-Саида 12 февраля. Некогда судно было пассажирским, но к тому времени считалось уже устаревшим, поэтому использовалось для грузоперевозок.

Остальные каюты были пусты, и русские путешественники, как шутливо отметил капитан корабля, плыли как бы на собственной яхте. Одиночество в пути и необходимость делить стол с экипажем ничуть не смутили Бунина и Муромцеву. Напротив, для них это был более комфортный вариант по сравнению с душной каютой переполненного парохода Доброфлота, на котором в том числе следовали осужденные на дальневосточную каторгу. Две недели спокойного плавания до Цейлона стали для Бунина временем отдыха от всего мирского, размышлений о жизни и Боге, человеческом пути. Все это нашло отражение в необычном дневнике писателя, опубликованном под названием «Воды многие».

2 марта 1911 года плавание подходит к концу, и путешественники прибывают в порт Коломбо. Как вспоминала Муромцева, две ночи они провели «за городом в одноэтажном доме-бунгалове», жили в комнате без потолка, где лишь электрический вентилятор спасал от духоты. Погоду на Цейлоне Бунин сравнивал с баней. В своем шутливом стихотворном послании другу-литератору Николаю Телешову он писал: жарит здесь так, что ходить приходится в одном лишь колониальном пробковом шлеме.

В письмах путешественники упоминали, что выезжали за несколько верст от Коломбо к отелю, стоящему на берегу океана; в рассказе «Соотечественник» также есть эпизод, когда главный герой Зотов и его гости приезжают на ужин в ресторан на скалистом берегу. Сопоставив все это, можно предположить, что писатель с женой, возможно, в сопрово-

Фото Бунина, сделанное во время поездки

ждении консульского агента Трифона Чокова, побывали в Маунт-Лавинии. Кстати, и описание места действия в коротком рассказе об индийской проститутке «Сто рупий» также наводит на мысль, что имеется в виду отель «Маунт-Лавиния» — тогда едва ли не единственная фешенебельная гостиница неподалеку от Коломбо. В эти места, откуда открывался великолепный вид на океан, можно было добраться за час.

В гостинице, открытой в доме английского генерал-губернатора, очень любили отдыхать от суетного Коломбо приезжие джентльмены. Любопытно, что там же в 1957 году целых два месяца, пока подыскивали подходящее помещение в городе, располагалось первое посольство СССР. Об этом пишет возглавлявший советскую дипмиссию посол Владимир Яковлев в своей книге воспоминаний «Легенды и жизнь острова Ланка».

Несекретный агент

В Коломбо Бунин познакомился с Трифоном Кирилловичем Чоковым — основателем чайной торговой компании, одновременно исполнявшим на острове роль консульского агента Российской империи и представителя Доброфлота. Этот неординарный человек, старожил русской колонии, стал прототипом главного героя рассказа Бунина «Соотечественник», опубликованного в 1916 году.

В рассказе Зотов — блестяще осведомленный о делах в Коломбо, знающий всех и вся на острове, заражающий энергией, грубый и бестактный человек, без конца курящий и пьющий и считающий людей вокруг себя идиотами. Согласно сюжету, он был выходцем из крестьян, еще в детстве привезенным в Москву из деревни и удачно построенным своим дядей-банщиком на работу в купеческий амбар на Ильинке. Мальчик приглянулся хозяину и в 18 лет отправился на учебу в Германию, а потом был послан по делам в Среднюю Азию, где вдруг оборвал все связи со своим благодетелем. Став искателем приключений, Зотов много путешествовал по Востоку, пока не открыл собственное дело и не осел на Цейлоне, попутно организовав себе еще две службы.

Любопытно, что именно торговля чаем и другими колониальными товарами (кофе, какао, копррой, ротангом) способствовала развитию отношений Российской империи и Цейлона. До конца XIX века эти товары шли в Россию из Великобритании, однако в 1898 году удалось наладить прямые поставки без участия посредников в Лондоне. Тогда и появились осевшие на острове русские, причем изначально российскую колонию составляли представители торговых фирм и члены их семей. К началу XX века их насчитывалось уже более десятка: по сегодняшним меркам смешное число, но тогда это была самая большая русская община в Британской империи, не считая метрополию. К тому же на Цейлон заходили русские корабли, следовавшие на Дальний Восток и обратно, и некоторым пассажирам приходилось делать временную остановку для лечения или же в туристических целях — так и разрасталась российская колония.

Корабль входит в порт Коломбо

КОРОЛЕВСКИЙ САД

4 марта чета путешественников отправилась на поезде в Канди, где, по всей вероятности, как и Чехов, Бунины останавливаются в отеле Queen's. В архиве Ивана Алексеевича сохранился счет из отеля с указанием, что с 4 по 6 марта гости жили в комнате №20. К тому же и в письме брату Юлию писатель сообщил, что поселился в гостинице на берегу городского озера, что соответствует расположению Queen's. В Канди путешественники осмотрели основную достопримечательность – храм Зуба Будды. А в пригороде бывшей сингальской столицы, Перадени, посетили великолепный Королевский ботанический сад.

В эссе «В стране пращуров», где описано посещение Перадени и Канди, Бунин пишет, что приехал он изначально в Перадению и там же заселился в гостиницу. Причем описание отеля было дано настолько детально – вплоть до обстановки и порядка обслуживания, – что возникают сомнения: а точно ли Бунин жил в Queen's? И все же исследователи склонны доверять документам больше, чем литературе. Ботанический сад Перадени произвел впечатление на путешественников. Бунин, по всей видимости, побывал в нем даже несколько раз. Этот сад – крупнейший в Шри-Ланке – знаменит не только огромным количеством представленных видов растений, но еще и аллеей, на которой известные люди из разных стран своими руками высаживали деревья. Наверняка Бунин видел Цейлонское железное дерево, посаженное в 1891 году цесаревичем Николаем Александровичем. Спустя семьдесят лет неподалеку появится еще одно дерево знаменитого русского – Юрия Алексеевича Гагарина, совершившего поездку на Цейлон в декабре 1961 года. Именные деревья как последнего императора, так и первого космонавта украшают Королевский ботанический сад до сих пор.

6 марта путешественники снова были в пути, они отправи-

Здание почты
в городе
Нуvara-Элия

лись в горную Нуvara-Элию – самый высокий и прохладный регион Шри-Ланки. В Нурилье – так название города производят местные – англичане создали уголок родной страны, куда приезжали спасаться от тропического зноя. Здесь же растет один из наиболее ценных видов цейлонского чая – высокогорный. О цветущей экзотической Англии, отличающейся от серой и дождливой европейской, пишет Муромцева в письме своему брату. В Нуvara-Элии путешественники заселились в респектабельный отель St. Andrew's, куда и сегодня на ужин в ресторане принято надевать строгие костюмы.

В Канди
во время
службы в храме
показывают
ковчег с зубом
Будды

СТУПЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

9 марта путешественники совершили изнуряющую 12-часовую поездку по железной дороге до Анурадхапуры – первой столицы сингальского королевства. Известный по меньшей мере с V века до н.э., царский город неоднократно оказывался в эпицентре жесточайшего противостояния сингалов и тамиллов, несколько раз погибал в огне пожаров и отстраивался вновь, пока не был окончательно оставлен в XI веке. Сегодня в городе-призраке лишь чудом сохранившееся священное дерево Бодхи, выросшее из ростка того самого священного фикуса (*figus religiosa*), под сенью которого Будда достиг просветления, и огромные каменные ступы напоминают о былом величии этого места. Ведь именно отсюда началось распространение буддизма на благословенном острове. Когда-то здесь кипела жизнь, и Анурадхапура считалась одним из крупнейших поселений Востока.

За те полдня, что Бунину посчастливилось провести в Анурадхапуре, он успел подняться на одну из знаменитых ступ. И здесь поджидает очередная загадка – на какую именно? В эссе «Город царя царей» Бунин пишет про подъем на сту-

пу Абхапары, но такой в городе нет. Вероятно, писатель имел в виду дагобу Абхаягири, очень значимую для буддистов, ставшую первым пристанищем зуба Будды на острове. Помимо нее паломники посещают в Анурадхапуре две другие огромные буддистские ступы: белоснежную Руанвели, окруженную 400 резными слонами, и 122-метровую Джетаванарамая – самую высокую на острове, построенную на месте, где проповедовал первый буддистский миссионер на Цейлоне, монах королевских кровей Махинда.

Также свята для буддистов дагоба Тхупарама, самая древняя в Шри-Ланке, в которой, по преданию, замурована часть ключицы Будды. Но эта ступа маленькая и к тому же окружена кольцом колонн, на которых когда-то покоился купол – взобраться на нее не получилось бы.

Ланкийский литературовед и исследователь творчества Бунина Ранджана Девамित्रа Сенасингхе рассказывает: чтобы понять, какая все-таки ступа имела в виду, он записался волонтером во время реставрации исторических памятников и получил возможность подняться на Абхаягири. Но

Маяк в городе-крепости Галле

на вершине, бросив взгляд на древнюю столицу, осознал, что Бунин почему-то описал пейзаж, который он увидел вовсе не здесь, а совсем в другой части острова – на горе Пидуруталагала вблизи Нуvara-Элии... Судя по дневниковым записям Веры Николаевны, возвращаясь из Анурадхапуре в Ко-

С 1882 года у Министерства иностранных дел на острове был свой представитель. Первым консульским агентом Российской империи стал американский коммерсант Энтони Дельмеж, живший на юге острова, в порту Галле. Однако с появлением Добровольного флота, корабли которого заходили в Коломбо, значение этого города-крепости португальских, а после голландских завоевателей существенно снизилось. В 1890 году появляется вице-консул из России – Эдмунд фон Фриш, и с этого же года дипломатические представители жили уже в Коломбо.

Штатное расписание пункта предполагало наличие как вице-консула – назначенного МИДом официального лица, так и консульского агента, которым становился, как правило, представитель одной из торговых фирм. На деле обе эти должности почти никогда не были заняты одновременно и агенту порой приходилось выполнять и роль консула. Так, после экстренного отъезда в Россию вице-консула Александра Юрьевича Булаха в 1910 году, произошло и в случае с Чокковым, «пережившим» к тому времени пятерых назначенцев из центра. Впрочем, и до этого старожил острова пытался подсесть конкурента, и сам Булах еще в 1908 году предупреждал коллег из МИДа, что этот несправедливый и самолюбивый человек добивается лишь одного: «быть назначенным навсегда нештатным русским консулом в Коломбо». Несмотря на все усилия Чокова, вице-консулом он так и не стал.

По какому-то стечению обстоятельств для многих дипломатических представителей Российской империи служба на Цейлоне оказалась сопряжена с трагедиями. Так, упомянутый Булах сошел с ума и был отправлен на родину в сопровождении санитаров. Не перенес влажный тропический климат и тяжело заболел чахоткой Николай Павлович Данилов, а Василий Карлович Шнейдер умер всего через год после возвращения домой. Не была благосклонна судьба и к Чоккову. На тринадцатом году жизни на острове он узнал, что неизлечимо болен, и, не желая испытывать мучений, решил покончить жизнь самоубийством. Чокков уезжает на юг, в Галле, и там в номере №13 отеля New oriental (ныне Amangalla) 13 февраля 1912 года оборвалась его жизнь.

Дерево Бодхи
в Анурадхапуре –
важнейшая
святыня
буддистов
Шри-Ланки

ломбо, они с мужем ехали на поезде возмутительным для европейцев образом – третьим классом. Это перекликается с рассказом Бунина «Третий класс» – небольшой зарисовкой о том, как белому господину в кассе вокзала отказались продать билет в общий вагон. Кассир-англичанин посчитал неприличным, что гостю придется ехать вместе с местной публикой. Герой хотел узнать особенности страны, оценить разнообразие ее жителей, однако всякий раз приходилось вступать в борьбу за билет: кассиры предлагали ему исключительно проезд первым классом. В один из дней, после очередного скандала, билет в третий класс ему все же продали, но смогли выйти из положения: местным жителям на станции запретили входить с господином в шлеме в один вагон. Пришлось ему на остановке перебежать в другой. Однако неизвестно, описан ли в рассказе реальный случай, или же Бунин решил сгустить краски.

Железное дерево, посаженное цесаревичем Николаем в Перадении

Бунин в коляске рикши

Памятник рикше у гостиницы «Гранд Ориентал»

ЛЮДИ-ЛОШАДИ

11 марта Бунин и Муромцева, объехав добрую часть острова, вернулись в порт и были готовы отправляться домой. Ивану Алексеевичу сильно нездоровилось, местный врач настойчиво рекомендовал прервать путешествие. Хотя за двадцать лет до этого Чехов и советовал молодому другу оздоровиться в теплых краях, цейлонский вояж сил ему не прибавил. Вероятно, Антон Павлович за три дня просто не успел в полной мере испытать все прелести тропического климата. Между тем главный ботаник Императорского ботанического сада в Петербурге Владимир Ипполитович Липский в опубликованной в том же, 1911 году книге о Цейлоне писал, что долгое пребывание на острове, сопряженное с невыносимой банной тем-

пературой и полной переменой режима жизни, зачастую приводит к болезням.

Переживаний Ивану Алексеевичу добавило и нервное потрясение от вида человека-лошади – местного рикши. Муромцева в дневнике пишет, что чувство, которое испытал герой рассказа «Братья», автобиографично и ее возлюбленный Ян (так Вера Николаевна называла Ивана Алексеевича. – Прим. ред.) не мог спокойно смотреть, как впереди легкой повозки белого господина бежит до черноты загоревший человек, по голому телу которого льется пот. Впрочем, это не мешало паре путешественников регулярно пользоваться таким видом «транспорта», в отличие, кстати, от того же Чехова, который этого сторонился.

О рикшах Бунин упоминает в доброй половине произведений своего цейлонского цикла. Более того, это зрелище настолько поразило писателя, что он решил посвятить теме человека-лошади один из рассказов. В «Братьях» Иван Алексеевич сравнивает судьбы быстрого местного юноши, зарабатывающего себе на хлеб (или, скорее, на рис) извозом, и богатого скучающего англичанина. Джентльмены очень жалели своих лошадей и в са-

ОТКРЫВАЯ БУНИНА

Несмотря на то, что в творчестве Бунина, который в 1933 году получил Нобелевскую премию по литературе, нередко встречались упоминания о поездке на Цейлон и буддистские аллюзии, в социалистической Шри-Ланке писатель долгое время был практически неизвестен. Знакомство с ним произошло только в 1986 году, когда в издательстве «Радуга» вышел сборник произведений русской литературы на сингальском языке с переводом рассказа Бунина «Солнечный удар». В 1990-м появился второй сборник, уже посвященный только Бунину.

И лишь в 2007 году, к 50-летию установления дипломатических отношений Шри-Ланки и России, вышла третья книга – в этот сборник вошли бунинские стихотворения, эссе и рассказы цейлонского цикла: тех, в которых нашлась хоть какая-то отсылка к далекому путешествию автора. Подготовил и перевел эти тексты большой друг России, выпускник РУДН, литературовед Ранджана Девамित्रа Сенасингхе, в 2023 году награжденный престижной медалью Пушкина за многолетнее культурное сотрудничество и популяризацию русского языка.

Перевод небольшой книжки, в 200 страниц, растянулся на два года. Во-первых, произведения необходимо было еще отыскать среди всего творческого наследия писателя и поэта. Кроме того, язык Бунина полон метафор и образов, а потому не всегда понятен иностранцам. Ранджана вспоминает, как, например, пришлось попотеть над фразой из «Соотечественника»: «кругом стоит сухой треск ремингтонов». В обоих случаях не обошлось без помощи коллег из России. А также непросто было корректно изложить отсылки к религиозным сюжетам, которыми пестрят многие тексты Бунина. Но все трудности удалось преодолеть, и с тех пор жители Шри-Ланки могут читать на сингальском языке тексты нобелевского лауреата, в душе которого их родина оставила глубокий след. ■

мые жаркие дни отправляли их в Нуvara-Элию. Было ли им дело до островитян, подгоняемых и одурманенных бетелем – этой повсеместно доступной местной растительной жвачкой с известью, окрашивающей слюну и зубы в кроваво-красный цвет?

А может, как в письме обмолвилась Вера Николаевна, причина для возвращения в Коломбо была более прозаична: у путешественников просто закончились деньги. Как бы то ни было, поездку Бунины решили сильно сократить и после Цейлона плыть назад в Россию. До желанных Японии, Китая и Сингапура они так и не добрались...

Ближайший пароход Доброфлота, «Пермь», должен был отправиться в Одессу 15 марта. Что делали Бунин и Муромцев в ожидании отплытия – неизвестно. Однако 20 апреля 1911 года Иван Алексеевич в письме Максиму Горькому сообщал, что осмотрел «чуть ли не все западное побережье», да и в стихотворении «Цейлон» он упомянул Матару – голландский форт на самом юге страны, а также Ранну. Потому не исключено, что несколько оставшихся дней пара провела у океана, хотя никаких документов, которые могли бы это подтвердить, не обнаружилось.

Сбор чая на горных склонах

Сенасингхе первым собрал воедино произведения цейлонского цикла и перевел их на сингальский язык

Анурадхапура с высоты птичьего полета

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Новгород-Северский.
Общий вид
города.
Начало XX века

СУДЬБА ВИКНИКСОРА

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

РЕВОЛЮЦИЯ – ЭТО ВСЕ НОВОЕ. ОЧЕНЬ УЖ ЧАСТО ТАК ЕЕ ПОНИМАЮТ. НОВЫЙ СТРОЙ, НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ, НОВЫЕ ЛЮДИ. НОВАЯ ПЕДАГОГИКА. КАК-ТО ВЕДЬ НАДО НОВЫХ ЛЮДЕЙ ВОСПИТАТЬ. А ВСЕ СТАРОЕ ЛЕТИТ В ТАРТАРАРЫ КАК НЕГОДНОЕ, ВРЕДНОЕ. А ЕСЛИ ГОДНОЕ? НЕВОЗМОЖНО ЖЕ ДОПУСТИТЬ, ЧТО ЗА ВЕКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ ПРИДУМАЛО НИЧЕГО ХОРОШЕГО.

ЧЕМ ЖЕ ПЛОХО БЫЛО дореволюционное образование в России, кроме того, что оно было не всем доступно? Ведь оно давало системные знания, широкий кругозор, навыки дальнейшего развития. Но можно ли быть педагогом нового, социалистического государства, директором экспериментальной школы и не от-

казываться от всего хорошего, что было в прошлом? Это крайне непросто. Однако Виктор Николаевич Сорока-Росинский попытался. Революционер по духу и вместе с тем старорежимный гуманитарий в лучшем смысле этого слова, президент «республики ШКИД», он не был в свое время оценен по достоинству. А спустя годы имя его вошло в историю.

УВЛЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЕЙ

В Новгороде-Северском Черниговской губернии, где, к слову, прошло детство другого замечательного педагога, Константина Ушинского, 26 ноября 1882 года в семье офицера Николая Сороки и дочери священника Татьяны Росинской родился сын. Мальчика назвали Виктором. Вскоре семья переехала в Брест-Литовск – новое место службы отца. Здесь Виктор окончил гимназию.

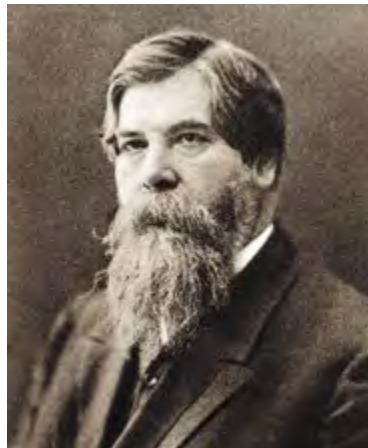
Виктор был единственным ребенком в семье и, по собственному признанию, изнывал от одиночества. Будни скрашивало общение с солдатами. Они рассказывали мальчишке сказки и пели песни. Спасали от одиночества и книги: под влиянием образованной и начитанной матери Виктор с детства полюбил чтение. Он зачитывался историями про Петра I и Суворова – последний стал для юноши настоящим кумиром. Позже правила жизни знаменитого полководца определили принципы педагогики Виктора Сороки.

После гимназии встал вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути. Отец поддерживал стремление Виктора пойти по его стопам, мать же склонилась к продолжению образования в Санкт-Петербургском университете. Юноша отправился в столицу и поступил на историко-филологический факультет. Учился Сорока, кстати, на одном курсе с Александром Блоком и тоже поначалу увлекался стихами. Однако не только поэзия будоражила сердце студента: одновременно с изучением языков и литературы Виктор был вольнослушателем Санкт-Петербургского ар-

Николай
Онуфриевич
Лосский
(1870–1965),
русский
мыслитель, один
из основателей
направления
интуитивизма
в философии

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

хеологического института. Он даже подал заявление во второй вуз о разрешении параллельно учиться полноценно в обоих. И это поразительно, ведь молодой человек не только учился, но и занимался репетиторством – надо было платить за учебу (50 рублей за семестр), за квартиру (20 рублей в месяц), да и вообще иметь деньги на досуг. В свободное время студент любил ходить в театры.

На третьем курсе Виктор Сорока подпал под обаяние философа и психолога Николая Лосского, который читал филологам лекции и вел практические занятия по экспериментальной психологии. Будущий педагог так проникся его идеями, что присоединился к работе психологического кабинета, занялся вопросами индивидуальных особенностей памяти, воображения, внимания. За успешные психологические эксперименты талантливый студент получил императорскую стипендию и освобождение от платы за обучение.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927), русский и советский психиатр, физиолог, психолог

После окончания университета Виктор Николаевич устроился преподавателем истории в частную женскую гимназию Федоровой. И продолжал изучать психологию. Сорока стал посещать лекции Владимира Бехтерева, в основном те, которые касались психопатологии, в частности нарушений детской психики. Позже молодой ученый под началом психолога Александра Лазурского начал сотрудничать с лабораторией экспериментальной психологии Военно-медицинской академии.

В это же время Виктор Николаевич под псевдонимом Росинский публикуется в журнале «Вестник знания». В первой своей статье он ставит вопрос: «Возможна ли психология как самостоятельная наука?» Отвечает утвердительно, но упор делает на необходимости развития прикладного характера науки, пото-

Александр Федорович Лазурский (1874–1917), русский врач и психолог

му как сама по себе душа слишком уж эфемерна. В следующей работе, «Психология и самовоспитание», исследователь говорит, что прикладным направлением психологии должны стать педагогика и автогогика. По мнению Сороки-Росинского, каждому человеку необходимо прежде всего познать самого себя, чтобы «не было лишних, никудашных людей – и маленький человек, и гений, оба сумели бы вполне использовать все свои силы и дать людям все, что могли; никто тогда не зарывал бы понапрасну своих талантов в землю». Потом были другие статьи: «Эмоции и их культура», «Психология в России», «Основные моменты волевого акта». Во всех работах психологические вопросы автор рассматривает в связи с запросами педагогической практики. В ряде публикаций Сорока-Росинский выступает также как филолог, в 1907 году он написал «Очерк теории словесности», начал работу над большим трудом «Курс русской грамматики для взрослых».

В 1908 году Виктор Николаевич перешел работать в престижную Введенскую гимназию преподавателем философской пропедевтики. Все складывалось хорошо, практика радовала результатами, теория увлекала многообещающими открытиями. Но внезапно педагог так отчаянно влюбился, что чуть было не потерял все.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Брест-Литовск.
Мужская
гимназия

Девушка была очаровательной, роман развивался стремительно. Как-то молодой человек пришел к возлюбленной без предупреждения. И встретил еще одного героя-любовника. Соперник – бежать, дама, сгорая от стыда, хватается за револьвер. Закончилось все трагически. В октябре 1909 года Сорока оказался под следствием в качестве обвиняемого. Ему грозила каторга. А сколько пришлось о себе выслушать! Однако в ходе следствия было установлено, что покойная постоянно держала в туалетном столике заряженный револьвер, нюхала кокаин и часто говорила своим друзьям о самоубийстве. До суда не дошло, но репутация была испорчена, работа потеряна.

Характер, конечно, выкрутил. Ну и Суворов со своей «Наукой побеждать» подсобил. Постепенно все наладилось. Сорока нашел место учителя истории в реальном училище А.К. Копылова, затем в 1913 году перебрался в Стрельну – в новую и очень перспективную гимназию.

1913 год – один из самых благословенных периодов как в истории дореволюционной России, так и в жизни Виктора Сороки. Он еще молод и успешен в профессии, работу свою любит, полон исследовательского энтузиазма, но жизнь уже течет чуть более размеренно, есть время и желание гулять по стрелнинским паркам, размышлять о настоящем и будущем. Будущее завораживало. Да, виделось оно разным, но чрезвычайно волнующим, интересным. Сорока не был вовлечен в политику, но чувствовал приближающиеся перемены, воспринимал их как необходимый этап развития России, ожидал и обновления школы.

Разразилась мировая война. С одной стороны, общество было охвачено патриотическим подъемом, с другой – многих заставлял пугать непредсказуемыми перспективами. Бояться неизвестности Виктор Сорока отказывался. В это время он много пишет о необходимости образовательной реформы, о важ-

Введенская гимназия в Санкт-Петербурге. Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ности усиления роли школы в воспитании нового поколения. В сложный период, когда мужчины ушли на фронт, а женщины заменили их на фабриках, нужно было думать о детях, о том, как их не просто вырастить, но воспитать достойными людьми, «как если бы каждый первоклассник предназначался к занятию государственных должностей, где необходимо иметь хорошо воспитанное государственное чутье и чувство огромной, нравственной прежде всего, ответственности».

РЕСПУБЛИКА ШКИД

Революцию Виктор Сорока принял. Разрушения, которые она принесла, считал неизбежными для переломного периода. Свою миссию увидел в их преодолении. Именно в этот период все его накопленные знания в психологии, педагогике, филологии и истории интегрируются в одно большое дело – помощь тем, кого историческая стихия

выбросила на обочину жизни. Символическим жестом становится переход к двойной фамилии, что стало результатом объединения двух начал: отцовского и материнского.

С 1918-го по август 1920 года Виктор Сорока-Росинский работает в Путиловском училище им. Герцена – по сути, школе для великовозрастных. Ученики были сложными, но Виктор Николаевич нашел с ними общий язык. В 1920-м Сорока-Росинскому предложили возглавить особый детский дом – школу социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского для трудновоспитуемых. Разумеется, Сорока-Росинский согласился. И позвал в свою команду верных товарищей, в том числе будущую жену, Эллу Андреевну Люминарскую.

Основным контингентом школы стали подростки 11–14 лет – беспризорники и малолетние преступники, грубые, циничные, морально дезориентированные. На бюрократическом языке «дефективные». Никакой специальной программы обучения и воспитания для таких подростков не было, притом что специализированные школы для сирот и беспризорников уже существовали. В Поволжье работала Знаменская школа-коммуна Яранского уезда Вятской губернии, в Гомельском районе – школа-коммуна П.Н. Лепешинского. В Стрельне входила в силу коммуна «Красные зори» Игнатия Ионина (см.: «Русский мир.ru»

Чекисты проводят перепись беспризорников

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

№10 за 2022 год, статья «Вырастить человека»). А под Полтавой в колонии им. А.М. Горького пробовал свои силы в перевоспитании трудных подростков Антон Макаренко. Но хоть явление и существовало, методика еще не родилась. Зато были поставлены задачи. В первую очередь всех нужно было научить трудиться. Упор на труд понятен. Государственного ресурса не хватало, поэтому было весьма неплохо решить проблему беспризорников их же собственными силами. Ну и условия для труда должны были создать, видимо, тоже сами трудящиеся. Доставшийся Сороке-Росинскому детский дом, расположенный на пересечении Старо-Петергофского проспекта и Курляндской улицы, являл собой жалкое зрелище: во многих помещениях были выбиты стекла, не было ни мастерских, ни спортзала, сохранилась лишь хорошая библиотека. Все тут нуждалось в ремонте и обустройстве. Разумеется, никакого вклада в облагораживание пространства вчерашние бродяги, воришки и попрошайки вносить и не думали – они хотели спать до обеда, шататься по окрестным улицам, собирая окурки и обворовывая прохожих, резаться вечерами в карты. Заставить их работать ради абстрактной идеи не представлялось возможным. Виктор Николаевич, или, как прозвали его подопечные, Викниксор, решил занять юную шпану трудом интеллектуальным. В день проводилось по 10 уроков, а после

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

учебы – театр, книжный клуб, издание собственной газеты, выступления и диспуты. Подростки над этими инициативами сначала посмеивались, но все же любопытствовали: для одних это было воспоминание о прежней жизни, для других – окно в новую. По замечанию Самуила Маршака, Сорока-Росинский пытался устроить в своем детском доме что-то вроде Царскосельского лицея для пролетариев. Физический труд, конечно, в жизни учеников тоже присутствовал. Подростки заготавливали дрова, убирали помещения, дежурили в столовой. Не все было гладко, случались инциденты. Но кто хоть немного работал с трудными детьми, тот знает: прогресс всегда сочетается с откатом назад. И руки часто опускаются, и выгорание наступает. Но если не сдаваться, результат будет. Не стопроцентный, кого-то вытащить не удастся, чья-то травма

В.Н. Сорока-Росинский.
1927 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Верните беспризорного в ряды трудящихся.
Плакат 1920-х годов

окажется непреодолимой – увы. Это суровая правда жизни: у каждого врача есть свое кладбище, а у каждого педагога – свои неудачи и провалы.

Возможность таких неудач была заложена в систему изначально. Условно дверь школы оставалась открытой, каждый мог отказаться от доброго отношения педагогов: либо просто сбежать, либо загреметь за особо тяжелые проступки в «Лавру» – то есть перейти на последний круг ада исправительной системы Петрограда (после революции часть помещений монастыря приспособили под тюремные камеры. – Прим. ред.). Но все же потеря даже самого безнадежного – это рубец на сердце. Викниксор боролся за каждого. Хотя иллюзий по поводу своих подопечных не питал. «За время беспризорности многие из них так одичали, – вспоминал он позже, – что в них проснулись инстинкты первобытного человека, для которого насилие было средством существования, жестокость – естественной оборонительной реакцией. Нам надо было следить, чтобы они не избивали слабых или чем-нибудь не повеселившихся им новичков: ведь и стаи первобытных людей приканчивали своих собратьев, ставших из-за увечья, слабости или старости им помехой. Наши ребята приносили из беспризорности и такие древние обычаи, как обращение в рабство неоплатного должника, как беспрекословное повиновение главарю шайки».

И вот этих «пещерных» детей нужно было вернуть в XX век. Нужна была строгая дисциплина. Тут на помощь пришла «суворовская педагогика» с ее принципом «каждый воин должен понимать свой маневр». Но не дисциплиной единой. Важно было этих диких волчат к себе расположить. А это уже вопрос доверия. Сорока-Росинский ввел самоуправление. Рисковое предприятие. Позволь неразумным совещаться, выбирать, нести ответственность за принятые решения – и здравствуй, анархия. А тут все же вышла республика.

Старо-Петергофский проспект, дом 19. Здесь находилась школа имени Достоевского

«БУРСА» И «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НЕУДАЧА»

Однако методы Сороки-Росинского не всем были по душе, часто они откровенно расходились с новыми, советскими принципами воспитания. В 1925 году на одном из съездов представители Наркомпроса зачитали ленинградским педагогам доклад о естественности отмирания школы, о том, что ее в социалистическом государстве должен заменить завод. «Никто не возражал, никто не выступал, все молчали, – вспоминал Виктор Сорока-Росинский. – Одни из-за глубоко вкоренившейся еще со времен гоголевского Луки Лукича привычки во всем потрафлять начальству. Такие уже теперь искренне чувствовали себя отмирающими. Другие потому, что отлично чувствовали всю бесполезность каких-либо выступлений». В том же году было расформировано несколько школ, та же участь постигла и школу им. Достоевского. Сороке-Росинскому предложили учсть ошибки и проявить себя в школе №39 на Невском проспекте. Благо она была оборудована мастерскими и учащимся там было чем заняться помимо чрезмерного обучения гуманитарным наукам.

Но тут биографию Викниксору испортила... слава. В самом начале 1927 года в печать вышла книга двух его бывших воспитанников – Григория Бельих и Леонида Пантелеева. «Республику ШКИД» высоко оценил Горький. Писатель, которого тоже поматало в юности и молодости, не только сочувственно отнесся к истории бывших беспризорников, но и увидел, какую определяющую роль в их судьбе сыграл Викниксор.

Но потом повесть прочитала Крупская – главный идеолог коммунистического воспитания. Обозвав школу им. Достоевского «бурсой», она разгромила в пух и прах всю викниксоровскую систему. «Никаким трудом не пахнет в ШКИД, – писала она в статье 1927 года. – Школа работает исправно, но учат там

Группа выпускников отделения СПОН Института им. Герцена. Четвертый во втором ряду слева – Виктор Сорока-Росинский. 1927 год

Г. Бельих, Л. Пантелеев. Республика ШКИД. Обложка первого издания. Художник – Н. Тырса. 1927 год

составлять «диаграммы творчества Лермонтова», учат Карамзина, читают «Бедную Лизу», «Наталью, дочь боярскую», изучают эпоху Ивана Грозного. Занимаются еще немецким языком. Ребята просят обучать их политграмоте, им отвечают: никакой политграмоты вам не полагается». Возмутилась председатель Главполитпросвета и тем, что ученики школы на уроках распевали скабрезные куплеты, бузили и подворовывали на кухне, словно дети, выросшие на улице, должны перевоспитаться мгновенно, от одного осознания, что им выпала великая честь стать новыми, советскими гражданами. Посетовала Крупская и на то, что заведующий с таким вот контингентом вел себя слишком строго. По ее логике выходило, что если директор, сталкиваясь с низкими проявлениями своих учеников, называет подлость подлостью, то он попирает их человеческое достоинство, унижает их и лишает надежды на будущее. Что ж, типичная реакция чиновника от образования. Типичные воззрения бюрократа, что с детьми лучше не очень-то умничать, что учить их надо простым и по-

Н.К. Крупская. 1920-е годы

нятным житейским навыкам, а не Лермонтова с Карамзиным разбирать.

Но если с Крупской все понятно, то от вмешательства в дело Макаренко по-настоящему горько. Уж он-то прекрасно понимал, как ково это – работать с подростками, отравленными улицей, уж он-то отлично знал, что огрубевшую натуру ребенка не исправят ни политическая программа, ни обещание светлого будущего, ни душевные беседы. Без души, конечно, ничего не выйдет, педагог без сердца все равно что птица без крыльев. Но необходимы еще сила, твердость, авторитет. Сила – это характер. А уж в отсутствии характера Сороку-Росинского точно нельзя было упрекнуть. Авторитет, если он настоящий, всегда держится на знаниях и умениях. Этой базой ленинградский педагог тоже обладал в полной мере. Получив блестящее образование, он продолжал учиться всю жизнь, вгрызаясь в суть разных наук, перенимая опыт передовых ученых. Новые теоретические построения он всегда проверял на практике и отлично разбирался в детской психологии.

Антон Макаренко опробовал на практике новую методику – воспитание трудом. Но у него были для этого условия: земля, пространство, ресурс. Сорока-Росинский получил школу, к которой не прилагались ни сельхозугодья, ни мастерские. Ему со своими подопечными негде и не из чего было хоть что-то производить. Каким же трудом мог воспитывать он новое поколение? Убрать за собой в спальне, подежурить в столовой, приготовить дрова, помыть общую лестницу – это само собой. Но не по десять же часов тряпкой махать. Сорока-Росинский сделал ставку на старое доброе системное образование. Да, как в прежних гимназиях – с изучением наук и искусств в их последовательности и тесной взаимосвязи. То, что раньше позволить себе могли лишь немногие, Сорока-Росинский сделал доступным для самых обделенных.

А что увидел Макаренко? Он увидел, что школа имени Достоевского – «это только школа», что ее обитатели «ничего не делают», а «только учатся, и это основной метод школы». Только учатся – каково? А ведь могли и не учиться – саботировать занятия, ничего не слушать, не читать, не писать, ничем не интересоваться. А тут дети за три года овладевали иностранными языками, читали доклады, писали газетные фельетоны, ставили спектакли. У людей в конце концов появилось будущее. Выпускники школы поступали в разные вузы, становились инженерами, военными, писателями, режиссерами. Разве это не результат? А Макаренко называл опыт «республики ШКИД» «педагогической неудачей». Через год, впрочем, «несоветской» объявили и систему Антона Семеновича. Все та же Крупская, к слову.

ЗАБВЕНИЕ И НОВАЯ ПАМЯТЬ

В 1928 году Виктора Николаевича уволили из системы Наркомпроса. В 1930-м для верности добились «Последней гимназий» – еще одной книгой о жизни в школе им. Достоевского, тоже написанной ее бывшими учениками. Вот только если «Республика ШКИД», несмотря на юмор, граничащий порой с зубоскальством, была проникнута все же чувствами добрыми, то новая повесть явилась злобным памфлетом. Есть версии, что это был политический заказ, но не конкретно на Викниксора, а на разоблачение его «буржуазной педагогической системы». Что до исполнителей, то ими могли двигать банальные зависть и ревность. Точь-в-точь как мелочная мстительность двигала их же персонажем, доносчиком Богородицей – самопровозглашенным преподавателем политграмоты, уволенным Викниксором за абсолютную профнепригодность. Дорогу в школу Сороке-Росинскому перекрыли. Впрочем, совсем уж людоедских планов на него не было. Напро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛТАРЕВОЙ

тив, чтобы он мог обеспечивать себя и семью, ему оставили возможность работать в Педагогическом институте Герцена, заниматься методическими работками и публиковать статьи в третьеразрядных газетах. В середине 1930-х ветер снова переменялся. Оказалось, что из-за экспериментов в школьной системе, из-за упора на трудовое воспитание упало качество общего образования. Почти все школы-коммуны и школы-колонии закрыли. В 1935-м развалили коммуны Дзержинского, отстранив от ее управления Макаренко, которому припомнили брата-белоэмигранта. В это же время активно громили «Красные зори» – за то, что там развели какую-то «хлевологию»: наладили крепкое хозяйство и стали слишком уж независимыми. Опять пришли разлад и неразбериха, но, как ни странно, именно в это время Сорока-Росинский пригосудился в школе. Хотя, может, и не странно: кадры уже критически не хватало. В 1936 году Виктора Николае-

Кадр из фильма «Республика ШКИД». В роли Викниксора С. Юрский. 1966 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛТАРЕВОЙ

Плакаты к фильму «Республика ШКИД». 1965 год

В.Н. Сорока-Росинский с классом женской школы. 1950-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛТАРЕВОЙ

вича позвали работать учителем русского языка и литературы средних классов в школу №38. Еще через три года он перешел работать в школу №210 к старому товарищу Семену Басову. Череду трагических событий запустила война. Сначала эвакуировалась на юг и вскоре пропала без вести жена Элла Андреевна. Затем под бомбежку попал поезд, увозящий из Ленинграда учеников Сороки-Росинского – дети погибли. Потом жизнь в блокадном городе, голод, болезни. Эвакуация самого Виктора Николаевича в состоянии жесточайшей дистрофии. В пути его обокрали мародеры: лишили рукописей практически законченных учебников и документов. После тяжелая жизнь на Алтае и в Киргизии. Только в 1948 году педагог смог вернуться в Ленинград. Следующие семь лет он работал в разных школах. Потом вышел на пенсию, но продолжал заниматься с учениками индивидуально на добровольных началах: буквально просил знакомых учителей отправлять ему самых сложных, неуспевающих школьников, чтобы подтянуть их до хорошего уровня. И вытягивал самых безнадежных. В 1959 году Виктора Николаевича навестил Леонид Пантелеев. Он вручил бывшему наставнику свою новую книгу, «Повести и рассказы». На титульном листе надпись: «Дорогому Виктору Николаевичу 35 лет спустя – с уважением и наилучшими пожеланиями». ...В 1960 году, спеша к одной из своих учениц, Виктор Николаевич, не отличавшийся хорошим зрением, попал под трамвай. Шесть лет он не дожид до экранизации «Республики ШКИД» и столько же – до настоящей славы. После фильма о талантливом ленинградском педагоге стали писать в газетах, о нем выходили новые книги, подготовленные его учениками. Опубликована была и его собственная книга «Школа им. Достоевского». Правда, она осталась незавершенной... ❶

ВИНТОВКА + ВАРВАРА

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

ЛЮБЛЮ БЫВАТЬ В ТУЛЬСКОМ МУЗЕЕ ОРУЖИЯ, ГДЕ МОЖНО УВИДЕТЬ ОБРАЗЦЫ РАЗНЫХ ЭПОХ. ЗДЕСЬ ХРАНИТСЯ НЕМАЛО УНИКАЛЬНЫХ ЭКСПОНАТОВ: СТРЕЛКОВОЕ, ХОЛОДНОЕ, ОХОТНИЧЬЕ, ДУЭЛЬНОЕ, СПОРТИВНОЕ ОРУЖИЕ. ЕСТЬ ДАЖЕ ТАКИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ, КОТОРЫЕ МОЖНО СЧИТАТЬ САМЫМИ НАСТОЯЩИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ИСКУССТВА.

ЛЮБУЕШЬСЯ ВСЕМИ этими смертоносными предметами и невольно возникает мысль: что движет конструктором оружия? Если коротко: желание сделать удобное, надежное устройство для убийства. Жестоко, но такова правда жизни.

Ведь история любой цивилизации – это история войн. Но бывает и так, что без оружия не обходится и история любви. Вот как в случае с Сергеем Ивановичем Мосиным, которому создание знаменитой винтовки дало возможность жениться на любимой женщине...

ИЗ КРЕПОСТНЫХ В ДВОРЯНЕ

Дед Сергея Ивановича, Игнат Мосин, был крепостным крестьянином, погиб в Бородинской битве. Сын его, Иван Мосин, воспитывался в сиротском приюте. В 18 лет записался на военную службу, участвовал в войне с Турцией, имел награды и был произведен в подпоручики. В 1837 году он вышел в отставку и стал управляющим в имении помещицы Тулиновой-Шеле в селе Рамонь Воронежской губернии. Там же женился на крестьянке Феокистие. В апреле 1849-го в семье родился первенец – Сергей. Через четыре года мать скончалась при родах второго сына, Митрофана.

Братьев Мосиных привечала Тулинова-Шеле, они были практически на равных с ее детьми: получили прекрасное домашнее образование, выучились французскому языку.

Для того чтобы сыновья могли учиться дальше, Иван Игнатьевич Мосин подал прошение о принятии его в дворянство. В то время бывший крепостной мог претендовать на его получение, если хорошо проявил себя

Рамонь.
Река Воронеж.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Воронеж. Михайловский кадетский корпус. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Варвара Николаевна Арсеньева (урожденная Тургенева), во втором браке – Мосина, двоюродная сестра писателя И.С. Тургенева

ВЫЗОВ НА ДУЭЛЬ

В Тулу Мосин попросился не случайно: его отец Иван Игнатьевич служил в поместье Арсеньевых. Туда при каждом удобном случае и наезжал Сергей Мосин. И не только для того, чтобы повидать престарелого родителя.

Дело в том, что Сергей Иванович влюбился. И не просто влюбился, а понял, что встретил свою судьбу, свою единственную и неповторимую. Судьбу звали Варвара Николаевна Арсеньева. Драма состояла в том, что она была женой хозяина поместья и матерью двух детей. Ей – 25 лет, Мосину – 30. Фотография свидетельствует, что Варвара Николаевна – кстати, кузина Ивана Сергеевича Тургенева – была изящной и красивой женщиной.

Замкнутый и необщительный штабс-капитан потерял голову. При любой возможности он стремился в поместье Арсеньевых, благодаря судьбу за то, что муж его возлюбленной пребывал в основном в Москве и Петербурге. Влюбленные мечтали о совместной жизни, но для начала нужно было получить развод. А это было непросто. Решение о разводе православных принимал Святейший синод, признавая его только в случае нескольких причин: доказанное прелюбодеяние, двоеженство (двоемужество), болезнь, препятствующая супружеским отношениям, без вести пропавший супруг (не менее пяти лет), осуждение за тяжкое преступление, предусматривающее ссылку или лишение прав состояния, монашеский постриг.

Видимо, ситуация представлялась Мосину безвыходной, ибо чем-то иным объяснить его следующий шаг трудно. Сергей Иванович вызвал Арсеньева на дуэль. Несмотря на то, что дуэли в России официально были запрещены еще Петром I, а затем Екатериной II, они были нередки. Но чего мог добиться Мосин дуэлью? Если бы он проиграл или погиб, положение ухудшилось бы. Если бы вышел победителем, отправился бы под суд.

на военной службе. По действующей тогда петровской Табели о рангах даже нижний офицерский чин давал такое право. И в начале 1860 года Иван Мосин с сыновьями были внесены в родословную книгу воронежского дворянства.

В августе 1861-го Сергей Мосин был зачислен в Тамбовский кадетский корпус, через год перешел в Воронежский кадетский корпус. Учеба дается ему легко, Мосин – в числе лучших учеников. Ротный офицер в «Замечаниях о характере, наклонностях и способностях» Сергея отмечал: гимназист способный, скромный, исполнительный, добросердечный, несколько вспыльчивый, но при этом весьма дисциплинированный.

В 1865 году в рамках реформ в военном ведомстве Воронежский кадетский корпус был преобразован в военную гимназию с улучшенной программой образования, упор в которой делался на точные и естественные науки. Через два года Сергей Мосин с отличием окончил гимназию и в июле 1867-го получил назначение в Третье Александровское военное училище в Москве.

В октябре того же года был переведен в Петербургское Михайловское артиллерийское училище – одно из лучших военных учебных заведений того времени. В июле 1870-го, успешно сдав выпускные экзамены, Сергей Мосин был произведен в подпоручики и получил назначение в 2-ю резервную конно-артиллерийскую бригаду, расквартированную в Царском Селе. Службу молодой офицер исполнял ревностно, но мечтал о дальнейшем образовании. И в сентябре 1872-го подпоручик Мосин стал слушателем Михайловской артиллерийской академии. В те годы академия являлась настоящим научным центром, в числе здешних преподавателей были известные ученые.

В 1875 году уже штабс-капитан Сергей Мосин окончил Михайловскую академию с золотой медалью и был направлен на Тульский оружейный завод (ТОЗ).

Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге

Помещик Арсеньев вызова на дуэль не принял, а написал жалобу на Мосина руководству Тульского завода, после чего Сергея Ивановича на трое суток отправили под домашний арест. Это не отрезвило влюбленного офицера. И вот в Дворянском собрании при десятках свидетелей он вновь вызывает Арсеньева на дуэль. Помещик снова пишет жалобу. Мосина отправляют под домашний арест уже на две недели.

Было ясно, что дуэль – не решение проблемы. И в 1884 году Мосин пишет письмо Арсеньеву с просьбой расторгнуть брак с Варварой Николаевной. Сначала помещик отказался. А потом, видимо, поразмыслив, предложил Мосину сделку: вы мне выплачиваете 50 тысяч рублей, я вам отдаю жену. Предложение это недвусмысленно характеризует Арсеньева.

50 тысяч рублей – немалые по тем временам деньги. Их у Мосина не было. Даже приличное жалование офицера не могло позволить быстро накопить такую сумму.

«МОСИНКА» VS НАГАН

Так бы и остались влюбленные навеки разлученными, если бы не... винтовка. Точнее, конкурс, который объявило Военное министерство по созданию нарезного стрелкового оружия для Русской армии. Награда победителю – 30 тысяч рублей. И Мосин решил участвовать в конкурсе. Тульский оружейный завод – знаменитое предприятие, одно из старейших в России. ТОЗ выпускал для армии винтовки конструкции американского полковника Хайрема Бердана. С детства помню выражение «сторож с берданкой», но не знал, что название ее происходит от фамилии американского изобретателя. Не раз попадалось слово «берданка» и в художественной литературе. Например, читаем в «Дерсу Узала» Владимира Арсеньева: «Китенбу взял с собой заплатанное одеяло, козью шкуру и старую, много раз чиненную берданку...»

Винтовка
Бердана
(внизу)

Или в повести «Юнкера» Куприна: «Согласитесь, что такими мощными ударами можно потрясти берданку и значительно испортить ее тонкие, весьма чувствительные внутренние части». Варлам Шаламов в воспоминаниях: «Мне исполнилось десять лет. По семейной традиции мальчику в этот день дарилось ружье: русская берданка шестнадцатого калибра».

Винтовки Бердана (существовали две различные системы этих винтовок. – Прим. ред.) в конце 1860-х годов были приняты на вооружение Русской армии. Но у них был существенный недостаток: однозарядность. То есть сделал выстрел – снова вставлял патрон. Конструкторы многих стран думали над тем, чтобы сделать винтовку многозарядной. Потому и Военное министерство России решило провести конкурс, чтобы дать армии новое оружие.

Императорский
Тульский
оружейный
завод

Мосин прекрасно знал различные виды стрелкового оружия и технологии их производства, ведь он работал на Тульском оружейном заводе. Тут надо отметить, что еще задолго до объявления конкурса Сергей Иванович уже думал над усовершенствованием винтовок Бердана, превращением их в магазинные (то есть многозарядные. Магазин – емкость для размещения патронов. – Прим. авт.) и даже разрабатывал их. И не он один. Так, офицеры Александр Горлов и Карл Гуниус внесли в конструкцию берданки более 20 усовершенствований, именно этот вид и был принят на вооружение Русской армии в 1868 году. Еще через пару лет винтовку дорабатывали полковники Владимир Чебышев и Илья Сафонов.

Первый вариант винтовки Мосин создал в начале 1884 года. Мысль его усиленно работала: еще вариант, и еще, и еще... Не менее полусотни вариантов. И наконец получилась конструкция, которой дали название «трехлинейка». Оно образовано от калибра «три линии», а «линия» – это 2,54 миллиметра, «трехлинейный» соответственно – 7,62 миллиметра.

В феврале 1890 года Мосин представил на рассмотрение специальной комиссии министерства свою модель магазинной винтовки. В сентябре 1890-го на завод с инспекцией прибыл военный министр Петр Семенович

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ванновский. Во время визита он ознакомился с винтовкой Мосина, увидел, как она работает на испытаниях, и выразил поддержку конструктору. 14 сентября Мосин сообщает заместителю начальника главного артиллерийского управления Военного министерства генералу Николаю Крыжановскому: «В присутствии военного министра ружья действовали отлично, выпущено было до трехсот патронов... Военный министр был ко мне очень ласков, несколько раз на заводе при всех высказывал, что мой успех будет его успехом, а при прощании на вокзале сказал: «Поеду молиться московским угодникам об успехе нашего дела».

Иностранные и русские конструкторы представили на конкурс Военного министерства 119 винтовок различных систем. После испытаний в финал вышли две – Мосина и бельгийца Леона Нагана.

Начались дополнительные испытания винтовок финалистов. Из каждой было сделано по

2500 выстрелов, главное внимание уделялось неисправностям. Ведь одно из главных достоинств любого оружия в бою – безотказность. После окончания испытаний комиссия долго обсуждала, какой винтовке отдать предпочтение. По итогам прений голоса членов комиссии разделились поровну между винтовками Мосина и Нагана. Решил все голос председателя комиссии, генерала Владимира Нотбека, отдавшего предпочтение русскому конструктору. 16 апреля 1891 года был утвержден образец винтовки Сергея Мосина. В заключении говорилось: «Как выяснилось из рассмотрения самих образцов и разъяснений лиц, знакомых с заводским производством оружия, ружья иностранца Нагана, сравнительно с таковыми же Мосина, представляют собою механизм более сложный для выделки, что может замедлить их производство и повысит цену каждой винтовки Нагана». Также отмечалось, что винтовку Мосина, в отличие от винтовки Нага-

Винтовка
Мосина

на, можно разобрать и собрать без использования инструментов. Комиссия указала, что капитан Мосин при проектировании образца трехлинейной магазинной винтовки, а потому находила справедливым наградить конструктора орденом и денежной суммой в 50 тысяч рублей.

13 апреля 1891 года военный министр Ванновский представил императору Александру III доклад «Об утверждении образца пачечного трехлинейного ружья, предложенного капитаном Мосиным». В докладе говорилось, что «система <...> заслуживает во многих отношениях предпочтения перед системой иностранца Нагана как по более простому устройству своему и по дешевизне своего изготовления, так и по тому, что с принятием ее наши оружейные заводы скорее смогут приступить к валовому изготовлению ружей». В документе приводились расчеты: с принятием винтовки Мосина предполагалось сэкономить до 6 миллионов рублей по сравнению с тем расходом, который потребовался бы в случае принятия винтовки Нагана. Миллионы сэкономили, а Мосину пожалели 50 тысяч: награду урезали до 30 тысяч.

Победа Мосина в соревновании с Наганом была из ряда вон выходящим событием. Появление винтовки отечественной разработки, ни в чем не уступающей западному образцу, было серьезным прорывом. В 1892 году три оружейных завода – Ижевский, Сестрорецкий и Тульский – приступили к массовому выпуску «мосинок».

Но нас интересуют те 30 тысяч, от которых зависело счастье Сер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Петр Семенович Ванновский (1822–1904), военный деятель, генерал от инфантерии

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Владимир Васильевич Нотбек (1825–1894), выдающийся теоретик и практик стрелкового и оружейного дела, крупнейший организатор оружейного производства в Российской империи XIX века, генерал от инфантерии

гея Ивановича. В конце августа 1891-го Мосин получил награду. До нужной суммы не хватало 20 тысяч. К счастью, в том же году за разработанную винтовку Сергей Иванович получил Михайловскую премию – самую престижную награду за изобретения в области артиллерии и оружейного дела, которая присуждалась раз в пять лет. Тогда же Главное артиллерийское управление присудило Мосину высшую военно-техническую премию Русской армии. В результате набрались нужные 50 тысяч.

И наконец Варвара Арсеньева стала Варварой Мосиной. Через шестнадцать лет после объяснения в любви! Мосину на тот момент исполнилось 46 лет, Варваре – 41 год.

В 1894-м Сергея Ивановича назначили главой Сестрорецкого оружейного завода, где он должен был наладить производство своей винтовки. На прощание тульские мастера вручили ему подарок – миниатюрную трехлинейку. В апреле того же года Мосин с женой и тремя детьми переезжают в Сестрорецк. Сергей Иванович провел модернизацию завода, по его заявкам было закуплено и установлено современное оборудование.

Карьера Сергея Ивановича складывалась многообещающе. В 1900 году его производят в генерал-майоры. Не обходят Мосина и наградами: он получает ордена Святого Владимира и Святой Анны, болгарский орден Святого Александра, а бухарский эмир пожаловал ему орден Золотой Звезды. На Всемирной оружейной выставке в Париже трехлинейка Мосина получила высшую награду – Гран-при. Это был триумф.

К сожалению, жизнь конструктора оборвалась слишком рано. В начале 1902 года он заболел пневмонией и скончался в возрасте 52 лет. Похоронили Сергея Ивановича Мосина на кладбище в Сестрорецке.

Варвара Николаевна до революции 1917 года жила в Сестрорецке. А затем следы вдовы Мосина и ее детей затерялись...

Управление
Сестрорецкого
оружейного
завода

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Обложка книги
В.Н. Ашуркова

Бронзовый
бюст Сергея
Ивановича
Мосина в Туле.
Скульптор –
В.И. Мухина

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ДАТЬ ОРУЖИЮ ИМЯ

Оружие часто называют именем изобретателя: кольт, наган, браунинг, берданка, маузер получили «имена» соответственно в честь Самуэля Кольта, братьев Наган, Джона Браунинга, Хайрема Бердана, братьев Маузер. В этом же ряду – «макаров», «стечкин», «калашников», которые создавали Николай Федорович Макаров, Игорь Яковлевич Стечкин, Михаил Тимофеевич Калашников.

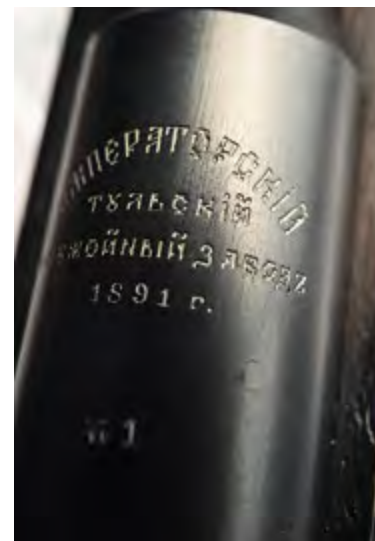
А вот самая массовая винтовка в России царской и России советской – трехлинейка Мосина – не удостоилась отдельного имени, название «мосинка» встречается довольно редко. Винтовка

Мосина была так хорошо сконструирована, что лишь однажды подверглась незначительной модернизации – в 1930 году. С ней воевали в Первой мировой войне, в Гражданской войне и во время Великой Отечественной. Ее вытеснили автоматы, но тем не менее винтовка Мосина стояла на вооружении Советской армии до середины 1950-х годов. Увы, после революции о Сергее Мосине почти забыли. На ТОЗе его, конечно, помнили, но никаких памятных знаков на заводе не было.

Его имя вернулось из забвения в конце 1940-х годов. Тогда развернулась мощная кампания против «космополитизма и низкопоклонства перед Западом». Вспомнили и начали пропагандировать достижения российских ученых и изобретателей: Александра Попова, Александра Можайского, Павла Яблочкова, отца и сына Черепановых и многих других. О них, их жизни и свершениях писали в газетах и журналах, издавали книги, снимали фильмы, им ставили памятники. Вспомнили и о Сергее Мосине. Тульский краевед, историк Вадим Ашурков выпустил в 1951 году небольшую книжицу «С.И. Мосин – создатель русской винтовки». В ней можно найти много фактов об истории создания винтовки, но, как было принято тогда, еще больше – о царском режиме и бюрократии, которые, как говорится, спали и видели, чем бы помешать русскому самородку: «Бездарные чиновники царской России слепо преклонялись перед всем заграничным,

Однозарядная
винтовка
Бердана
(вверху)
и многозаряд-
ная винтовка
Мосина (внизу)

Клеймо Тульского оружейного завода
на «мосинке» №1

пренебрежительно относились к инициативе и творчеству людей из народа». Досталось и американцам: «Американский империализм, готовясь вступить в борьбу за новый передел мира и захват колоний, в интересах финансовых воротил Уолл-стрита усиленно вооружался. Пронырливые американские дельцы настойчиво изыскивали все возможности для усиления мощи

своей армии, стараясь приобрести в России и других странах наиболее совершенные образцы военной техники...»

В 1958 году в Туле поставили памятник конструктору, созданный скульптором Верой Мухиной. Он стоит в сквере на улице Металлистов, рядом с ним любят фотографироваться туристы. В 2008 году вандалы украли четыре бронзовые «мосинки», уста-

новленные по углам памятника. Но на ТОЗе изготовили новые винтовки для памятника.

В 2019 году к 170-летию юбилею Сергея Мосина в Тульском музее оружия прошла выставка «Гордость Тулы оружейной». Я был на ней. В экспозиции была представлена винтовка Мосина №1, выпущенная в первый день принятия ее на вооружение, а рядом – винтовка №1000000. 🇷🇺

Экспозиция
Тульского музея
оружия

ОДА СЕВЕРНОМУ ШЕЛКУ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЛАЗОРЕВЫЕ ЦВЕТЫ С ЗОЛОТЫМИ СЕРЕДИНКАМИ, РАСПУСКАЮЩИЕСЯ НА ПОЛЯХ В НАЧАЛЕ ЛЕТА, НАПОМИНАЮТ БЕЗБРЕЖНОЕ МОРЕ, КОТОРОГО КОСНУЛИСЬ ЛУЧИ СОЛНЦА, ИЛИ НЕБЕСНУЮ СИНЬ, ОПРОКИНУВШУЮСЯ НА ЗЕМЛЮ. ГОЛУБОМУ ЛЬНЯНОМУ РАЗЛИВУ НА СМОЛЕНЩИНЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ И В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ НЕ БЫЛО КОНЦА И КРАЯ. СЕГОДНЯ ЛЮБИМОЕ РАСТЕНИЕ СМОЛЯН КРАСУЕТСЯ НА ГЕРБЕ ОБЛАСТИ, НА КАРТИНАХ СМОЛЕНСКОГО ХУДОЖНИКА ПАВЛА ШМАТИКОВА И В НАЗВАНИИ ПЕРВОГО В РОССИИ МУЗЕЯ ЛЬНА.

«**С**МОЛЕНСКИЙ лен» входит в состав одного из старейших музейных объединений России – Смоленского государственного музея-заповедника. В декабре 1980 года, на излете атеистических советских лет, посвященный льну музей открыли в отреставрированном памятнике архитектуры XVII века – Троицком соборе, сохранив его тем самым от гибели.

Смоленская крепостная стена. Построена в 1595–1602 годах

Никольская башня крепостной стены, в которой находится музей «Смоленский лен»

на гордость Московского государства». Сегодня – это крупнейшая из сохранившихся кирпичных крепостей мира. Надвратная Никольская башня крепостной стены до поры, когда в ней разместился музей льна, многое повидала на своем веку. В XVII–XVIII веках башня, тогда звавшаяся еще Еленинской (по названию шедшей от нее дороги на Ельню), пережила три осады.

«ДРЕВНЯЯ БАШНЯ»

Город-герой Смоленск – одновременно ключ и щит России. Он, как известно, «восславлен крепостью», которая с XVII века не раз обороняла западные рубежи нашего отечества. За прошедшие века Смоленская крепость полностью оправдала слова, по преданию, сказанные Борисом Годуновым при ее закладке: станет она «ожерельем всяя Руси православной на зависть врагам и

Специально вытканые сотрудники местного льнокомбината к открытию два больших gobelena красиво смотрелись на стенах храма-музея. На одном – юная девушка в легком платье посреди цветущего льняного поля, на другом – она же со снопами уже созревшего льна. В 2011 году собор вернули церкви, а музей чуть позже переехал в Никольскую воротную башню Смоленской крепостной стены.

Жестокие испытания выпали на ее долю и в годы Отечественной войны 1812 года. Башня сильно пострадала во время штурма города французской армией. Через ее ворота в оставленный, но непокоренный Смоленск въезжал Наполеон. Примерно в то же время она была переименована в Никольскую – в честь расположенной рядом и сгоревшей в войну деревянной церкви Святого Николая.

Вплоть до начала XX века башня, по словам известного мецената и общественного деятеля княгини Марии Тенишевой, «стояла заброшенной, запустелой, безо всякого употребления, и даже без крыши, которую подпалили какие-то хулиганы, гуляя по стене. Зубцы этой башни были наполовину разрушены». Княгиня мечтала вдохнуть жизнь в «древнюю башню», организовав в ней музей русской старины. Однако тогда ее замыслам не суждено было сбыться.

До революции в башне размещался городской архив. В советское время – телефонный переговорный пункт. В постсоветские годы – первый в Смоленске интернет-клуб. И лишь в 2012 году в помещениях башни открыли музей. В нем увлеченно и со знанием дела рассказывают об удивительной сельскохозяйственной культуре – льне, который и оденет, и накормит, и вылечит, да и в работе первый помощник. Не случайно смоляне говорили, что «хлеб – насущный, а лен – всемогущий».

Заведующая музеем «Смоленский лен» и наш проводник по экспозиции Лариса Викторовна Захаренкова заметила при встрече: «Мы рады, что теперь музей в этой башне. Дело в том, что она посвящена святителю Николаю Угоднику, а он – покровитель крестьянства, земледельческих работ. У крестьян даже была такая заличка: «Батюшка Николай! Давай дождя большого! На нашу рожь, на бабий лен поливай ведром».

Коробочки льна с семенами

«СЕМЕНИ ЛЬНЯНОГО К МОРСКИМ ПРИСТАНЯМ НЕ ВОЗИТЬ»

Кто из нас в детстве не читал рассказ Константина Ушинского «Как рубашка в поле выросла»? Не был заинтригован самим названием, стремясь поскорее узнать, как такое вообще возможно? Мне помогла в этом разобраться уникальная экспозиция музея «Смоленский лен»,

Символическая Льяница в окружении снопов созревшего льна

которую нередко называют «одой северному шелку».

Кроме того, что этот музей – первый в России, посвященный одной из древнейших сельскохозяйственных культур, растущих на территории нашей страны, у него есть еще одна важная особенность. Он наполнен только подлинными предметами, без новомодных и не всегда точных реконструкций. Более того, практически все экспонаты музея – «уроженцы» Смоленщины. В представленной на первом этаже экспозиции взрослые и дети могут увидеть, чем пахали землю, как высевали лен, а потом возделывали и обрабатывали его, чтобы получить тончайшую льняную ниточку, из которой в итоге получится та самая рубашка. Как древнейшим пахотным орудием – сохой, получившей название от одноименной палки с развилиной, неглубоко «чиркали» землю. Как плуг, упоминаемый на Руси с X века, поднимал дернистую тяжелую почву, не поддающуюся легкой и быстрой сохе, оправдывая свое название – «пльвущий, ползущий по земле». Стоит в музее и диковинная для современной молодежи борона-«суковатка», которой рыхлили почву после плуга, насыщая ее

кислородом и прикрывая упавшие в землю семена. Неслучайно слово «боро́на», как рассказывают сотрудники музея, связано со славянским словом «оборо́на». Ведь боро́на защищает посевы от гибели из-за сорняков, птиц, ветра. Чтобы боро́на была потяжелее, сверху на нее клали мешки с семенами или сажали детей, которым катание по полю очень нравилось.

В одном из номеров популярного в конце XIX века в России журнала «Всемирная иллюстрация» мне как-то попала заметка о посевной именно в Смоленской губернии. Она была дополнена гравюрой немецкого худож-

ника Вильгельма Бера, часто бывавшего на Смоленщине, много и с любовью рисовавшего жизнь смоленских крестьян. За что художник даже получил прозвище «русский медведь». Копию той гравюры под названием «В поле. Пахари Смоленской губернии» можно увидеть и в музее. На гравюре за плугом стоит женщина. Да и в заметке неизвестный автор пишет: «У нас даже чаще видишь бабу или девку за плугом, чем мужика. Мужик дрова рубить, камни таскать, избу строить, а бабе можно и за плугом походить. Оно, конечно, трудно, но можно. Да уж не лучше ли и пахут бабы, чем мужики? <...> У меня, как это

Соха и плуг – главные орудия труда крестьянина, ведь «какова пашня, таково и брашно», то есть будущая еда, пища

я видел не далее, как вчера, объезжая поля, земля так вспахана, что лобо поглядеть, а по полю, далеко кругом, никого, кроме пестрых юбок, да красных платков на головах, не видно. И как это красиво смотреть, красные платки по серому полю».

Женщины на Смоленщине шли за плугом, а вот сеяли зачастую мужчины. Севалку лубяную или севалку, плетенную из соломы, подвешивали на шею на полотенцах, чтобы «урожай был богатым», поясняют в музее. Но жесткого канона, кто должен сеять, в губернии все же не было. Бабы, к примеру, помимо работы на семье, так сказать, на общее дело, могли засеять льном свои собственные «собинки» – полоски земли. Вырученную с такой собинки копейку можно было оставить себе на приукрашение».

Вместе с севалками представлены в экспозиции и семена льна. В наши дни они – частый элемент модных диет, а в XVIII веке – стратегически важное для государства сырье. Февральским указом 1718 года Петр I повелел «семенам льняного и конопляного к морским пристаням для продажи отнюдь никогда под жестким запрещением не возить. А ежели у кого будет со из-

Севалки лубяная и плетенная из соломы. «Перед севом льна хозяйка давала мужу на завтрак два вареных яйца. Их клали в мешок с семенами как символ жизни и плодородия, чтобы была высокой всхожесть семян»

лишеством, чтоб избывали и к морским пристаням привозили, и продавали маслом, а не семенами...». Подобный запрет способствовал появлению отечественных перерабатывающих фабрик. Государству выгоднее было продавать не сырье, а то, что из него произвели – масло и жмых. Другим указом царь повелел «размножить льняные и пеньковые промыслы <...> для всенародной пользы».

Обстановка крестьянской избы. Справа от печи стоит ступа, в которой могли мять лен, если не было льномялки

ЛЕН ЛЮБИТ ПОКЛОН

К началу XX столетия заветы Петра I в Смоленской губернии были перевыполнены. Еще в 1889 году на съезде льноводов отмечалось, что «Смоленск есть самый центральный пункт для всех льноводных местностей России...». Выращиванию льна в первую очередь благоприятствовал здешний климат с частыми дождями и туманами. Как заметила Лариса Викто-

ровна, Смоленщина даже получила у климатологов прозвище «пасмурный оазис». Однако подходящие погодные условия – это только полдела. Много нужно потрудиться, чтобы получить льняное волокно. Недаром наши предки говорили, что «лен любит поклон». Он сложен и в выращивании, и в производстве. Лариса Викторовна поясняет, что «лен требует больше уси-

Указ Петра I от 14 февраля 1718 года о запрете вывоза из страны льняных и конопляных семян

Снование на стене. Приспособление для подготовки нитевой основы для заправки в ткацкий станок. Очень долгий и утомительный процесс. Чтобы насновать 38 метров основы, надо было пройти от одного колышка к другому 16 километров

лий, чем получение шерсти и хлопка. Овцу стрижешь – сразу волокно. Хлопок вырос – сразу коробочка с волокном. А лен нужно добыть из гладкого стебля. В стебле волокна всего 20–30 процентов, все остальное – луб. Это отходы. Поэтому лен – дорогостоящая культура».

В музее можно увидеть множество предметов, с помощью которых лен молотили, вымачивали, мяти, трепали, затем чесали, пряли, ткали, отбеливали. Сначала посаженный лен «две недели цветет, четыре спеет, на седьмую семя летит». В конце августа вызревшее растение вязали в снопы, а потом начинали обмолачивать. Для этой цели использовали деревянные стиральные вальки – незаменимую в хозяйстве наших прабабушек вещь. С их помощью и грязь с одежды выколачивали, ведь никаких стиральных машин и порошков в ту пору не было, и новые холсты умягчали, и семена выбивали из льна да конопли. В музейной экспозиции представлены рядышком два валька – один большой, увесистый, а второй – маленький, игрушечный. Таким ребятишек играючи приучали к труду.

После обмолота льняные снопы вновь расстилали на поле, где они впитывали чистую росу, становились из бурых серо-стального цвета. В процессе расстила крестьянки приговаривали: «Лежи ленок, потом встань да в зеркало глянь, не улежался – так ляг и еще полежи, только удайся белым да мяконьким». С первым снегом лен начинали мять. Дело это было непростое. Как писал в своих знаменитых «Письмах из деревни» – энциклопедии русского крестьянства – агрохимик и смоленский помещик Александр Николаевич Энгельгардт, «лен то западает снегом, тогда все пропало, то не долежится, то перележится, то дурно смят, то неровно смят – одна вязка хороша, а другая нет».

Льномялка трехвальная. При работе на мялке требовались четыре человека: двое вертели рукоятку, третий подавал тресту, а четвертый принимал мятую тресту

Льнотреста моченцовая получалась при вымачивании льносоломы в водоемах или ямах, заполненных водой

Кудель – вычесанный и перевязанный пучок льна, подготовленный для прядения

Мялки применяли ручные и конные, деревянные и металлические, правда, последние встречались лишь в зажиточных крестьянских хозяйствах. У одной из стен музея стоит чудо чудное, диво дивное: на вид огромная коряга, а на деле – корневая льномялка. Прimitивный и самый пространственный «гаджет» для обработки льна в прошлом. Не так давно смоленская мялка помогла московским музейщикам идентифицировать неизвестное крестьянское орудие, томившееся много лет у них в запасниках.

Лариса Викторовна пояснила, что тресту – обмолоченный, вымоченный и высушенный лен или коноплю – укладывали поперек мялки, сделанной из выдолбленного корня ели или сосны. Затем били по нему палкой-било, чтобы луб стал ломким и хрупким, распался на маленькие кусочки – костру и высыпался из волокна. Занимались такой тяжелой физической работой женщины, причем лучше всего удавалось мять лен бабам из богатых семейств. Энгельгардт писал, что «брать лен и мять его приходят не только бедные бабы, но и богатые, даже можно сказать, что богачки производят главную массу работы и забирают большую часть денег... В богатых дворах бабы все сильные, рослые, здоровые, сытые, ловкие... Сытые богачки наминают до 1½ пуда

Корневая льномялка. В народе говорили: «Мни дольше, волокна будет больше» или: «Не домнешь мялкой, вспомнишь за прялкой»

Смоленские трепала. Лен трепали обычно девушки и женщины

льну, тогда как бабы бедняков, малорослые, тщедушные, слабосильные, наминают в то же время по 30 фунтов».

В экспозиции музея один предмет чаще других привлекает внимание детей. Он хорошо знаком им по сказкам и мультфильмам. Транспортное средство Бабы-яги – ступа – выставлено здесь не случайно. Если по какой-то причине в крестьянском доме не было льномялки, ее вполне могла заменить ступа с пестом. Она была в каждой семье и использовалась в основном для помола зерна.

ПОДАРИ МНЕ, ДРУГ, ТРЕПАЛО

Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Остатки костры выбивали из волокна с помощью плоской легкой дощечки с ручкой – трепала. Красивое трепало было предметом гордости его хозяйки. Молодые смолянки, по словам музейщиков, задорно пели частушки с просьбой к милому дружку: «Подари мне, друг, трепало, чтобы сердце трепетало // в серединке вырежь круг – вековечный будешь друг». Парни своими руками делали трепало и

преподносили его «милым кралям» в качестве предсвадебного подарка. В наши дни лен по старинке уже никто не треплет, но осталось выражение «трепать нервы», возможно, появившееся из-за схожести тонких льняных и нервных волокон. Следующей операцией было очесывание льна гребнем, что называлось «мыкать мычки». Потом скатывали кудели, подготавливая волокна к прядению. Сегодня, читая детям русские народные сказки, например «Гуси-лебеди», мало кто представляет, как выглядит кудель, которую по очереди прядут Баба-яга, девочка и мышка. А в музее «Смоленский лен» – вот она, висит на стене во всей красе: вычесанный и перевязанный пучок серебристого льна для пряжи. «Пряли наши смолянки не с прялки, а обычно с гребня, – рассказывает Лариса Викторовна. – Волокно накалывалось на гребень, расщеплялось на еще более мелкие волокна, и нить получалась тонкая, кужельная. Кужель использовали для изготовления самых тонких тканей». Девочки с 5 лет, девушки, взрослые женщины занимались прядением до весны, ведь, согласно обычаю, «до Масленки должна всю кудельку опрясть, не оставлять».

У утилитарных предметов Смоленщины есть одна особенность, которую отмечают этнографы: они простые, без украш. «Возможно, в этом сказывается бурная история Смоленска с многочисленными войнами, – замечает заведующая музеем. – Поэтому традиция украшать, вероятно, была утрачена. Зачем украшать, к примеру, прялку, если завтра ты останешься без всего? Видите, какая наша прялка по сравнению с красивыми, расписными из других областей – самая большая и неукрашенная. Это наша сычевская. Хотя, казалось бы, регион очень богатый, там был дорогой

Среди узорных резных и расписных прялок из других областей смоленская отличается простотой и отсутствием украс

красочный костюм, но прялки очень простые». В марте крестьянки начинали ткать, затем сотканые холсты отбеливали. Из смеси древесной золы и кипятка получали раствор, который успешно служил и шампунем, и пятновыводителем, и отбеливателем. Народными методами удавалось отбелить серую льняную домоткань так, что она становилась белоснежной. И только после всех этих операций крестьянка могла приступить к пошиву той самой рубашки, что «в поле выросла». О том, что шили и что носили смоленские крестьяне, мы расскажем в окончании статьи, в следующем номере журнала. В конце XIX века лен начинает вытесняться дешевым ситцем. Сотрудникам музея, ездившим в середине XX века в этнографические экспедиции, удалось еще застать женщин, которые своими руками лен обрабатывали, пряли, ткали. По их словам, «в начале XX века выгоднее было продать льняное волокно и получить за него деньги, на которые можно было купить ситец. Потому что волокна продашь, которого хватит на одну рубашку, а ситца купишь и сошьешь несколько рубашек. Еще и для хозяйства денежки останутся».

Реконструкция красного угла избы с льняным вышитым полотенцем

ЗОЛОТОЙ ПЕРИОД

Несмотря на то, что лен выращивали на Смоленщине с древних времен и особо успешно в XIX веке, все же золотой период – это советское время. «Льноводство было флагманом сельского хозяйства области, давало огромные доходы. Совхозы и колхозы выращивали лен на 105 тысячах гектаров. Потом он поступал на льнозаводы, которых в области было 42 – практически в каждом районе. И два льнокомбината – Вяземский и Смоленский. Последний был крупнейшим в РСФСР», – рассказывает Лариса Викторовна.

Смоленский льнокомбинат, построенный на правом берегу Днепра, был огромным предприятием, состоявшим из нескольких фабрик – по сути, город в городе. Здесь лен чесали, пряли, белили и красили, делали набойку, ткали жаккардовые ткани. Сотканной за два года тканью можно было обернуть весь земной шар по экватору.

Продукция выпускалась разнообразная: постельное белье, мебельные, столовые, декоративные ткани, швейные изделия. Почти в каждом советском доме были льняные скатерти из Смоленска, узоры на которых зача-

вся продукция Смоленского льнокомбината в 1950–1980-х годах делалась строго по ГОСТу, отличалась красотой, самобытностью и высоким мастерством изготовления

Скромный быт тех, кто в первые послевоенные годы жил в башнях крепостной стены. Справа – чугунок с крышечкой из пулеметного диска

стую повторяли местные старинные узоры. Сохранились они и в моей семье. Продукция льнокомбината экспортировалась во многие страны, участвовала в международных выставках, заслуженно получала награды.

Льнокомбинат начали строить в 1934 году. Но вскоре пришла война, и уже работающее предприятие полностью разрушили гитлеровские захватчики. К его восстановлению решено было приступить практически сразу после освобождения Смоленска – в 1943 году. Как пояснила Лариса Викторовна, «город был разрушен на 93 процента, и многие люди жили в уцелевших башнях крепостной стены. Здесь, в музее, мы показываем, как рабочий льнокомбината Василий Баранов с семьей смог обу-

строить в нише одной из них свой быт. Столик из зарядного ящика, в котором раньше лежали боеприпасы. Крышечка на чугушке сделана из пулеметного диска. Примус, сделанный из паляльной лампы. Ручная мельница для зерна. До 1956 года башни использовались для жилья и размещения разных организаций». Смоленская газета «Рабочий путь» писала о восстановлении льнокомбината: «Несмотря на невероятные трудности, связанные с разрухой, холодом, голодом, тяжелой физической работой, недостатком одежды, отсутствием жилья, смоляне подняли его из руин и в годовщину освобождения города, когда на западе еще грохотала война, запустили первую линию по выработке льняной продукции. Это была одна из первых трудовых побед смолян в послевоенный период».

Сегодня о градообразующем Смоленском льнокомбинате и сотрудники музея, и жители города говорят с болью. В 2005 году предприятие прекратило свое существование. Большая часть корпусов разрушена, а в оставшихся разместился крупный торговый центр. Робкая надежда на очередное возрождение льно-

Фотография льноводки 1950-х годов
О.С. Анатольевой и журнал
«Лен и конопля»

водства на Смоленщине затеплилась в 2018 году. В областном городе Сафонове появился первый за последние тридцать лет современный льнозавод, и, возможно, коллекция музея в будущем будет пополняться уже его продукцией.

Однако музей «Смоленский лен» повествует не только о культуре возделывания и обработки льна или крестьянском быте. С помощью представленных экспонатов он, скорее, рассказывает о людях: как они жили, во что верили, кого и что защищали, оберегали, любили. О жизни в разные времена смолян в целом и об отдельных именах и судьбах. Здесь можно увидеть фартур крестьянки Феклы Александровны, сделанный по городской моде. Полотенце, вышитое Федорой с любовью для уехавшего в дальнюю сторону мужа. Старинные фотографии дочки пасечника, нарядной крестьянки Мавры Тямкиной – любимой «фото модели» сотрудников музея. Фото 1950-х годов звеньевой колхоза «Заветы Ильича» О.С. Анатольевой, которая прижимает к груди выращенный собственными руками сноп льна. Послевоенные фотографии и вещи тех, кто жил в крепостной стене, восста-

навливал Смоленск, уже в 1944 году пахал землю и сеял лен.

Многие экспонаты в музее со следами бытования, не раз чиненные, как, например, старинный ткацкий станок. Это порой смущает некоторых посетителей. Но, как говорила первая заведующая музеем, Мария Александровна Захаренкова, «наш музей не зря называется «Смоленский лен». И экспонаты в

Старинный ткацкий станок многое повидал на своем веку

И.Ф. Буданова в женском головном уборе «шапка». Фото Погодина М.И.

нем все со Смоленщины, земли многострадальной, не обойденной ни одной войной. Да разве можно тут найти старую вещь целехонькой, без метины времени? Если бы и нашли, не поверили бы в нее люди».

Смоляне до сих пор приносят в музей личные предметы своих близких. Как говорит Лариса Викторовна, «они еще есть в сундуках. Причем люди сдают в дар, ничего не прося взамен. Даже не требуют, чтобы имя сдатчика стояло. Чаще приходят люди скромные. Но мы обязательно спрашиваем, кому вещь принадлежала. Ведь этнографический предмет получает особую ценность, когда о нем есть какая-то легенда».

Сохраненные вещи раскрывают не только судьбы своих уже ушедших владельцев, но и историю всей Смоленской земли. И если, по словам Василия Ключевского, «история – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого», то, памятуя о минувшей льняной славе Смоленщины, может быть, в наше время снова разольется от края до края области безбрежное море изумрудно-синего льна, а из сотканых тканей сошьются льняные одежды для всего населения нашей страны. Как было раньше. Неслучайно смоленский поэт Юрий Пашков писал: «Родным подзолам, скудным глинам, как сын он предан до конца, у льна характер славянина, достоинство и честь бойца!»

Окончание следует.

ДА БУДЕТ ЖИЗНЬ ОКРЕСТ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ЛУЧИ СОЛНЦА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ЗАТЕЙЛИВЫЕ ЗАВИТКИ И СПИРАЛИ, ПО НЕБУ ПЛЫВУТ УЗОРНЫЕ ОБЛАКА, НА ЗЕМЛЮ ПАДАЮТ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ-ЗВЕЗДЫ... ЛАБИРИНТЫ ОРНАМЕНТОВ УВОДЯТ В ЧАРУЮЩИЙ И СКАЗОЧНЫЙ МИР, СОЗДАННЫЙ ХУДОЖНИКОМ И КАЛЛИГРАФОМ ГЕННАДИЕМ ПАВЛОВЫМ.

«О

РНАМЕНТ – НЕ просто узор, это язык. Более того, наше письмо, скорее всего, зародилось из орнамента. <...> Орнамент был не только украшением. Ведь недаром появлялись на домах, окнах, дверях, на деревянной и берестяной посуде резные узоры, на одежде – вышивка. В них за-

кладывался сакральный смысл. Определенным образом расположенные украшения служили оберегом от влияния злых сил. Украшая орнаментом оружие, одежду, инструмент, жилище, утварь, человек как бы заручался защитой от злых духов и поддержкой добрых сил», – писал в своей книге «Плетеный орнамент» Геннадий Павлов.

РАДИОТЕХНИК, ВЛЮБЛЕННЫЙ В ИСКУССТВО

Влюбленный в древнерусский орнамент художник родился 4 мая 1941 года в селе Екатеринославка Амурской области в семье Василия и Варвары Павловых. Василий Демьянович был связистом, Варвара Васильевна работала на почте. У них

Геннадий Павлов однажды решил для себя: «Пусть живописец использует краски и мазки кисти, график – линии карандаша или угля, а я попробую выразить свои представления о мире посредством плетеного орнамента»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ДМИТРИЕМ ПАВЛОВЫМ

было четверо детей: старший сын, Геннадий, и три дочери – Людмила, Галина и Валентина. «Всюду вокруг леса, луга... Я в детстве и юности прекрасно ориентировался в лесу. И в любую погоду безо всяких часов мог с точностью до 15 минут сказать, который час», – вспоминал Геннадий Васильевич. Он с детства любил рисовать, выпиливать лобзиком, занимался выпуском школьных стенгазет. Мать часто говорила ему: «Тебе нужно быть художником!» Но мальчик решил

последовать примеру родителей и иной стези, кроме технической, даже представить себе не мог. Так что после школы поступил в ПТУ, где получил специальность электромеханика. Потом три года служил радистом в погранвойсках. Демобилизовавшись в сентябре 1964-го, Геннадий Павлов поступил на радиотехнический факультет Омского политехнического института по специальности «конструирование и производство радиоэлектронной аппаратуры».

Но тяга к прекрасному вновь и вновь напоминала о себе. Компромисс между зовом души и работой по специальности удалось найти только после завершения учебы. В 1969 году Геннадий стал преподавать начертательную геометрию и инженерную графику в родном институте. Казалось бы, что выпускнику радиотехнического факультета делать на кафедре начертательной геометрии? Ответ прост: ведь сама по себе эта дисциплина находится на стыке искусства и техники!

Молодой преподаватель занялся разработкой лекционного курса «Основы художественного конструирования», суть которого заключалась в конструировании технических форм по законам красоты. Работу над лекциями Геннадий совмещал с художественным самообразованием. И параллельно занимался живописью.

Руководство института неоднократно отправляло Павлова на повышение квалификации в Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское, ныне – Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова. – **Прим. ред.**). А затем случился неожиданный поворот. Воистину судьбоносный.

На выставке «Вешние узоры» орнаментальные композиции удивительно перекликаются с резными иконами

ХУДОЖНИК-САМОУЧКА

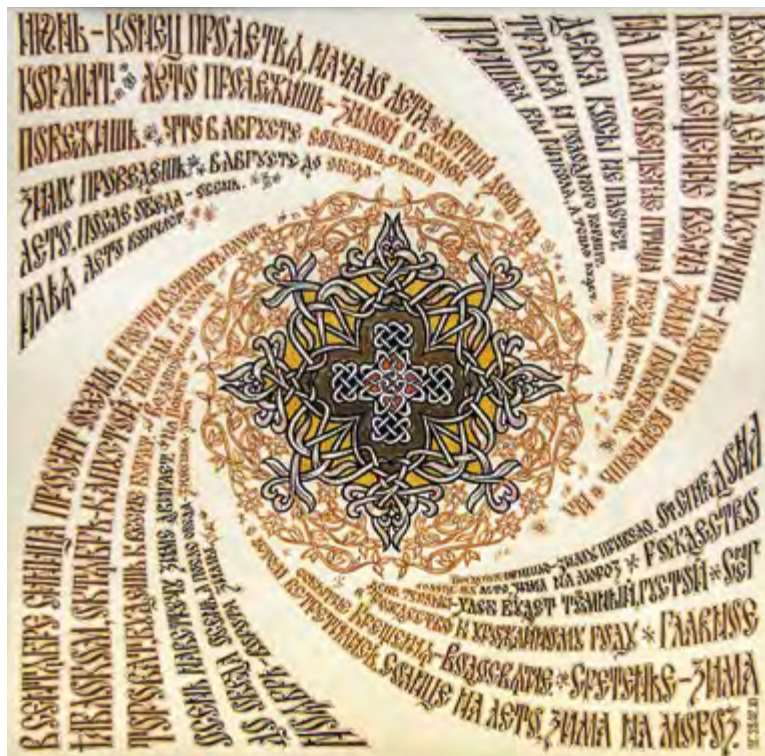
Произошло это в фонде редкой и ценной книги библиотеки Московского высшего художественно-промышленного училища во время очередной стажировки, в 1983 году.

«У инженеров есть такое понятие «прототип изобретения», то есть когда человек придумывает какую-то новую конструкцию или новый механизм, он должен в заявке указать прототип – отправную точку его идеи. С этой позиции прототипом моего творчества является книжная графика XIII–XV веков, искусство плетеного орнамента Древней Руси, – пояснял позже Геннадий Васильевич. – В старинной книге я увидел древнерусский орнамент, и он меня порадовал, стал настоящим откровением. Я ведь русский человек и не могу быть равнодушным к культуре наших предков».

Геннадий Васильевич занялся изучением древнерусского орнамента. Читал труды исследователей орнаментов разных времен и стилей. А вечерами после работы без устали рисовал эскизы. Но нарисованное хотелось воплотить в реальных работах. Для начала Геннадий Павлов решил попробовать сделать деревянные тарелочки, вырезав на них удивительных птиц в окружении замысловатых растительных орнаментов... На II Всероссийской выставке декоративно-прикладного искусства в Ленинграде Геннадий Павлов познакомился с томскими мастерами, которые работали с берестой. Увидел их работы и подумал: как же красиво ляжет на бересту плетеный орнамент! Почему бы не использовать бересту как элемент декоративный, пластический, не соединить дерево с украшенными орнаментами берестой в художественных работах?

«Мне было сложно начинать. Я не владел в достаточной мере знаниями в обработке бересты и дерева и в сфере применения этих материалов. Я все для себя открыл сам. И оказалось, что я изобрел велосипед, поскольку

«Времена года»
в лаконичных
изречениях
вокруг узорного
креста

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Удивительно
светлый
и прекрасный
весенний мир
Геннадия
Павлова
наполнен
радостью

и технологии, и сфера применения давно известны. Но когда ты до всего доходишь самостоятельно, материал охотнее открывает тебе свои секреты», – вспоминал художник.

А потом Геннадий Васильевич понял, что нарисованный орнамент может быть самостоятельным произведением, и в его творчестве появилось еще одно направление – графические работы.

Всем этим художник-самоучка по-прежнему занимался в свободное время – после работы.

«Отец часто задерживался в институте по вечерам, создавая новые эскизы и работы. И дома тоже рисовал, вырезал. Никогда не видел, чтобы он ничего не делал. Он говорил, что отдых – это переключение с одной работы на другую. Он непрерывно был в творческом процессе – прерывался на время, когда его отвлекали, а как только отвлекающий фактор исчезал, снова возвращался к творчеству. И всех это удивляло», – рассказывает сын художника Дмитрий Павлов.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ЗАГАДКИ ОРНАМЕНТА

Геннадий Павлов считал, что орнамент «являет собой квинтэссенцию развития человека, давно забытый пленительный язык, а не только декоративный элемент, каким его сегодня все и воспринимают».

Он был очарован русским этнографическим орнаментом, в котором причудливые плетеные узоры прорастают цветами и листьями, а в них прячутся фантастические звери и птицы. Для Геннадия Васильевича, радиоинженера по образованию, орнамент оказался своеобразной радиосхемой, передающей нам сигнал из далекого прошлого. И чтобы расшифровать этот сигнал, он активно занимался самообразованием, собрал огромную библиотеку книг по искусству. Искусствоведы на выставках и конференциях нередко принимали его за своего коллегу и интересовались, в каком вузе он учился на факультете искусствоведения.

А Геннадий Павлов увлеченно пытался разгадать тайны прошлого, изучая орнаментальные лабиринты длиной в сотни, а может быть, и тысячи лет. Орнамент оказался целым миром, на постижение которого требовалось время. Годами вникая в смысл и значение древних орнаментальных изображений, Геннадий Васильевич убедился, что в орнаменте нет ничего произвольного, необязательного. В нем все имеет смысл и значение. Например, простой круг. С одной стороны, это простейшее изображение солнца, с другой – универсальный символ первоначального совершенства, непрерывности, цикличности, отсутствия начала и конца, бесконечности и одновременно завершенности. Птица – традиционный образ человеческой души в разных ее ипостасях. Дерево – конечно, Древо жизни. Россыпь цветов – пожелание счастья. Крест во многих культурно-исторических традициях символизирует жизнь, плодородие, бессмертие и материю в их единстве. А спиралеобразный завиток, который встречается в большинстве растительных орна-

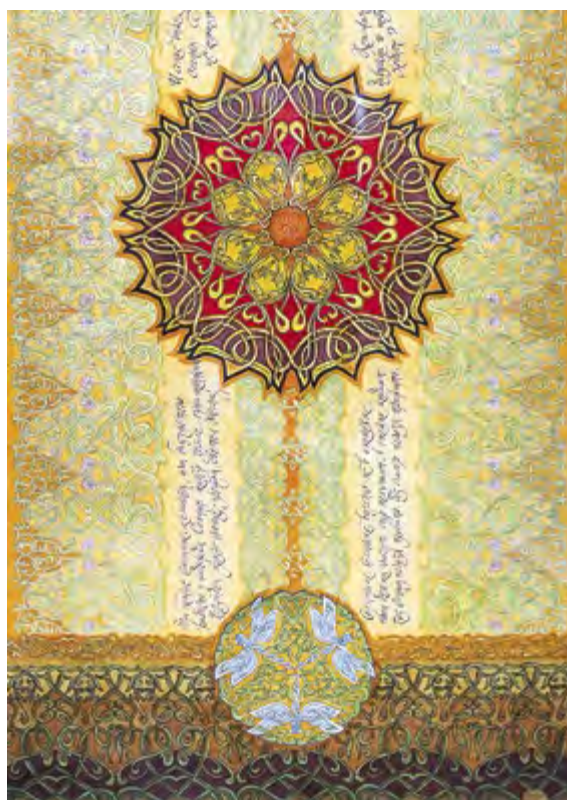

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«Любовь и верность»,
вплетенные
в орнамент

ментов разных народов, отражает интересную закономерность окружающего мира. Ведь движение по спирали свойственно многим явлениям природы и жизни: ураган, уничтожающий посевы, водоворот, расположение лепестков ромашки и строение паутины, спиральные галактики и форма ракушки улитки... Современная наука представляет всякое развитие, в том числе и развитие общества, в виде спирали. Более того, наше письмо, скорее всего, зародилось из орнамента. Геннадий Васильевич был уве-

Совершенно
весеннее
«Солнце пахнет
травami»

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

рен: «плетеный орнамент – не что иное, как дошедшие до нас остатки древнего узелкового письма. И в языке это осталось: «завязка», «развязка», «узелок на память», «связать мысль». А вспомните поговорку: «что знала, то сказала, на нитку нанизала».

Орнамент оказался универсальным языком, способным передать всю гамму чувств. И Геннадий Васильевич решил вернуть творческое наследие наших предков в современный художественный обиход.

Аналитический склад ума помог художнику разложить орнамент на составляющие (точка, линия, мотив) и выявить законы их взаимодействия (метр и ритм, контраст и нюанс, виды симметрий). Так, шаг за шагом, у Павлова начала выкристаллизовываться собственная методика разработки орнаментальной композиции, отвечающей всем традиционным канонам и одновременно неповторимой, узнаваемой.

УЗОРНЫЕ ТЕКСТЫ

В графических работах Геннадия Павлова часто присутствует текст. Он поднимается радугой над изображенным, струится вниз, подобно дождевым струям, или становится основанием для вписанного в квадрат или круг хитрого узора.

«Супоением вспоминаю далекое детство, когда мы на уроках чистописания выводили перьевой ручкой буквы, – писал Геннадий Васильевич. – Конечно, с усердием выведенные буквы школьника – еще не каллиграфия, но рациональное зерно любви к красивой букве было посеяно. Красивая буква рождает емкое, красивое слово, пробуждающее душу человека, способную творить добро. Каллиграфия – это не только искусство красивого писания, но это и прошлое, и настоящее, и будущее. Искусно оформленное послание формировало и формирует отношение к написанному».

Каллиграфию он называл созданием. И в его работах слова вновь обретали заложенные в них изначально вес и силу. Ведь

старославянскую вязь с ходу не прочитаешь, она требует внимания и усилий.

Тексту, написанному от руки, Геннадий Павлов придавал большое значение. «Это показатель духовно-нравственного, культурного развития общества. Отсутствие элементарных навыков красивого и грамотного письма говорит о падении культуры, – считал художник. – Сегодня под прессом компьютерных технологий человека незаметно отстранили от письма рукой по бумаге. А ведь уже давно известно, что развитие речи связано с развитием сенсорики пальцев человека. То есть письмо развивает речь, а речь – это мышление. В Китае, например, каллиграфия используется как средство реабилитации после инфарктов и инсультов. Доказано – красивое письмо связано с развитием творческих способностей».

Его необычная прикладная каллиграфия была замечена, и Геннадия Павлова стали приглашать участвовать в регулярных выставках Современного музея каллиграфии в Москве. В 2008 году художник вступил в Национальный союз каллиграфов. Кстати, заявление о вступлении в союз он написал пером на бересте и, конечно же, украсил плетеным орнаментом.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ КОСМОС

В своих работах Геннадий Павлов сумел создать совершенно удивительный мир, напоминающий о мире первозданном, не испорченном грехопадением прародителей. Изысканный павловский орнамент – это настоящий Космос, по которому внимательный и вдумчивый зритель может путешествовать бесконечно. Архаичные мотивы в интерпретации художника начинают звучать по-новому и не могут не заинтересовать.

У художественного космоса Геннадия Павлова два центра.

Дерево – почитаемое древнейшими народами Древо жизни, Мировое древо, символ жизни, единства рода, его продолжения и благополучия. Неслучай-

Узорные «Тучи над мокрым городом»

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

но ведь мы говорим «генеалогическое древо», «древо рода», «корни истории» и т.д.

И Крест. В понимании христианина – указание на самопожертвование Христа во искупление грехов людей и символ Его победы. Символ, освятивший и осветивший, преобразивший мир. Но знак креста использовался и до христианства, его смысловая нагрузка была разнообразной в культурах многих народов.

Животворящий Крест Господень вписан в цветок – один из древних символов солнца. Времена года составляют круг – символ цикличности, в который заключен еще один крест. Вообще, крест в работах Геннадия Павлова – понятие сверх-

космическое. Неслучайно одна из его работ называется «Четыре космоса креста».

В работах Геннадия Павлова соседствуют образы славянской мифологии и христианские символы. Они не противопоставляются, а наоборот – переплетаются, органично дополняя друг друга.

Узоры, изначально бывшие дополнениями к книжным текстам, в работах художника независимы и самостоятельны. Это бесконечный орнаментальный лес, в котором можно встретить любые чудеса. С вершины древа кличет славянский Див, поет птица Гамаюн, натягивает лук Китоврас-Полкан – полуконь-получеловек, стережет посевы крылатый пес Симаргл...

Славянскую мифологию художник рассматривает как точку отсчета, на которой строится картина мироздания. Но без христианства эта картина будет неполной. Потому художник вновь и вновь напоминает: Бог есть любовь. А каждый человек – храм Божий. Особенно наглядно это показывает работа «Человек-Храм».

В созданном художником удивительном мире небо неразрывно связано с землей нитями растительных орнаментов. И небо отражается в земле или наоборот? И там, и там цветут цветы и растут деревья. На лугу раскручивается цветущая спираль. А от нее ввысь устремляется еще одна – уже сложенная

Работа Дмитрия Павлова
трехстворчатый складень
«Двунадесятые праздники»
посвящена
2000-летию
христианства

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

из букв. Завязываются разнообразные узлы – Узел счастья, Узел Победы, Узел – основа Древа жизни. А вот две птицы, которые «совсем запутались» в хитросплетениях орнамента...

Обратившись к теме русских народных праздников, художник постарался максимально отразить в своих работах их символику. Она оказалась настолько многообразной, что каждую работу Геннадий Васильевич сопровождал небольшим поясняющим текстом: «Известный евангельский сюжет о восхождении Иисуса Христа после окончания его земного пути на небеса в мифологических представлениях разных народов имел параллель с перемещением душ из нижнего, земного мира в верхний, небесный. У славян Вознесение простодушно овеществлялось «лесенкою на небеса». В этот день выпекали хлебные «лесенки». А в народном календаре Вознесение – последний день весны, первый день лета, разверзается небо над храмом, открываются врата в рай лета».

Орнамент для Геннадия Павлова становится и формой мировосприятия, у него есть удивительные философские работы. Самая яркая, наверное, «Орнаментальная Атлантида» – наполовину канувшее в воду узорное солнце, а там, в глубине – узорные обломки и осколки...

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

С заслуженным отдыхом у Геннадия Васильевича не сложилось: в 1990 году он стал художником Музея истории Омского государственного технического университета и оставался им до конца жизни. Он проектировал интерьер музея, оформлял экспозиции. И, конечно, продолжал создавать свои удивительные работы, находя в традиционном орнаменте все новые и новые темы. «Отец серьезно занялся творчеством уже в солидном возрасте, в 50 лет, и за это время успел создать очень много работ. У него в тетрадях осталось множество эскизов, которые он не успел воплотить. Он все время был в движении, в потоке мыслей и устремлений, – рассказывает Дмитрий Павлов. – Я сам бы, наверное, не занялся творчеством, если бы не он. Я служил в армии, когда он начал свои творческие

Сын художника украшает свои резные иконы плетеным орнаментом

«Я всегда восхищался отцовским творчеством. Эти работы особенно ценны в наше время, ведь орнамент – основа русской традиционной культуры»

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

опыты. Пришел в отпуск и увидел, чем он занимается. И тоже захотел попробовать. Но у меня не получилось. А потом как-то попала в руки иконка, и отец посоветовал: попробуй образец повторить. Я повторил, и меня «зацепило». И я занялся резной иконой, в которой тоже используются элементы орнамента.

Геннадий Павлов участвовал во множестве выставок в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Ханты-Мансийске, за рубежом. А вот учеников у него не было – не сложилось. Чтобы тайны орнамента, открытые с таким трудом, не ушли вместе с ним, художник написал и издал книгу «Плетеный орнамент: история, приемы создания, реализация в материале», презентация которой состоялась в Российской национальной библиотеке в 2013 году.

Геннадий Васильевич скончался в январе 2022 года. Но он по-прежнему говорит с нами в пояснениях к каждой своей работе, делится творческими находками в созданном им учебном пособии. А в апреле прошлого года в Омском музее просвещения состоялась выставка работ Геннадия и Дмитрия Павловых «Вешние узоры». Весенняя тема у Геннадия Васильевича была одной из самых любимых. Его работы – удивительно светлые, наполненные весенней радостью, по-прежнему выполняют свою просветительскую миссию. Уже после смерти Геннадия Павлова вышла его монография «Да будет жизнь окрест», в которой собраны лучшие работы художника.

«Мне бы хотелось, чтобы помимо эстетического удовольствия мое творчество прививало любовь к Родине, давало толчок к изучению ее истории, традиций и, конечно же, делало людей добрей по отношению друг к другу. Великому русскому народу свойственно свою силу считать качеством постоянным и неиссякаемым и потому порой пренебрегать им. Однако наша сила в традициях, именно поэтому их нельзя терять, – говорил Геннадий Васильевич Павлов. ▀

МАЛЕНЬКИЕ МОРЖИ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЗИМА, МОРОЗ, ИСКРЯЩИЙСЯ СНЕГ... ИЗ ЗДАНИЯ ДЕТСКОГО САДИКА ВЫБЕГАЮТ ДЕТИ В ОДНИХ ТРУСИКАХ И БОСИКОМ БЕГУТ ПО СНЕГУ, ПОТОМ ВЫЛИВАЮТ НА СЕБЯ ВЕДРО ХОЛОДНОЙ ВОДЫ И С РАДОСТНЫМ ВИЗГОМ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НАЗАД. ТАК НАЧИНАЕТСЯ КАЖДОЕ ЗИМНЕЕ УТРО В РЯЗАНСКОМ ДЕТСКОМ САДУ «КРЕПЫШ».

ЖИТЕЛИ ОКРЕСТНЫХ домов уже привыкли к веселому гвалту начинающих моржат, ведь закаливание здесь практикуют более трех десятилетий. И сегодня здесь облива-

ются дети тех, кто уже прошел закалку – воспитанники детского сада охотно приводят своих малышей именно сюда. «Скоро уже будем закалять третье поколение – наши воспитанники, с которых все начиналось,

в ближайшем будущем приведут внуков», – улыбается заведующий детским садом №118 Татьяна Смирнягина.

Татьяна Евгеньевна сама много лет практикует закаливание. На вопрос, почему она начала обливаться холодной водой, Татьяна Смирнягина, смеясь, отвечает: «Из-за болезней». Много лет назад, резко оставив занятия спортом, кандидат в мастера по спортивной гимнастике Татьяна Смирнягина погрузилась в учебу в педагогическом училище. К смене подвижного образа жизни на сидячий – к учебе она относилась серьезно и усердно грызла гранит науки – добавился резкий скачок роста, да еще свою

роль сыграли возрастные гормональные изменения. Все это не прошло бесследно, и из стройной спортсменки девушка превратилась в пышную барышню 54-го размера. Сейчас, глядя на подтянутую даму, в это верится с трудом. Но, по уверению Татьяны Смирнягиной, и она сама, и ее медицинская карточка в тот период здорово распухли. Дошло до того, что возникли серьезные проблемы со здоровьем, которые чуть не привели на операционный стол. В какой-то момент Татьяна поняла, что врачи сами в растерянности: они не знают, что с ней происходит. Спас доктор, который дал совет выкинуть многочисленные пузырьки с лекарствами и, пока организм еще не испорчен окончательно, заняться собой и бежать от этих проблем. Татьяна побежала в буквальном смысле: теперь каждое утро начиналось с пробежки. «Конечно, с лишним весом бегать не стоило, но литературы тогда было мало, подсказать было некому, так что для моих коленей это стало суровым испытанием», – вспоминает Татьяна Евгеньевна. Тем не менее с весом и болячками она справилась.

СЕКРЕТЫ КОРИФЕЕВ

А затем она открыла для себя закаливание. Произошло это на Втором съезде Творческого союза учителей СССР в 1991 году. Надо сказать, Татьяна Смирнягина в свое время была самым молодым заведующим в Советском Союзе: на эту должность ее назначили в 26 лет. В веде-

Воспитатели закапывают игрушки в снег, а малыши охотно разыскивают их и потихоньку учатся не бояться холода

нии Смирнягиной был весьма проблемный садик, в котором за двадцать лет работы сменилось 13 руководителей. Так что жизнь начала закалять будущего моржа задолго до того, как Татьяна открыла для себя прелесть холодной воды. Вспоминая о том съезде учителей (кстати, это было последнее всесоюзное мероприятие для педагогов такого формата), Татьяна Смирнягина рассказывает об очень насыщенной программе. «Выдержать было очень сложно, мы все устали. И я тогда обратила внимание, что молодежь уже выжата, а корифеи педагогики полны энергии и сил, – говорит Татьяна Евгеньевна. – А ведь все они были уже в солидном возрасте». Вскоре ей удалось раскрыть секрет энергии бывалых педагогов: жили они в одной гостинице, и как-то утром Татьяна заметила во дворе мэтров с тазами. Они лихо обливали себя водой, несмотря на прохладную погоду. Такая практика впечатлила. Татьяна Евгеньевна пообщалась со знаменитым педагогом Борисом Никитиным, который активно занимался закаливанием сам и привил привычку и своим детям, и ученикам. Словом, с того съезда Татьяна Смирнягина вернулась вдохновленная. «Дома налила таз холодной воды, думаю, ну, с одного раза не умру, – со смехом вспоминает свою первую пробу опытный морж. – Решившись, вылила на себя таз и почувствовала такой прилив тепла, так стало хорошо. С того момента я и стала обливаться». Потом приобщила к обливанию собственных детей – в итоге все трое обходились практически без лекарств. Даже с высокой температурой Татьяна Евгеньевна справлялась с помощью холодной воды вместо жаропонижающего. «Более шести раз мне никого обливать не приходилось, – делится Татьяна Евгеньевна. – За 12 часов температура снижается без всяких

Дети увлеченно играют со снегом, даже не замечая, что закаляются

лекарств, организм запускает собственные ресурсы борьбы с болезнью. Если температура не выше 38,5, ее вообще не нужно снижать – так организм борется с болезнью. Если выше, то самое главное – поберечь голову, потому что опаснее всего температура именно для головы – в первую очередь страдают тонкие сосуды. При высокой температуре надо положить влажную ткань на голову». Татьяна Смирнягина хорошо знает анатомию, отлично представляет реакции организма. Конечно, таким знаниям надо было найти достойное применение.

ВОСПИТАНИЕ МОРЖЕЙ

Решение применить обливание водой в детском саду тоже было принято вполне осознанно. «Я побывала в командировке в Челябинске, посмотрела, как дети на 30-градусном морозе обливаются водой, слышала их радостные крики и видела счастливые личики, – вспоминает Татьяна Смирнягина. – К тому же я изучила данные по заболеваемости в этом детском саду, и результаты меня порадовали. Потом познакомилась с таким же опытом в Казани. И решила, что у нас тоже надо внедрять подобную практику». Добавим, все это происходило в тяжелые 1990-е годы, с лекарствами и деньгами было сложно. А здесь такой простой и эффективный способ поддержания здоровья, практически не требующий затрат. Что для закаливания нужно? Ведро, вода и полотенце. К внедрению закаливания в детском садике №118 подошли основательно. Для начала пригласили команду специалистов во главе с докторами. Воспитатели прошли соответствующее обучение, получили удостоверения валеологов – специалистов по сохранению здоровья. Документ подтверждал, что педагоги имеют право заниматься оздоровлением детей. «Многие воспитатели работают у нас не один десяток лет, некоторые обливаются с того времени. Для меня, как руководителя, это хорошо

Каждое утро начинается с зарядки – перед закаливанием нужно хорошо разогреться

со всех позиций – сотрудники реже бывают на больничных, – говорит Татьяна Евгеньевна. – Опыт закаливания детей тоже показывает эффективность нашего подхода – болеют дети намного реже». Ее слова подтвер-

ждает статистика, сухие цифры доказывают, что заболеваемость в садике низкая. Не так давно здесь анализировали показатели за последние полгода. Уровень ОРЗ и простуд в «Крепыше» с осени 2023 года по февраль 2024-го составил 2,25 процента. Карантины и эпидемии здесь – большая редкость. «Простудные заболевания у наших сотрудников и воспитанников бывают намного реже, чем в других дошкольных учреждениях. Вирусные заболевания, конечно, случаются, от них не застрахован никто. Но закаленные переносят их легче», – объясняет Татьяна Смирнягина.

Один из этапов воспитания «морозостойкости» – обливание ножек холодной водой

ГИМНАСТИКА ДЛЯ СОСУДОВ

Когда в садике только начали внедрять закаливание, пример Татьяны Смирнягиной стал одним из главных аргументов. Ее пример вдохновил многих. Собственно, и сейчас, глядя на энергичную и жизнерадостную Татьяну Евгеньевну, хочется последовать ее примеру и вылить на себя ведро холодной воды. Недавно на работу в детский сад №118 пришла молодая сотрудница, которая рассказала, что ее мама, работавшая воспитателем в одном из районов Рязанской

Пользу от закаливания детский сад доказывает своей работой. И дети, и воспитатели болеют редко – карантин в детском саду «Крепыш» практически не бывает

области, помнит, как Татьяна Смирнягина читала для работников дошкольных учреждений лекции, после которых она тоже начала обливаться холодной водой. «Я ведь читала лекцию не по закаливанию, видимо, просто привела это в пример», – удивляется Татьяна Евгеньевна. Но факт остается фактом: она многих вдохновила собственным примером. Даже ее 13-летний внук охотно погружается в прорубь вместе с бабушкой. «Научить можно только тому, что умеешь сам, – уверена руководитель детского сада. – Все мы знаем, что надо делать зарядку. Но сколько бы мы ни говорили детям о ее необходимости, если ты сам не делаешь зарядку, маловероятно, что ребенок будет ее выполнять». Татьяна Смирнягина не только испытала на себе метод зака-

ливания, но и детально изучила воздействие холодной воды на организм человека, ведь она взяла на себя ответственность за здоровье своих маленьких подопечных. «Благодаря закаливанию происходит повышение сопротивляемости организма к низким температурам, укрепляется иммунитет, идет тренировка сердечно-сосудистой системы, улучшается циркуляция лимфы. – Татьяна Евгеньевна хорошо подкована в вопросах закаливания и теоретически, и практически. – Раздражаются нервные окончания, поступает информация в мозг: караул, холодно! Сосуды сужаются, но, чтобы мы жили, их надо расширить. И мозг дает команду расширить сосуды, кровоток восстанавливается. Получается своего рода гимнастика для сосудов».

МЕДАЛЬ ЗА СМЕЛОСТЬ

Утро маленьких крепышей в рязанском детском саду начинается с обычной гимнастики, затем происходит обливание холодной водой. К процессу закаливания воспитанников детского сада готовят постепенно. За годы работы здесь выработали систему, которая позволяет плавно приучать детей к холоду. Сам процесс закаливания тоже проходит по четкой схеме: разогрев, короткий холод и снова разогрев. Вся система строится на принципе русской бани. Прежде чем начать обливание на снег, воспитанники проходят несколько ступеней подготовки. Поначалу малыши просто моют руки холодной водой, потом играют в тазиках с холодной водой, а затем – со снегом. К примеру, воспитатели закапывают игрушки в тазике

со снегом, а дети охотно их разыскивают.

Детишек чуть старше ждет следующий шаг – малыши бегают босиком по массажным коврикам и на несколько секунд засаживают в тазик со снегом. А вот на следующем этапе уже подготовленные дети после разминки выбегают на улицу – кто просто пробежаться босиком по снегу, а кто – вылить на себя ведро... Процедура короткая, после нее дети возвращаются в помещение, где начинающих моржей встречают воспитатели с полотенцами. А потом снова активные физические упражнения и самостоятельный массаж стоп: после короткого охлаждения надо обязательно хорошо разогреться. Затем – дыхательная гимнастика и расслабление.

И на каждом этапе обязательным пунктом является позитивный настрой детей. «Без этого никак нельзя, поэтому всем занятиям всегда предшествует игра, педагоги настраивают детишек на позитивный лад, причем к каждому малышу у нас подход индивидуальный, – объясняет Татьяна Смирнягина. – Все должно происходить постепенно. И обязательно должны быть положительные эмоции. Если ребенок не хочет, никто его заставлять не будет. Ребенок может и обойти тазик со снегом. Важно, чтобы дети получали радость. Без этого пользы не будет. В закаливании 90 процентов результата приносят именно эмоции, физическое воздействие составляет лишь 10 процентов». А для усиления положитель-

ного настроя самым смелым крепышам вручают медали – здесь стараются поощрять и смелость, и решительность, и силу воли, и способность преодолеть себя.

На вопрос, нравится ли им закаляться, маленькие воспитанники наперебой кричат: «Да!» «На самом деле совсем не холодно», – говорит 6-летний Паша Захаричев. Его брат-близнец Саша добавляет: «Наоборот, тепло. Не знаем, как так получается, что вода холодная, а от нее тепло». «Я бы всем ребятам советовала обливаться, чтобы быть здоровыми и сильными», – добавляет Даша Жукова. Вообще, радостный визг, которым сопровождаются утренние процедуры, не может быть поддельным – чувствуется, что дети очень довольны.

Евгения Ивановна Шипилова работает в детском саду №118 более полувека – ее заботливые руки помогали разным поколениям дошколят

ВЕДРО АНТИДЕПРЕССАНТОВ

На самом деле люди, далекие от моржевания, даже не подозревают, какая эмоциональная бомба кроется в холодной воде. Закаливание полезно не только с физической стороны, оно приносит пользу и для психики.

«При обливании вырабатываются эндорфины – гормоны радости, а это как раз то, что нужно для сохранения нашей нервной системы, психического здоровья. Снимается нервное напряжение, уходят депрессии», – поясняет Татьяна Смирнягина.

Если говорить медицинским языком, из-за большого количества рецепторов на поверхности кожи холодный душ вызывает передачу импульсов из периферических нервных окончаний в центральную нервную систему, а это может снизить симптомы депрессии. Процедуры с холодной водой приводят к увеличению уровня бета-эндорфина и норадреналина в крови. Норадреналин – один из важнейших нейротрансмиттеров (наряду с серотонином), на который нацелены многие из существующих антидепрессантов, а бета-эндорфин отвечает за общее хорошее самочувствие и снижение боли.

А помимо всего прочего дети учатся преодолевать себя. «Идет воспитание эмоционально-волевой сферы. Это очень важно в дальнейшей жизни. Дети должны научиться регулировать свое поведение в соответствии с обстановкой. Умение преодолевать себя очень

Педагоги «Крепыша» не ставят цели просто закалить детей – здесь хотят закрепить привычку к здоровому образу жизни, дать ключи к здоровью

Когда-то Татьяна Смирнягина была самым молодым заведующим в Советском Союзе, а детским садом «Крепыш» руководит уже более тридцати лет

важно. Вот я обливаюсь тридцать с лишним лет, и всегда у меня есть основательные причины не облиться. Зимой вылить на себя холодную воду... Сознание этому всячески сопротивляется. Я всегда удивляюсь тому, как изобретателен мозг, сколько веских аргументов он каждый раз подкинет, чтобы избежать процедуры, – шутит Татьяна Смирнягина. – Но если справишься с собой, будет радость и от самого обливания, и от того, что смог себя преодолеть».

Такие навыки точно пригодятся в жизни. И выпускники садика, похоже, ценят привитые им привычки. Когда пару лет назад ролик про закаливание в детском саду №118 вызвал бурное обсуждение и поток критики, без которой редко обходятся в интернете, бывшие воспитанники встали на защиту своей альяма-матер. «Меня особенно порадовали эти благодарные отзывы наших выпускников, – делится Татьяна Смирнягина. – Значит, наш труд не пропал даром». Он точно не пропал: выпускники «Крепыша» писали, что хорошо помнят и зарядку, и обливание. Кстати, многие из них постарались, чтобы их дети попали именно в этот садик, ведь больше в Рязани «моржовых» дошкольных учреждений нет. Некоторые родители воспитанников писали, что специально покупали квартиру в этом районе – старались, чтобы ребенку привили привычку к здоровому образу жизни.

КЛЮЧИ К ЗДОРОВЬЮ

«Мы стремимся не к тому, чтобы просто закалить ребенка, – объясняет Татьяна Евгеньевна, – мы стремимся приучить к здоровому образу жизни, чтобы он в семье поддерживался. Мы даем механизмы, ключи к тому, как можно заниматься своим здоровьем. Тем более это очень дешевый и доступный способ».

С родителями проводится основательная работа: им под-

робно разъясняют все тонкости закаливания. И все процедуры для дошколят проводятся только с согласия родителей и по желанию самих детей. «Когда воспитанники поступают к нам в садик, мы учитываем все особенности здоровья, – разъясняет Татьяна Смирнягина. – И обязательно согласовываем все с родителями». У нее все строго: на оздоровление каждого ребенка есть письменное согласие родителей. Здесь всегда ответственно относились к своей работе, а в последнее время особенно: ведь все воспитанники детского сада – дети с особыми педагогическими потребностями. Так уж получилось. Поскольку садик активно занимался оздоровлением подрастающего поколения, в нем постепенно появлялись все новые и новые группы для детишек с особенностями развития. И вот сегодня весь садик стал специализированным.

Сотрудники детского сада умеют найти подход к любым малышам – здесь работают опытные педагоги, которые много лет посвятили воспитанию детей. Ирина Николаевна Киселева, Ольга Валентиновна Космачева, Людмила Витальевна Никитина, Александра Васильевна Желнина, Нина Романовна Панина, Ирина Викторовна Родина, Елена Ивановна Абрамова – каждая трудится в садике не один десяток лет. А Евгения Ивановна Шипилова, которая занимается в садике стиркой и ремонтом белья и знает особенности каждого воспитанника, помнит, как более тридцати лет назад сюда пришел новый руководитель. Бок о бок они трудятся уже 33 года. На вопрос, сколько лет она работает в этом детском саду, Евгения Ивановна только смеется: «Да уже 51-й год пошел. Всю жизнь...» И жизнь эта посвящена детям. Сколько тепла и заботы вложено в каждого из воспитанников! И хотя порой трудно узнать в серьезных дядях и тетях, приходящих на-

Пробежаться босиком по снегу – с этого начинается зимнее утро юных моржат

Даже в мороз малыши смело подставляют спинки, ведь они уже знают, что в ведре холодной воды кроется много радости, хоть и не знают сложного слова «эндорфины», которые вырабатываются при обливании

Даша Жукова
и братья
Саша и Паша
Захаричевы
сами не пони-
мают, почему
от холодной
воды становится
тепло, но зака-
ляются с удо-
вольствием

вестить родной детский садик, тех, кто много лет назад пришел сюда малышом, они все равно остаются своими. Поэтому когда садик стал специализироваться на работе с детьми, нуждающимися в повышенном педагогическом внимании, это нисколько не испугало сотрудников. Со всеми детьми педагоги работают максимально внимательно, находя особые подходы и раскрывая их таланты. Вот недавно воспитанники одержали очередную победу – заняли первое место в XII городском конкурсе-фестивале художественного творчества дошкольников «Зимний калейдоскоп». Особенно приятно, что состязались малыши из «Крепыша» с детишками без каких-либо особенностей, а жюри даже не знало об особых педагогических стараниях сотруд-

ников детского сада... Такая победа еще ценнее. Рассуждая о причинах, по которым в наше время число детей с особенностями увеличивается, Татьяна Смирнягина называет такие факторы, которые людям, далеким от педагогики, могут казаться неочевидными. «Обратите внимание, что сегодня все – и взрослые, и дети – не расстаются с телефонами. Даже ночью он рядом с кроватью. А ведь еще рано утверждать, что все это безопасно, должна пройти длительная проверка временем, – говорит Татьяна Евгеньевна. – А современная мода? Ведь она тоже бьет по здоровью. Меня всегда удручают открытые щиколотки, дырки на коленях. Ведь суставы боятся холода. Вены не боятся, а для суставов переохлаждение может аукнуться серьезными

проблемами. Все это – вопросы здоровья будущих поколений. И в этом мелочей не бывает. Нужно внимательное и последовательное формирование здоровой нации». К мнению Татьяны Смирнягиной стоит прислушаться, ведь не случайно ее заслуги столько раз отмечали на разном уровне: отличник народного просвещения, заслуженный педагог, заслуженный учитель Российской Федерации... Медалей, грамот, благодарностей, памятных знаков за время работы накопилось на внушительный список. Но важно не их количество, а качество – все эти награды были присуждены за добросовестную работу. Татьяна Смирнягина хорошо знает свое дело. Впрочем, не только знает, но еще и любит. А это, наверное, самое главное.

ДОМ В КОНЦЕ УЛИЦЫ

АВТОР

**ЕВГЕНИЙ
РЕЗЕПОВ**

ФОТО

**АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

ЛЕГКО ПРЕДСТАВИТЬ, КАКОЙ ЭФФЕКТ ВЫЗЫВАЕТ ПОЯВЛЕНИЕ АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА ЯКИМОВА В КАФТАНЕ-ПОНИТКЕ НА УЛИЦАХ РАЙЦЕНТРА ТОНКИНО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ. ЗА ОКЛАДИСТОЙ, ЧЕРНОЙ С ПРОСЕДЬЮ БОРОДОЙ ВОРОТНИК ПОНИТКА ПОЧТИ НЕ ВИДЕН. САМ ПОНИТОК, УЗКИЙ В ТАЛИИ, РАСШИРЯЯСЬ, ДОСТИГАЕТ ГОЛЕНИЩ САПОГ. РАССКАЗЫВАЯ О ТРАДИЦИЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ, АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ТЩАТЕЛЬНО ОГЛАЖИВАЕТ КАФТАН, ЧТОБЫ УБРАТЬ СКЛАДКИ.

ПОНИТОК ЭТОТ ПОДАРИЛ Якимову бригадир из деревни Мартяхино Трефил Наумович.

А до того у Анатолия Ивановича был старый потертый пониток, доставшийся ему от деда. Но выглядел он еще вполне прилично, так что Анатолий Иванович отдал его своему собрату по вере – Феодосию. Тот живет в Вологодской области и снабжает семью Якимовых льняным маслом.

В понитке Анатолий Иванович и правда выглядит внушительно. «В таком кафтане вам только в кино сниматься!» – не удержался я. «Мне детей надо растить, а не пустяками заниматься!» – сурово отвечает Якимов. И строго спрашивает у жены: «Козлов напоили?»

Софья в праздничном сарафане в горошек и красивом платке, заколотом под подбородком булавкой, явно любит мужа, хлопочет вокруг него,

аккуратно снимая с кафтана микроскопические ниточки. Я прошу Анатолия Ивановича еще раз продемонстрировать пониток. Он то запахивает, то распахивает кафтан, показывает железные крючки-застежки, уточняет, что запэх на понитке – справа налево.

Вообще, пониток нельзя называть одеждой исключительно старообрядцев. Раньше такие кафтаны в русских деревнях носили и женщины, и мужчины. Просто многие старообрядцы используют его до сих пор, потому эту одежду стали в первую очередь ассоциировать с ними. Обычно пониток надевают, когда идут в моленную. Там кафтан, конечно, снимается, молящиеся остаются в рубахе. Если пониток поистрепался, то его можно носить как повседневную одежду – куда угодно. Якимов еще застал времена, когда старопоморцы деревни Кузьминка, где он живет, при-

ходили в моленные в понитках. Теперь так поступают только он и Софья.

«Ты думал, я понитком тряхну, а ты зачихаешь?» – смеется Якимов. – А я скажу тебе: он почти новенький!»

Но как бы ни был прочен сшитый вручную пониток, Анатолий его бережет. Надевает только в особых случаях. А ходит обычно в приталенном длинном драповом пальто, которое Софья сшила после того, как посмотрела фильм «Раскол» Николая Досталы и зарисовала приглянувшиеся фасоны одежды XVII века. Анатолий продемонстрировал мне и его, и теплый аяз, который прежде русские крестьяне носили с кушаком. У Софьи два образования. Первый диплом она получила в нижегородском техникуме, где приобрела специальность портного верхней женской одежды, второй – в педагогическом институте. Работала дизайнером

Глава семьи
Анатолий
Иванович
Якимов ведет
урок письма

по текстилю, менеджером в салоне интерьеров и декоративных материалов. Это благодаря ее мастерству 12-летняя дочка Феодосия щеголяет в красивом сарафане, а 9-летний Дорофей и 8-летний Елистрат – в косоворотках с вышитыми поясами. На столе стоят вылепленные ею и обожженные в муфельной печи глиняные чашки и кружки. Между прочим, даже глиняные пуговицы на одежде домочадцев сделаны ее руками. Анатолий считает, что ему очень повезло с Софьей. Говорит, мама молилась, чтобы у него такая хорошая жена была...

Я интересуюсь, удобно ли Якимовым носить одежду, сшитую по старым фасонам. Софья говорит, что когда она начала одеваться в народные русские наряды, то стала иначе себя чувствовать. Ей нравится. Такая одежда удобна для жизни в деревне. Да и издалека понятно, кто идет – мужчина или женщина. А сейчас молодежь часто одевается так, что, бывает, идешь по улице и не понимаешь, кто перед тобой – мальчик или девочка, вздыхает Софья.

О том, как одевались старообрядцы, жившие на территории нынешнего Тонкинского района, Якимовым часто рассказывает друг семьи, исследователь Даниил Нагаев. Он тоже старообрядец, родом из деревни Прытково. Сейчас живет в Мурманской области, где учится в горно-обогательном колледже. Отпустил бороду, сшил себе рубаху из ткани, которую выткал сам. Это Даниил рассказал Анатолию, что любимый его пониток предназначен не для повседневной носки, а для посещения моленной. Нагаев также заметил, что кафтан Якова трехслойный: к первой подкладке из простеганной льняной ткани прилегла вторая – из плотного черного материала. И сшит он, скорее всего, в 1980–1990-е годы мужскими руками; женщина такую работу иголкой вряд ли бы осилила...

На севере
Нижегородчины,
где деревня
Кузьминка, снег
лежит долго

«СВЕЩА» И ТЕЛЕВИЗОР

Дорогу к дому Якимовых мне подсказал сосед – Павел Парфенович Смирнов. Сам он к Анатолию Ивановичу теперь не заходит. Хотя еще не так давно они, сидя на лавочке, вместе вспоминали своих дедов-фрон-

товиков, которые были друзьями. Вместе ходили в моленную, вместе книги религиозные читали. Все дело в большом телевизоре, который сыновья Смирнова привезли отцу в подарок. А Анатолий считает, что не должны старообрядцы телевизор смотреть. Правда, в Кузьминке это правило соблюдает только семья Якимовых. Даже у духовной наставницы местных старопоморцев – Евдокии Михайловны Окуневой, которая живет в соседнем Простоквашине, – дома есть телевизор. Павел Парфенович знает, что Якимову это не нравится. Рассказывает, что раньше в Кузьминке жила своя духовная наставница – Марья Евстигнеевна Кочкина. Вон ее развалившийся дом доживает последние дни в самом начале деревни... «Вот она не пускала на общие моления тех старообрядцев, у кого телевизор имелся, – объясняет Смирнов. – Такая была молитвенница, что только в ее доме ночью свеща горела». «Свещой» здесь называют обычные свечи. «Так что идите к Якимовым, только стучите сильнее, – усмехаясь в бороду, советует Павел Парфенович. – Должен быть дома». Стучать пришлось долго. Наконец Анатолий Иванович от-

Старообрядец
от коз никогда
не откажется

Примерно так же на этом месте много веков назад вели свое хозяйство предки Якимова

крыл дверь, взглянув исподлобья, извинился: у них сейчас молитва. Попросил обождать. А чтобы я зря времени не терял, подал мне книгу. «Сия книга, – начал я разбирать старинный шрифт, – нарицаемая «Соловецкая осада», составлена и издана усердием Христиан Соловецкого Потомства, Старопоморского Федосеевского согласия. В книге использованы Лубки из различных старообрядческих рукописей и книг...». Из соседней комнаты доносятся слова молитвы, слышны детские голоса. О том, что в доме есть дети, свидетельствуют игрушки, детские книжки и детские гусли. Здесь же листы ватмана с крюковым нотным письмом, которым записывают знаменные распевы – основное древнерусское церковное пение. Пока я рас-

сматриваю крюки, молитва заканчивается, наступает тишина. Слышно только тиканье часов-ходиков с кукушкой. Залюбавшись ими, я и не заметил, как рядом оказался Анатолий. «Это мне один человек продал. Висели у него, сказал, что ему часы эти не нужны. А я люблю простоту», – говорит он и приглашает в комнаты. От предложения попробовать домашний ржаной хлеб я не отказываюсь. Анатолий Иванович рассказывает, что он с детьми засеял рожью 4 гектара – из лукошка. Якимовы хотят выращивать хлеб так, как в старину это делалось. Жать серпами. Самостоятельно колосья обмолачивать и сушить. Пока отец семейства рассуждает о тонкостях выращивания хлеба, Феодосия неторопливо перебирает пучки сухих трав у печи. Дорофей

и Елистрат помогают Софье, которая одновременно занимается мытьем посуды и варит свеклу и морковь. В беседу она не вступает, но прислушивается к тому, о чем мы говорим. Анатолий быстро спохватывается: у него каждая минута светового дня на счету. Надо еще успеть притащить в конюшню огромный тюк сена, накормить и напоить трех кобыл, жеребца, коз и другую живность. «На лошади тюк повезу, – говорит он, протягивая мне тулуп. – Трактор сейчас не заведешь. Холодно. Поможешь?» Я помогаю донести до конюшни оглобли и жду у входа. Анатолий растворяется в темноте хлева, откуда почти сразу доносится его голос: «Варуна, пойдём. Пойдём!» Он осторожно выводит лошадь из конюшни и велит мне держать ее под узд-

цы, а сам надевает ей на шею хомут, который вдруг трещит и лопається от мороза. Якимов уходит за другим хомутом. Сзади ко мне подкрадывается ослица и щиплет хлястик тулупа, затем сует морду в карманы. «Это она гостинец просит, привыкла к угощениям. Мы ее из зоопарка в Нижнем Новгороде взяли», — смеется вернувшийся хозяин. Пока он ходил за новым хомутом, я успел замерзнуть, и теперь, с завистью глядя на его окладистую бороду, интересуюсь: согревает ли она в мороз? Анатолий понимающе подмигивает и рассказывает, что когда он учился в техникуме на техника-электрика, его за отращаемую бороду сильно ругали, требовали сбрить. Но он сумел ее сберечь. Наконец лошадь запряжена, и мы идем в дальний угол дво-

ра, откуда нужно вывезти тюк сена. «Софья, закрой жеребца! А то дверь открыта... Выбежит...» — кричит Анатолий вышедшей из дома жене. Петлю из веревки нужно подвести под тюк и затянуть. Кажется, все просто. Но огромный, примерзший к земле тюк сена лошадь сдвинуть не может. Мы с Софьей толкаем его сзади, нам помогают сыновья Якимовых. Лошадь ржет, упирается. Еще немного усилий, и наконец Варуна, которую Софья ласково называет Варей и обещает дать морковку, волочит тюк по снегу. Отдышавшись, замечаю, что Дорофей и Елистрат, усевшись верхом на деревянное корыто, уже лихо рубят тяпками сваренные их мамой свеклу, картошку и репу — корм для 30 коз. Это задание, которое они выполняют ежедневно. А еще они должны

успеть убрать конюшню и напоить лошадей, воду для которых Анатолий качает из колодца, поставленного еще его дедом. Вернувшись в теплый дом, я еще раз оглядываю все вокруг. На печи разложены душистые лекарственные травы. Одежда детей, которые уже греются горячим чаем, аккуратно развешана. Над круглым обеденным столом — абажур с бахромой. После суматохи во дворе с лошадей и сеном настороженности у хозяев явно поубавилось. Анатолий Иванович показывает мне маленькую литую старообрядческую иконку, хранящуюся в семье с незапамятных времен. Когда-то она была вшита в шинель его деда и спасла ему жизнь: Елистрат Алексеевич, в честь которого назван один из сыновей Якимовых, во время Великой Отечествен-

Дети Якимовых обучаются дома, но чертить мелом по доске у них есть возможность

ной дошел до Берлина. Был он из семьи крепких старопоморцев. Отец Анатолия, Иван Елистратьевич, женился на Татьяне Леонтьевне Красильниковой, которая жила в соседней деревне Мартьяхино. Она училась на портниху, а ее жених – на сапожника. Поженились и по вербовке уехали в Куйбышев, где Анатолий и родился. Потом переехали в Балахну под Нижний Новгород. На летние и зимние каникулы Анатолия привозили в Мартьяхино и Кузьминку – к дедушкам и бабушкам. Он до сих пор вспоминает треск дров в печи, запах блинов и стариков, встававших в четыре утра на молитву.

Окончив энергетический техникум, Анатолий решил работать в Тонкине электромонтером. Объездил весь район и убедился, что старообрядчество, о котором ему с детства рассказывали бабушки и дедушки, все еще живо. Моленные действуют, традиции соблюдаются. А в начале 1990-х, когда стали фермерство поддерживать, он переехал в Кузьминку. К тому времени дедушка и бабушка скончались, их старый дом в конце улицы пустовал. Здесь он и поселился. Купил лошадей. Посадил 100 яблонь. Пчелами занялся, мед на ярмарках продавал. Стал ходить на моления к ду-

Это не позирование в музее, а обычная бытовая сценка из жизни хозяйки дома

ховной наставнице Марье Евстигнеевне Кочкиной. Анатолий говорит, что похожа она была на Агафью Лыкову – маленькая, простодушная. Ее отец тоже был наставником местных старопоморцев. «У нас нет же чинов, – объясняет Якимов. – Из простецов выбирают старшего. Простецы – все крещенные христиане. Раньше, до раскола, было три чина: дьякон, священник и епископ. А когда чинопочиние исчезло, епископы умерли, то рукополагать некому стало, все стали простецы. В каждой деревне есть свой наставник. Сначала старики занимали это место. А как и их не стало – так теперь женщины». Когда Марья Евстигнеевна умерла, ее старые книги и редкие иконы забрали родственники. Это проблема, говорит Анатолий. Уходят наставницы, их иконы и книги попадают к родным, которые зачастую далеки от веры. Не получается их ни выпросить, ни купить. Доставшееся наследство родственники продают коллекционерам.

СОВРЕМЕННЫЕ СТАРОПОМОРЦЫ

Археографические экспедиции нижегородского Института рукописной и старопечатной книги, изучающие культуру и историю старообрядчества Тонкинского района, обнаружили, что даже к началу XXI века в общинах старопоморцев сохранились редкие традиции, берущие начало в монашеских практиках. Например, тонкинские старопоморцы «упокаивают убожество»: берут к себе больных и немощных единоверцев и ухаживают за ними. Если археографы доберутся до Якимовых, то им найдется что записать. Так, Анатолий может рассказать о «строгом келейничестве», которое наблюдал лично. У него хранятся иконы, подаренные иноком Георгием (в миру Григорием Ворончихиным) из деревни Двоглазово. Тот был молчаливым. «Языком очень много согрешает че-

Мед, тыква, лук и никаких конфет!

ловек... Заградить язык – это небесное дело», – писал он карандашом в блокнотике, который носил с собой. На своем доме он начертил мелом слова о пользе молчания. С женщиной Георгий не общался. Разводил сады и огородничал. Жил с матерью, которую «доупокаивал». И многих других стариков он тоже брал к себе и ухаживал за ними. То же завещал делать и Анатолию. В нем инок видел своего духовного ученика и звал уйти в лес – в молчальники. Но на такие ограничения Анатолий не решился.

У Якимова хранятся стопки тетрадей, заполненных рукой инокка Георгия. Их он не показывал даже своему другу Даниилу Нагаеву. О чем там писал инок Георгий, Анатолий не говорит. Надо сказать, вообще любая религиозная книга в доме Якимовых почитается. Ее нельзя класть на стул. Нельзя класть книгу на книгу. Нельзя держать ее открытой. Эти и другие требования старообрядческой традиции в семье стараются выполнять. Например, продукты у Якимовых свои, в магазине они покупают только сахар и соль. Глиняная посуда – тоже своя, сделанная Софьей. С телевизором и мобильными телефонами их дети незнакомы. Феодосия, Дорофей и Елистрат числятся на семейном обучении. В школе села Бердники они появляются только для сдачи экзаменов.

Несмотря на все это, Анатолий говорит, что все они – современные старопоморцы, поскольку многие требования и условия старообрядчества современная жизнь выполнять не позволяет. Так, холодильник и стиральной машиной Якимовы пользуются. Брак Анатолия и Софьи, хоть и зарегистрирован официально, церковью не освящен. Со времен раскола у старопоморцев или, как их называют, беспоповцев, нет священников. Потому на общих молениях Якимовы могут только стоять позади всех, скрестив руки, и петь.

Софья знает, как управиться с домашней звонницей

НЕ В УГОДУ МИРУ

Когда Якимовы по делам отправляются в Тонкино, местные жители всегда обращают на них внимание. В первую очередь из-за одежды. «Мы к этому привыкли, – говорит Софья, показывая мне лестовки, которые сама делает из бересты. – Хотя странно, что нам, одетым по-русски, дивятся люди, одетые по-европейски». Она рассказывает, что семья специально закупает домотканину (ткань домашней выделки, изготовленная вручную на ткацком станке. – Прим. ред.), которую деревенские бабушки хранят в своих старых сундуках и иногда распродают. Обычно это рулончики ши-

риной 30–40 сантиметров. «Покупаем ее, чтобы обшивать семью, – говорит Софья. – В отличие от современных тканей домоткань очень ноская». Платок на Софье (она называет его «плат») сложен треугольником и подколот булавкой под подбородком. Он светлый – по случаю воскресенья. Софья поправляет его и объясняет: на моления во время двенадцатых праздников надевают темный плат, в обычные дни – темный с цветами. Простой черный плат считается поминальным. «Не зря женщинам раньше платочки дарили. Платочков много не бывает!» – замечает Софья и выразительно смотрит на мужа.

О том, какие вкусные блюда получаются из тыквы, знает каждый член семьи

У Якимовых кушанья только из продуктов, выращенных и приготовленных своими руками

Я про себя отмечаю, что новый платок у нее точно появится. Ну, например, как только Якимовы продадут очередную партию травяного настоя из иван-чая, изготовлением которого они давно занимаются. «Современные люди судят о человеке по тому, как он выглядит, – подключается к разговору Анатолий. – А раньше смотрели, как бы не нарушить апостольские правила. Люди не шли в угоду миру. А сейчас идут в угоду миру». Он вздыхает и продолжает: раньше моленных домов у старопоморцев в Тонкине было шесть, сейчас – три. Многие наставницы уже умерли. Вот в Простоквашине осталась 72-летняя Евдокия Михайловна Окунева, и та с телевизором. Да и сосед Смирнов по немощи от веры отстал. Недавно семья старопоморцев из Белоруссии приезжала в Кузь-

минку, все лето здесь провели, присматривались, говорили, что хотят переехать. Даже картошку на одном поле с Якимовыми посадили – к зиме готовились. Но в итоге передумали: семью с тремя детишками отпугнула отдаленность деревни и уединенность жизни.

Понять их можно. Я и сам думал об этом, когда брел по глубокому снегу, выглядываясь в окна каждой избы. Примечал: раз крыльцо в сугробе, значит, дом нежилой. Да и поленицы дров годами стоят нетронутыми. Зато если над трубой вьется дымок, можно стучаться в двери. Правда, таких изб в Кузьминке немного...

Наверное, так же следующей зимой будет пробираться сюда и Даниил Нагаев, друг и единомышленник Анатолия Ивановича. Встреча их пройдет согласно

ритуалу, принятому у тонкинских старообрядцев. «Здорово живешь?» – спросит Анатолий гостя. «Живу поздорову», – ответит Даниил и, в свою очередь, уточнит: «Бегаешь ли?» Хозяин ответит: «Как Бог даст!» А Софья, сложив руки на груди, поклонится гостю. Даниил наверняка привезет гостинцы. Прошлой зимой он подарил Софье праздничный пояс с вышитой молитвой. И несколько вечеров обучал детишек ткать такие пояса на дощечках. Но пока Анатолий и Софья только гадают, какой подарок Даниил привезет в следующий раз, что еще расскажет о понитке и новых сарафанах. И в доме Якимовых, что стоит в конце деревенской улицы, опять всласть наговорятся о старообрядческих книгах и костюмах с человеком, которому от роду всего 19 лет... ■

САМАЯ МАЛАЯ ДМИТРОВКА

АВТОР

ПАВЕЛ
ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

ШИРОКАЯ ТЕРРАСА БЫВШЕГО КИНОТЕАТРА
«РОССИЯ» – КАК СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА
НАД ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДЬЮ... СЮДА
БЫ ЕЩЕ УДОБНЫЕ ЛАВОЧКИ ПОСТАВИТЬ...
ВИДЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ. СМОТРИШЬ
И ВСПОМИНАЕШЬ.

ГАЗЕТНЫЕ НЕКОГДА местечки... Слева были шумные «Московские новости», справа – солидные «Известия», чуть сзади – журнал «Новый мир». По соседству, в Настасьинском переулке, популярная профсоюзная газета «Труд». А внизу, почти подомной, в самом первом доме по улице Чехова располагался еженедельник «Семья».

В годы репортерские здесь, как дома – знакомые лица, привычные словечки: «верстка», «сроки», «гонорар», «строки», «ответсек», «корректур». Всюду, пожалуй, бывал, и бывал с удовольствием. Смотрел однажды на Пушкинскую из кабинета Бухарина, с балкончика. Когда-то ведь «Известиями» руководил теоретик и большевик Николай Бухарин. В его времена Пушкин стоял на Тверском бульваре.

В «Известия» передавал я из Англии, с чемпионата Европы по футболу. Заголовки для репортажей, недолго думая, брал из великой английской литературы... «Остров сокровищ». «Пляшущие человечки». «Женщина в белом». Никто в редакции не возражал. Середина 90-х...

А в «Труд», отдуваясь, приволок самую первую свою книжку, пачек пять сразу. 100 штук! «Труд» проводил какие-то массовые соревнования, книжка годилась в призы. 10 тысяч рублей мне выдали в конверте и без всякой рас-

Дом издателя
Ивана
Дмитриевича
Сытина на
Тверской улице

писки. А главное – забрали груз. Из «Труда» я вышел налегке.

В «Московских новостях» удивительные гонорары выплачивал журнал «Спортклуб». Их можно было тут же обменять на доллары. Соседняя дверь вела в сберкассу.

В «Семье» тоже получилось неплохо. Там желали перепечатать из ежедневной газеты мое интервью с женой футболиста. Нетленка! И не просто перепечатать, а заплатить новый гонорар. Надо было только расширить тему личной жизни, задать пару новых вопросов героине. Поначалу я отказался, но потом согласился. С гонораром для внештатных авторов в еженедельнике расставались поразительно легко.

Газетная атмосфера поселилась в этих местах давным-давно. Еще в XIX веке. Здесь издавал свои книжки Сытин, чей домик и теперь сияет на Тверской, сразу за «Известиями». Здесь в журнале «Зритель» пробовали свои силы молодые братья Чеховы, а располагался «Зритель» в доме №1 по Малой Дмитровке – именно там, где так важно сидела «Семья». А чуть дальше, в Большом Путинковском переулке, основал свое «Утро России» фабрикант Рябушинский, владевший, как сказали бы теперь, целым холдингом печатных СМИ.

Мой прадед, живший в Архангельске, выписывал «Утро России». В семейном архиве, представьте себе, подписной дореволюционный квиток сохранился.

Кинотеатр
«Россия»
был открыт
в 1961 году

По сию пору жалею, что кино-театр «Россия» закрыт и теперь в этом чудесном зале – театр столичного мюзикла. Теперь там показывают спектакли, как следует из афишки – «на пределе человеческих возможностей». Ну, не знаю... Может быть, теперь это кому-нибудь нужно. В наше время площадка, терраса, где я стою, была местом встреч, с обязательной веселой суетой, ажиотажем, а иной раз и погоней за лишним билетиком...

Помните знаменитую фотографию, где Владимир Высоцкий под ручку с Мариной Влади, а рядом тоже молодые Всеволод Абдулов и Станислав Говорухин? Здесь снято! А фрагмент из фильма «Я шагаю по Москве»? Евгений Стеблов с Никитой Михалковым именно здесь и шагают.

Фильм Георгия Данелии «Я шагаю по Москве» показали в новом кинотеатре на Пушкинской площади. И это очень символично. 1964 год. В стране новое время, и фильм этот о новом времени, о новых надеждах, и снят он по-новому. А еще это, пожалуй, первый фильм о Москве – где же показать его, как не здесь, у Пушкина, от которого все пути московские и начинаются.

Куда пойти?

Можно вперед – по трем бульварам, к реке. Можно назад – по остальным семи и тоже к реке. Можно по Тверской улице вниз или вверх. А можно, если у вас времени маловато, навестить Малую Дмитровку, тихую, на фоне соседей, в самом деле маленькую, всего-то 651 метр; кто измерял, покажись!

Исторически Малая Дмитровка – небольшой участок пути от Кремля, от Манежа, от Охотного Ряда на север. По Большой Дмитровке на Малую, дальше в Новую Слободу и через Бутырки – до подмосковного Дмитрова. Когда-то дорога эта была важна, не зря же уже в XVII веке закладывают на Малой Дмитровке церковь Рождества Богородицы в Путинках. Последний шатро-

Вид на Страстной бульвар и Большую Дмитровку

вый каменный храм в Москве, позже шатровые храмы были запрещены к построению патриархом Никоном. Малая Дмитровка соединяла Белый и Земляной город и была типичным лучом – радиусом из центра города на окраину. Но не потянул, если так можно выразиться, исторической нагрузки ни город Дмитров, ни северное направление в целом, даром ли Савеловский вокзал строят в Москве одним из последних. Малая Дмитровка становится удобнейшей улицей для проживания. Преимущество ее – в рас-

положении среди прочих. Всё рядом, всё под боком, всё по соседству, на самой же улице – тишь да гладь: имения, дома, садики. Переулков – и тех мало, всего-то три. Зато – бани на Неглинке, рынок на Цветном, магазины и рестораны на Тверской и Петровке, театры – всё недалеко. Здесь селится знать – дворянская, а позже и купеческая, – преподаватели университета, люди науки... Долгорукие, Урусовы, Волконские, Гагарины – какие фамилии! Русская аристократия селилась на Малой Дмитровке с большим удовольствием.

От «Известий» в этом доме осталось одно название

Антон Павлович Чехов, сменивший три адреса на Малой Дмитровке, нигде, впрочем, подолгу не живший, не без иронии называет себя аристократом – это после Грачевки, Трубной, Среденки и ее переулков, Якиманки, флигеля на Садовой-Кудринской, который Чеховы прозвали «комодом»...

Двухэтажный флигель – единственная часть из дома Фирганга под номером 29, что сохранился до наших дней. Именно

здесь жил Чехов после возвращения с Сахалина и до покупки усадьбы Мелихово. Именно в этом флигеле Антон Павлович удивлял родственников и знакомых своей непрактичностью. Так, жителями флигеля стали вдруг такие диковинные для России животные, как мангуст и пальмовая кошка! Их Чехов прикупил в путешествии и привез домой! Причем кошку ему продали тоже под видом мангуста – в пару... Вот как юмористически об этом зоопарке вспо-

Храм Рождества Богородицы в Путинках

Малая Дмитровка, 29. Здесь жил А.П. Чехов после путешествия на Сахалин и до покупки Мелихова

минает младший брат, Михаил Павлович.

«Мангус с первых же минут почувствовал себя в Москве как дома. Он сразу вообразил себя хозяином, и не было никакой возможности унять его любопытство. Он то и дело вставал на задние лапки и совал свою острую мордочку положительно повсюду, в каждую щелочку, в каждое отверстие. Ничего не ускользало от его внимания. Он выскребывал грязь из узеньких щелочек в паркете, отди-рал обои и смотрел, нет ли там клопов, прыгал на колени и совал нос в стаканы с чаем, перелистывал книги и совал лапку в чернильницу. Раза два или три он поднимался на задние лапки и заглядывал в горящую (керосиновую! – Прим. авт.) лампу сверху. Когда он оставался в комнате один, то начинал тосковать, и когда к нему возвращались, он искренне радовался, как собака. К сожалению, сожительство с ним в тесной квартире, да еще зимой, и в особенности с пальмовой кошкой, на которую он ожесточенно напал, оказалось очень неудобным. В своих экскурсиях за мухами, пауками и вообще из-за необыкновенного любопытства

мангус так много портил вещей, так много рвал одежды, обоев и обуви, а главное – ставил Антона Павловича в такое подчас неудобное положение перед посещавшими его знакомыми, что мы все с нетерпением ожидали лета, когда можно будет выехать на дачу и предоставить мангусу свободу на лоне природы. Когда к нам приходил кто-нибудь из гостей и оставлял в прихожей на окошке шляпу или перчатки, можно было смело ожидать, что мангус найдет способ туда проникнуть, вывернуть наизнанку перчатки и разорвать их и сделать кое-что неприличное в цилиндр».

Стоит заметить, что навещали в это время Чехова такие солидные люди, как Боборыкин, Григорович, Короленко, Мережковский, Гиляровский, Немирович-Данченко, Левитан и многие другие, тоже, видимо, пострадавшие от зверька, которого Михаил Павлович называет не «мангуст», как мы привыкли, а «мангус».

Что же до пальмовой кошки, то она предпочитала ночную охоту за голыми ногами, выглядывающими из-под одеяла, и, имея чрезвычайно острые когти, не щадила ни одного спящего.

Российская
ссудная касса
в Настасьинском
переулке

В этом доме
на углу Малой
Дмитровки
находился
журнал
«Зритель»

Обстановочка, не правда ли?! Днем хлопочет мангус, ночами дикая кошка... После дачи, добавлю, звери были отданы в городской зоосад, причем Мария Павловна, сестра писателя, исправно их навещала.

Ну и конечно, покупка имения зимой, в срочном порядке, с бухты-баряхты, с долгом, тоже нельзя поставить в заслугу писателю. Утешались Чеховы, впрочем, тем, что платили долговые 300 рублей в год, а за такие

деньги удобную квартиру на год в Москве снять практически невозможно.

В эти 14 месяцев (декабрь 1890-го – февраль 1892 года), прожитых в доме Фирганга и на даче в Богимове, Чехов пишет повесть «Дуэль», рассказ «Попрыгунья», задумывает «Палату №6», начинает работу над книгой «Остров Сахалин». Он был в расцвете писательских сил. Став помещиком, Антон Павлович регулярно наезжал в сто-

лицу, он скучал без Москвы, но на Малую Дмитровку не возвращался. Его последним московским адресом станет Леонтьевский переулок. По удивительному совпадению, в нем проживал Константин Сергеевич Станиславский, создатель МХТ и первый постановщик чеховских пьес.

В 1944 году Малая Дмитровка была переименована в улицу Чехова. Прежнее название вернули в 1993-м. Так что старые москвичи частенько называют улицу и так, и так... Она у них (у нас) и улица Чехова, и Малая Дмитровка... Я и сам, если честно, так поступаю. Ведь другой улицы Чехова в Москве нет, да теперь и не надо.

В 80-е годы прошлого века славы улице тогда еще Чехова добавил Ленком Марка Захаров. Свидетельствую тут, что купить билеты на «Юнону и Авось», «Тиль» и другие премьеры театра было очень трудно. Тогда в Ленкоме собралась удивительная компания талантливых людей. Евгений Леонов и Татьяна Пельтцер, Инна Чурикова и Олег Янковский, Александр Абдулов и Александр Збруев, Николай Караченцов и Елена Шанина! Ленком в середине 1980-х перебил осиротевшую Таганку и несколько застывший «Современник». Пожалуй, у молодежной театральной аудитории и сомнений не вызывало, куда идти, на что брать билеты, чем заполнить вечер. Только Ленком! Только Захаров! Как обычно это бывает, талантливый режиссер тонко уловил нужды времени... В театре бывали и аплодировали и Горбачев, и Ельцин.

Даже и странно было вдруг осознать тогда, что крепкий дом этот задумывался и был построен вовсе не для театра, а для купцов, для Купеческого собрания, Купеческого клуба, развитию которому помешала Первая мировая война...

И куда более странно было узнать или вдруг вспомнить, что в

Особняк
Е.М. Паутинской
ныне заполнен
офисами

Настасьинский
переулок
соединяет
Тверскую
и Малую
Дмитровку

Малая Дмитровка, 25 – в этом доме жил Алексей Толстой после эмиграции

этом же самом доме развлекались в 1918 году черные знамена с бодрым лозунгом «Анархия – мать порядка». На окнах лежали мешки с песком и стояли пулеметы. У входа курили крепкие молодые люди, вооруженные до зубов. Лишь с перенесением столицы в Москву большевикам удалось выбить анархистов из их укрепленного и всем хорошо известного столичного штаба. Бой за особняк и порядок был долгим и кровопролитным. Событие описано Алексеем Толстым в эпопее «Хождение по мукам», а сам писатель после бегства из эмиграции проживал некоторое время на Малой Дмитровке в доме №25.

Театральная же история монументального здания на Малой Дмитровке, 6 начинается с 1933 года. Тогда в бывший Купеческий клуб переезжает труппа Московского театра рабочей молодежи (ТРАМ), то есть тех, кто успевал работать на производстве и вечерами играть на сцене. Ставила рабочая молодежь идеологически продуманные вещи. Одни названия чего стоят... «Клеш задумчивый». «Зови фабком!» «Чудесный сплав». «Девушки нашей страны». «Плавятся дни»...

Театр Ленком, бывший «Дом анархии», бывший Купеческий клуб построен в 1907 году. Архитектор – Илларион Иванов-Шиц

Чуть ранее переезда на Малую Дмитровку с театром почти год работает – а скорее, числится консультантом с апреля 1930-го по март 1931 года – Михаил Булгаков. Это были трудные времена для писателя, он выключен из литературы и театра, переживает вторую семейную драму, надеется на встречу со Сталиным, которому пишет тяжелые письма.

Лозунг ТРАМа – «ТРАМ не театр, трамовец не актер, а взволнованный докладчик, агитатор, спорщик» – никак не подходил Булгакову.

14 апреля 1930 года застрелился Маяковский, вроде бы как раз и докладчик, и агитатор, и спорщик... 18 апреля во второй половине дня Сталин звонит Булгакову в квартиру на Большой Пироговской улице. Второго звонка вождя писатель будет ждать всю оставшуюся жизнь – десять лет. И не дожидется.

В 1937 году ТРАМ объединяют с театральной студией Рубена Симонова. А в 1938-м театр решением ЦК ВЛКСМ получает профессиональный статус и название «Московский государственный театр имени Ленин

Львы на воротах бывшей усадьбы Алексеевых

ского комсомола». Название ко многому обязывало. Театр обрел время и место. Через пятьдесят лет публика называла театр не иначе как «Ленком». Лично я был в Ленкоме раза четыре. Отношусь к театру с уважением, но без любви. Но как можно не любить отдельно от театра актера Караченцова или актера Янковского? Не восхищаться Чуриковой? Не вспомнить игру Броневого? Невозможно.

Маленькая, но удаленная Дмитровка оставила свой след и в истории столичного транспорта. Если говорить о центре города, то именно по Малой Дмитровке был запущен первый маршрут столичного трамвая. Самый первый маршрут проходил от Бутырок до Страстного монастыря. Трамвай сменял устаревшую конку. Газета «Московские ведомости» сообщала читателю в 1898 году: «Столбы поставлены на всех ли-

Здание типографии «Утро России» – одно из известных творений архитектора Федора Шехтеля

У Садового кольца Малая Дмитровка не избежала нововдела

ниях: рельсовый путь заканчивается укладкой на Долгоруковской улице и Малой Дмитровке. Остается окончить последние работы и протянуть проволоку. Столбы всюду металлические. Часть вагонов получена, всего их будет 23. В нынешнем году будет в действии только линия от Бутырской заставы до Страстного монастыря, и с весны пойдут вагоны по остальным линиям. Вагоны станут ходить по одиночке, и только в случае усиленного движения к электрическим вагонам будут прицеплять один или два обыкновенных кончых вагона». Трамвай усиленно двигался по Малой Дмитровке до 1953 года, и я не застал его. Но теперь впору говорить о другом. Я застал здесь троллейбус, товарищи! Если не ошибаюсь, два троллейбусных маршрута ходили от Театральной площади по Большой, а затем и Малой Дмитровке в сторону Савеловского вокзала и дальше, номера 3 и 23. В окончании Малой Дмитровки, у Садового кольца, мы иногда выходили, чтобы купить на углу горячих бубликов по 6 копеек за штуку. Очередь за свежими бубликами была здесь все же покороче, чем у метро «Новослободская»... ❶

ВЫЙДУ В ПОЛЕ С ЛОСЕМ...

АВТОР

ВИКТОР ГАВРИКОВ [ФОТО АВТОРА]

В ДВУХ ЧАСАХ ЕЗДЫ ОТ МОСКВЫ, В КОНАКОВСКОМ РАЙОНЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ, ПРЯМО НАПРОТИВ КОНАКОВСКОЙ ГРЭС ПО ИСКРЯЩЕМУСЯ ХРУСТЯЩЕМУ НАСТУ ХОДЯТ ЛОСИ. ОНИ НЕ СПЕША ОБЪЕДАЮТ КУСТЫ ИВЫ, НАБУХАЮЩИЕ ПУШИСТЫМИ ПОЧКАМИ, И СТАЛКИВАЮТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ БЕЗРОГИМИ ЛБАМИ. «ЭТО ОНИ ТАК ИГРАЮТ. ПОКАЗЫВАЮТ ДРУГ ДРУГУ, КТО ИЗ НИХ СИЛЬНЕЕ», – ОБЪЯСНЯЕТ АРТУР МАЛИЕВ.

«**Я** – ИХ ЛОСИНАЯ мама!» – говорит он абсолютно серьезно. Такая же серьезная у него и мечта – построить лосиный «детский сад». Добраться из Москвы до города Конаково Тверской области проще, чем может показаться на первый взгляд: с Ленинградского вокзала сюда «летают» комфортабельные «Ласточки». Два с по-

ловиной часа, и ты – в тихом и уютном мирке провинциального города, расположенного на берегу Иваньковского водохранилища. Здесь неплохие дороги, жилые дома 1960-х годов, ресторан быстрого питания и яхт-клуб на реке Донховке. Неизвестно, как сложилась бы судьба городка, если бы в 1809 году некий аптекарь Фридрих Христиан Бриннер, приехав-

ший в Россию из Богемии, не основал бы в деревне Домкино фарфоровую фабрику. Правда, не слишком хорошо рассчитав свои силы и возможности: уже в 1810 году он продает предприятие аптекарю-лифляндцу Андрею Яковлевичу Ауэрбаху и своему же мастеру Ивану Рейнеру. Дело пошло, фабрика расширялась, в итоге было решено перенести ее в село Кузнецово. Кузнецовский фарфор завоевывал популярность, и в 1870 году предприятие выкупил известный российский предприниматель Матвей Сидорович Кузнецов. Представителям этой купеческой династии принадлежали четыре керамических завода, включая производство в Дулеве. Так что уже в 1880-е годы Матвея Сидоровича называли не иначе как «фарфоровым королем» России. После Октябрьской революции все предприятие Товарищества производства

Лоси спят, лежа на ветках. Просыпаются рано – в пять часов утра

Сразу за «Конаковскими конюшнями» начинается царство лосей

фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М.С. Кузнецова, за исключением завода в Риге, были национализированы. А в 1929 году Кузнецово превратилось в Конаково – в честь революционера Порфирия Конакова. Фабрика давно признана банкротом. Но местным энтузиастам удалось сохранить часть коллекции кузнецовского фаянса и фарфора и начать возрождение производства.

Между Конаковым и деревней Сажино расположен конноспортивный клуб «Конаковские конюшни». Заходишь на территорию и будто оказываешься на каком-то детском празднике: ретроавтомобили, фигуры динозавров, гномы, зебра, выглядывающая из-за туи, и символ Пятигорска – орел, убивающий змею. А за околлицей – «Братство лосей».

БРАТСТВО ЛОСЕЙ

Артур Малиев и его супруга Анастасия живут на территории «Конаковских конюшен». Рядом с домом – роскошный вольер вороны Браны, а в квартире хозяйничает пожилая дворняга Ричи. Артур и Настя – профессиональные спортсмены. Оба занимаются конным спортом около двадцати лет. Оба – мастера спорта. Артур – участник чемпионата Европы, победитель и призер российских и международных соревнований.

Познакомились Настя и Артур на соревнованиях. Она жила в Ханты-Мансийске, он – в Сажино. Несколько лет переписывались, а потом решили создать семью. Настя до сих пор преподаёт в детской школе верховой езды, работающей при «Конаковских конюшнях».

Артур говорит, что Настя не может пройти мимо бездомного или больного существа. Сразу забирает домой и до последнего выхаживает. «Голубь у нее на конюшне жил год, а теперь вот пропал, и она ходит его и ищет. Так сильно она любит животных», – объясняет он. Впрочем, это явно семейное. Основатель конюшни – отец Артура, Борис Малиев, очень любит лошадей. А узнав о желании сына заняться лечением лосей и восстановлением популяции лосей, выделил ему 5 гектаров земли.

Десять лет назад Артур побывал в деревне Рябинки Конаковского района, где тогда жила прибывшая к людям большая и добрая лосиха. Артур вспоминает, что стоял у дерева и любовался местным пейзажем, когда она подошла к нему и положила голову на плечо. «Не знаю, что тогда произошло, но во мне все перевернулось. Я понял, что хочу, чтобы у нас в Конакове тоже появились лоси. Они по характеру как я. Не любят, когда ими управляют. С ними можно только договориться», – смеется Артур.

Артур по первой специальности зоотехник, по второй – тренер. Поэтому хорошо знает, как обращаться с животными и как их воспитывать. Но даже он не предполагал, насколько трудно выходить брошенного лосенка, приучить его есть траву и побеги растений. «Лосята рождаются ужасно слабыми, и первые две недели лосиха от них не отходит. Первую неделю лосята встают на ноги, смотрят, как мама ест листочки, и повторяют за ней. И человеку, который выхаживает лосят, важно в эти первые дни жизни научить их пережевывать

листву, насильно засовывая лосенку зелень в рот», – рассказывает он. Это очень трудно, но другого способа сохранить жизнь будущему хозяину леса нет.

Но выходить лосенка – это полдела. Главное – выходить его правильно. Важно, чтобы он не стал ручным, не привык к людям. «Чтобы у человека не было никаких шансов взаимодействовать с лосем в природе. И пытаться даже не нужно, – объясняет Артур. – Ручного лося в природу потом не выпустишь. Лось, который с детства живет с человеком, пожизненно обречен быть его игрушкой». По его словам, выпустить прирученных человеком лосей в природу теоретически можно, но они будут выходить в населенные пункты за едой. Станут агрессивными и могут нанести непоправимый вред.

СЕКРЕТЫ ЛОСЕЙ

Пока лежит снег, Артур и его помощники устанавливают электрозабор вокруг будущего царства лосей. Огородить им 5 гектаров земли – дело хлопотное, но необходимое. Лоси хоть и боятся тока, но во время игры запросто могут протаранить это сооружение. Для того чтобы укрепить забор, нужна мощная сетка-рабица. «Она скорее для людей, чем для животных. Чтобы не кормили их чем попало», – говорит Артур.

Пока лосей три: Шоколад, Сивка и Бурка. У каждого из них – свой характер. Зато история появления животных здесь общая: их, маленькими и слабенькими, привезли Артуру охотинспекто-

ры. Теперь это 2–3-летние прекрасные животные, похожие на длинноногих инопланетян из фантастических фильмов.

Шоколад, которому сейчас около 2 лет, поздний лосенок: он родился летом, хотя обычно лосята рождаются в апреле-мае, когда еще мало комаров и прочих жалящих насекомых. Не включему лосенку очень важно следовать за мамой. К лету они уже встают на ноги и могут передвигаться сквозь высокую траву и переносить жару. А к зиме набирают вес, который помогает пережить холода. Потому у рожденных летом лосят мало шансов выжить. Так что первую зиму своей жизни Шоколад провел в доме Артура и Насти.

Сивка и Бурка – сестры. Их нашел егерь, месяц выкармливал, а потом привез к Артуру.

Шоколад – избалованный и довольно капризный любимчик Артура, обожает залезать ему на плечи и отнимать корм у Сивки и Бурки. Хотя и они тоже не подарок: бодаются с Шоколадом, доказывая, что могут за себя постоять.

«Увидев лосенка, лежащего под деревом в лесу, люди по глупости хватают его и тащат домой. Это самая большая ошибка. Ведь лосиха просто отошла в поисках пищи. Она может отсутствовать несколько часов, но обязательно вернется к детенышу. Лосята обычно лежат и ждут ее. Если человек схватил лосенка и вынес его из леса, возвращать его туда смысла нет. Мне бы хотелось, чтобы люди знали это и не выносили лосят из леса», – советует Артур.

Пока молодые лоси разгуливают по вольеру, Артур раскрывает небольшие лосиные секреты. Например, если принести полное ведро самой вкусной еды, то лоси немного поедят и отойдут в сторону. Но стоит только разложить ту же самую еду в три емкости, налетят и моментально все слопают. Правда, еда должна быть свежей. Та, что некоторое время лежит в вольере, их уже не интересует. Не будут есть лоси еду и в том случае, если ее поклевали птицы, к соседству с которыми животные, в принципе, относятся терпимо. Шоколад

Лосиная мама
конаковских
лосей Артур
Малиев

Артур и его
помощники
устанавливают
электрозабор
вокруг
будущего
царства лосей

Времени на отдых у Артура крайне мало: несколько минут между кормлением лосей

не только отбирает еду у сестер Сивки и Бурки, но и любит стоять над ними, пока они лежат. Это признак доминирования у лосей: те, кто ниже – слабее. Поэтому и к людям они относятся без страха: мы ведь ниже лосей.

И МЕХ, И МОЛОКО

Мы идем по огромному полю, которое одним краем упирается в дикий лес. Артур говорит, что хочет взять этот лес в аренду и построить в нем дом и приют для брошенных лосят – «Братство лосей». Кормить их будут так, чтобы они не привыкали к людям и не могли с ними контактировать. А затем подросших и окрепших лосей можно будет выпускать в дикую природу.

Свежие ветки ивы с пушистыми почками – лосиный деликатес

Рядом с домом он хочет возродить и традиции одомашнивания лося для того, чтобы из лосиного молока делать сыр – настоящий деликатес. Кстати, и само лосиное молоко должно пользоваться спросом, ведь оно жирное и антиаллергенное.

Исследователи Сибири и Дальнего Востока говорят о том, что лосей одомашнивали в бассейнах рек Лены, Ангары и Енисея. Там были обнаружены наскальные рисунки (писаницы) лосей, которых люди пасут, ведут в недоузках на поводу, ставят на привязь, используют для езды верхом и в санной упряжке, держат в загонах. А почему нет: в быту лось неприхотлив, по глубокому снегу груз вывозит.

Инициатором опытов одомашнивания лося в Советском Союзе был Петр Александрович Мантейфель. В 1935 году, проводя опыты по одомашниванию восьми лосят в Московском зоопарке, он пришел к заключению, что приручение и последующее одомашнивание лося вполне возможны. «Пора наконец исправить прежние ошибки и ввести лося в список новых сельскохозяйственных животных, которые в северной лес-

ной зоне окажутся незаменимыми и помогут нам быстро завоевать и освоить тайгу. Лось хранит в себе громадную важности потенциальные возможности, учесть которые с достаточной полнотой в настоящее время невозможно», – писал он. В 1949 году базой для одомашнивания лося стал Печоро-Ильчский государственный заповедник. Здесь, на базе подопытного стада из 14 ручных лосей в возрасте до 3 лет, была создана первая опытная лосеферма, которая должна была вывести специализированное животное для советской таежной ландшафтной зоны. Как северный олень – для тундры, як – для высокогорья, верблюд – для пустыни. В конце 1990-х опыты по одомашниванию были прекращены, а лоси стали частью познавательной программы заповедника и привлекают туристов.

ИГРЫ С ЛОСЯМИ

Лоси спят, лежа на ветках. Просыпаются рано: в пять часов утра они уже перекусывают сочными веточками, перемалывая их дальними коренными зубами. Верхних зубов у лосей нет. Большие, сонные, серьезные, они ходят по небольшому вольеру среди множества птиц: сорок, овсянок, чечеток, привлеченных сюда рассыпанным комбикормом и зерном.

«А ты в курсе, что лоси вообще не пахнут?» – спрашивает Артур. «Что, правда?» – удивляюсь я. Артур подводит меня к боку Шоколада, и я буквально проваливаюсь лбом в густую и теплую лосиную шерсть. «А ведь точно – не пахнут!» – восклицает я. Но, вспомнив, что при лосях ни в коем случае нельзя кричать, перехожу на свистящий шепот. Кстати, подойти к лосю, чтобы понюхать его – это очень плохая затея: даже рожденный в неволе лось остается непредсказуемым и довольно агрессивным животным, которое может сильно покалечить.

После полудня мы с лосями идем на прогулку. Бурка выходить из вольера отказалась.

А вот Шоколад с Сивкой носятся по насту как угорелые. Потом Сивка начинает задирать Шоколада. Тот ретируется и почему-то начинает бодать меня. Артур прикрывает меня от лосей и просит не поворачиваться к ним спиной. Но я уже повернулся, и Сивка тут же боднула меня в рюкзак. Пролетев пару метров, я приземлился на наст, провалившись по колено в мартовский снег. Кажется, лоси подумали: «Слабак!» Они потеряли ко мне интерес и принялись есть сочные молодые веточки. Наконец мы с Артуром и лосями отправились в обратный путь. Пока мы отсутствовали, привезли целую машину свежих веток ивы с пушистыми почками, так что лоси с удовольствием принялись за еду. Быстрее всех наелась Бурка и, позевывая, начала крутиться тут же на свежих ветках, готовясь прилечь.

ПРЕДАННАЯ БРАНА

Есть у Артура и еще одна подопечная – огромная черная самка ворона по имени Брана. Обычно она кружит над Артуром и выпрашивает у него мясо, которое тот носит в специальном стаканчике в верхнем кармане куртки. Поест, сядет к нему на плечо и начинает разговаривать, как старый пленочный магнитофон, временами издавая звуки терменвокса.

Кстати, самая страстная любовь Артура и Браны – группы «Король и Шут» и Papa Roach. Артур даже специально для Браны пристегивает к поясу портативную круглую колонку, чтобы ворона подпевала.

Брана сама выбирает, где ей сидеть, поэтому пару раз садилась на мой штатив и плечо. Тяжелая птица косила бездонным взглядом на меня, я с опаской – на нее. Потом, пока я осматривал окружающий пейзаж, пару раз тукнула меня по берцам. «Невкусные», – явно резюмировала она. «Ну, извини!» – ответил я.

Большая черная птица кружит над нами. Артур рассказывает, что два года назад нашел ее под гнездом в лесу. «Еще немного, и съели бы ее муравьи», – вспоминает он.

Артур выкормил ворона, а затем построил огромный вольер. Иногда к вольеру прилетает такой же, как Брана, огромный черный ворон. Садится на сетку вольера и смотрит на нее. Может, приглашает улететь? У Браны не обрезаны крылья. Она может лететь куда ей хочется. Она и летает, но всегда возвращается. Такая вот птичья преданность. 🐦

Шоколад с Сивкой носятся по насту как угорелые, но держат в поле зрения Артура

Брана может лететь куда ей хочется, но не улетает. Такая вот птичья преданность

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспоттрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru